

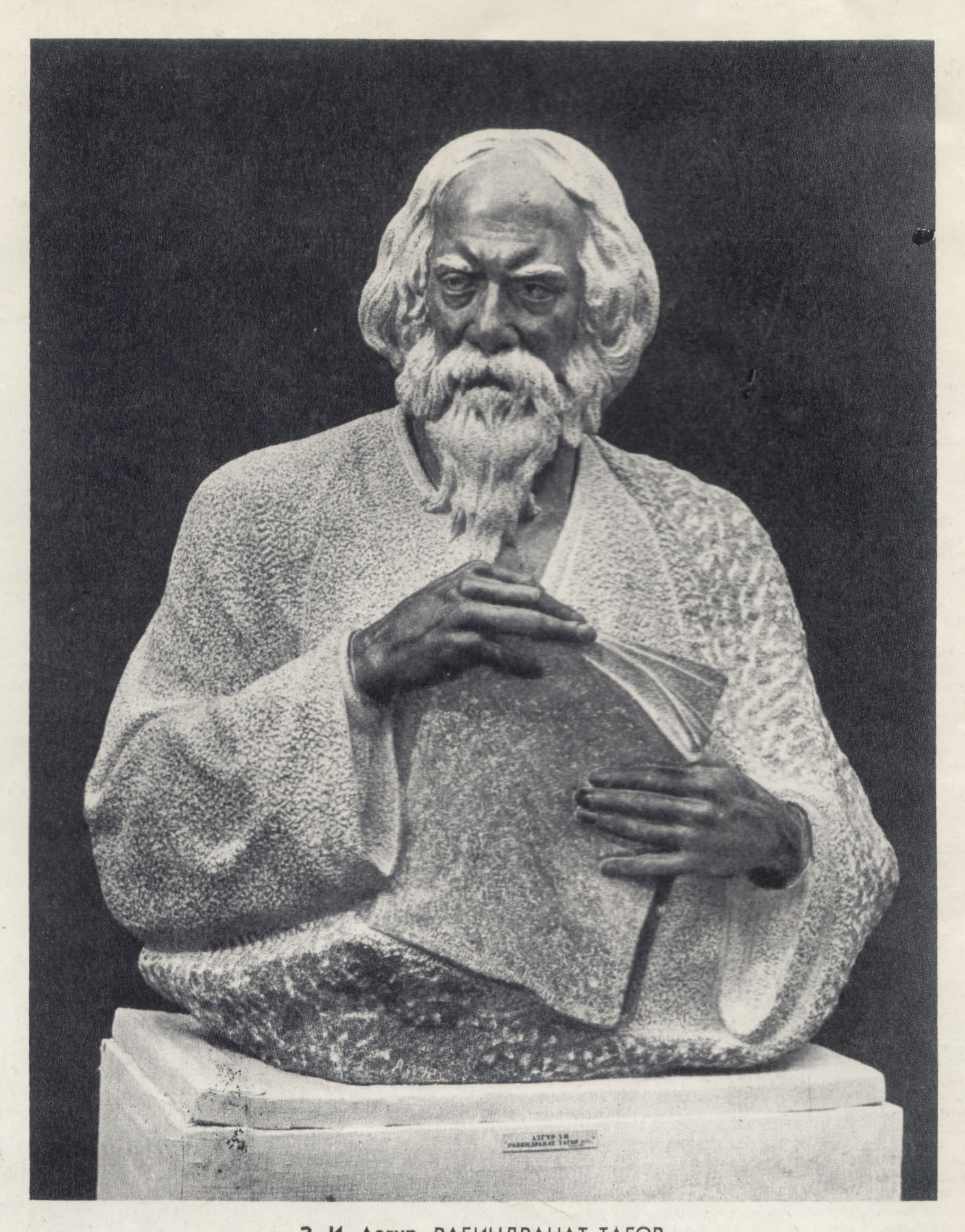

ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На первой странице обложки: Павильон СССР на Всемирной выставке в Брюсселе.

Фото А. Новикова.

На последней странице обложки: В павильоне СССР демонстрируются образцы крупногабаритных цветных оптических стекол. Посетители имеют возможность ознакомиться с достижениями Советского Союза в оптическом стекловарении.

СКУЛЬПТУРА НА ВСЕСОЮЗНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ 40-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

З. И. Азгур. РАБИНДРАНАТ ТАГОР.

Н. М. Суходолов. АРСЕНАЛЬЦЫ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 24 (1617) 8 ИЮНЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Вездесущая химия

Едва только вы переступаете порог здания, как вас одолевает сомнение: туда ли вы попали и соответствует ли действительности надпись на фронтоне, выбитая крупными буквами, «Химическая промышленность»?

В большом зале вы видите гоночный автомобиль, строительные материалы, из которых сооружена квартира, цветные ткани, спускающиеся за зеркальной витриной. Однако вы не ошиблись адресом. Это действительно павильон химической промышленности на Всесоюзной промышленной выставке.

Выступая на митинге, посвященном открытию промышленной выставки, Н. С. Хрущев говорил о широкой программе ускоренного развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов. Павильон химической промышленности на выставке ярко демонстрирует, насколько возросла роль химии в развитии наших производительных сил.

Вот, например, автомобиль, выпущенный заводом имени Лихачева, развивающий скорость до двухсот сорока километров в час. Кузов автомобиля целиком из пластмассы. Из пластических масс сооружена и эта красивая, удобная квартира. Такой дом — пятиэтажный — намечено построить в Москве. Оконные блоки, ванны, трубы, стены, даже линолеум на полу и скатерть на столе — все будет сделано из пластиков.

Особенно много посетителей у витрин, напоминающих витрины больших универмагов, где разложены ткани, висят меховые шубы, красуется всевозможная обувь. И это сделано из разнообразных искусственных заменителей.

Вот красивые мужские туфли. Попробуйте взять их в руки: хотя они и большого размера, но весят меньше обычных миниатюрных женских туфель: подошвы их — из облегченной микропористой резины. Ваше внимание привлекает меховая дамская шубка. Она сделана из синтетического волокна, но ее почти нельзя отличить от настоящей меховой. Невдалеке висит белая детская шубка. Ее можно стирать, после чего она снова приобретет свой первоначальный вид.

Чего только нет в этом павильоне! На стене висят красивые ковры. Неужели и это продукция химической промышленности? Да, они сделаны из хлорина, их тоже можно стирать, как обычное белье. Потом вы видите лечебное белье, которое целебно действует при радикулитах; искусственную шерсть, которая красивее, прочнее и удобнее натуральной; вечерние шали изумительной красоты, сделанные из капрона, и многое другое, что вызывает живой интерес не у одних только женщин, но и у всех без исключения посетителей.

С некоторым недоумением подходите вы к большой шлюпке, которая установлена в одном из залов. Оказывается, и она сделана из пластических масс и по своему весу значительно легче обычной шлюпки. У нее еще одно преимущество: эта шлюпка не тонет, даже заполненная водой до отказа. Наша промышленность будет выпускать такие шлюпки небольшого размера для водных прогулок и спорта.

Павильон химической промышленности пользуется большим успехом. В нем побывало уже много тысяч посетителей из разных городов страны и из-за рубежа: Китая, Венгрии, Польши, Румынии. В книге отзывов немало восторженных записей, сделанных архитекторами и инженерами, рабочими и учителями, студентами и профессорами. Всякий, кто побывал здесь, уходит благодарный партии за ее заботу о дальнейшем развитии химической промышленности.

В павильоне химической промышленности.

Фото О. Кнорринга.

Руководители партии и правительства знакомятся с экспонатами павильона «Наука».

Фото С. Раскина.

В зале заседаний VII съезда Болгарской коммунистической партии.

СЪЕЗД БОЛГАРСКИХ КОММУНИСТОВ

2 июня в Софии открылся VII съезд Болгарской коммунистической партии. Делегаты съезда бурными аплодисментами встретили руководителей БКП. Горячо приветствовали участники съезда делегацию КПСС во главе с Первым секретарем Центрального Комитета КПСС товарищем Н. С. Хрущевым и другие делегации братских коммунистических партий.

На съезде с отчетным докладом ЦК БКП выступил Первый секретарь ЦК БКП товарищ Тодор Живков. В своей речи он отметил, что Болгарская коммунистическая партия видела и видит в марксистско-ленинском единстве и сплоченности международного коммунистического и рабочего движения главное условие его победы над капитализмом. Он нарисовал яркую картину успехов народной Болгарии в социалистическом строительстве.

С огромным вниманием выслушали участники съезда речь руководителя делегации КПСС товарища Н. С. Хрущева. В заключение своей речи Н. С. Хрущев зачитал приветствие ЦК КПСС VII съезду Болгарской коммунистической партии.

1 июня делегация КПСС во главе с Н. С. Хрущевым посетила мавзолей Георгия Димитрова и возложила венок.

Король и королева Непала в Советском Союзе

Встреча высоких гостей из Непала на Внуковском аэродроме.
Фото А. Гостева.

4 июня в Советский Союз по приглашению Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова прибыли Его Величество король Непала Махендра Бир Бикрам Шах Дева и Ее Величество королева Ратна Раджия Лакшми Деви Шах.

Визит главы Королевства Непал в Советский Союз послужит укреплению дружеских отношений между нашими странами.

На площади Республики

В Париже много мест, напоминающих о славном революционном прошлом французского народа, названия которых воскрешают в памяти героические страницы его истории. Площадь Бастилии — место рождения великой французской революции. Белые плиты мостовой рисуют контуры крепости-тюрьмы, взятой приступом 14 июля 1789 года восставшим парижским пролетариатом, кладбище Пер-Лашез с его Стеной коммунаров или музей мэрии в Монтрей, хранящие память о мужественной борьбе защитников Парижской коммуны.

Площадь Республики, может быть, уступает всем этим местам с точки зрения истории, но здесь почти три четверти века возвышается бронзовая статуя Марианны — символ Французской Республики, — увенчанной лавровым венком. Статуи и барельефы, отображающие знаменательные даты борьбы народа за утверждение республиканского режима, украшают ее пьедестал. Этот памятник столь дорог всем французам, что все народные манифестации парижане проводят именно на окружающей его площади. Здесь демонстрировали трудящиеся столицы в дни народного фронта, тут в послевоенные годы проходили грандиозные митинги и шествия в дни Первого мая и национального праздника 14 июля, пока их не запретили чересчур «осторожные» власти.

Мимо памятника, опустив знамена, прошли сотни тысяч парижан, провожавшие в феврале этого года в последний путь ветерана Французской компартии Марселя Кашена. И именно здесь прошли 28 мая, в разгар кризиса, вызванного мятежом в Алжире, участники грандиозной демонстрации в защиту Республики. Начав шествие от площади Нации, они прошли здесь, чтобы показать всем, кто покушается на демократические права и свободу, завоеванную народом в жестокой борьбе, свою решимость и готовность дать отпор фашизму.

«Да здравствует Республика!» — гласили плакаты, которые несли демонстранты под звуки «Марсельезы».

Во главе колонны шли руководители Коммунистической партии Франции, многие лидеры социалистической партии, партии радикалов и радикал-социалистов и других республиканских партий. Шли представители всех профсоюзных и молодежных демократических организаций, и народ шумно приветствовал их. «Единство, единство, единство!» — вот лозунг, который как настойчивое требование звучал на площади. Четыре с лишним часа длилось шествие. Напрасно тысячи полицейских и жандармов, укрывшихся в прилегающих переулках, ждали повода, чтобы вмешаться под предлогом «охраны порядка».

На площади Республики 28 мая.

Колонны шли среди густой толпы, сгрудившейся на тротуарах, соблюдая нерушимую дистанцию. И было что-то грозное и величественное в этом шествии, в его достоинстве и спокойствии, уверенности в своих силах.

Демонстрация на площади Республики была одной из самых крупных и организованных среди сотен подобных же шествий за последнюю неделю во Франции. В эти дни народные выступления воочию показали приверженность французов и французской демократическим порядкам. И они отрезвляюще действовали на тех, кто рассчитывал на фашистский путч, на вооруженную авантюру. Это было грозное предупреждение.

В последние дни на площади Республики царит обычная жизнь. Мчатся потоки автомашин по десяти улицам и бульварам, вливающимся на площадь. В часы пик тут не проехать, не пройти. Заполнены террасы и кафе, дети играют в тщедушном сквере. Но на памятнике висит лозунг и трехцветное знамя, которое современный Гаврош в день демонстрации сумел прикрепить к самой статуе Республики. А у ее подножия — букет живых цветов. Это простой люд столицы приносит их сюда, выражая тем свою верность и любовь к Республике.

С. ЗЫКОВ

Париж, 3 июня.

О. Лепешинская, Мишель Рено, Г. Уланова, посол СССР во Франции С. А. Виноградов, Лиан Дейде в момент встречи.

А. Мессерер, Ю. Кондратов, М. Рено — перед отлетом французской труппы в Москву.

Фото Мишель Пети.

В ПАРИЖЕ В ПЕРВЫЕ ДНИ

В ПАРИЖЕ И В МОСКВЕ

В эти дни в Париже в здании старейшего театра Франции «Гранд-опера» идут гастрольные спектакли артистов балета Государственного академического Большого театра СССР, а в Москве на сцене Большого театра выступает французская балетная труппа «Гранд-опера».

Мы печатаем выступления советских и французских деятелей хореографии — первые их впечатления о начавшихся в двух столицах праздниках искусства.

О. ЛЕПЕШИНСКАЯ

— Прошли первые наши спектакли — «Ромео и Джульетта», «Лебединое озеро», «Мирандолина». Взыскательный французский зритель тепло встречает нас, советских артистов. Несмотря на сложность политической обстановки, газеты сразу же начали печатать рецензии на наши спектакли. Одна статья озаглавлена была так: «Парижские зрители весь вечер смотрели на Уланову глазами влюбленного Ромео».

Все свободное время мы тратим на то, чтобы познакомиться с достопримечательностями города. На улицах и в музеях нас уже узнают. Когда однажды после репетиции я пошла в Тюильри, чтобы покормить голубей, ко мне подошел один француз. Сначала он издали наблюдал за мной, а потом, видимо, любопытство взяло верх и он спросил: «Вы русская?» И тут же выразил удивление: «Я не знал, что русские способны тратить на кормление голубей 30 минут. Мне казалось, что они всегда так заняты, что не замечают птиц». Потом он поспешно отстегнул какой-то значок и попросил меня принять его, сказав при этом, что этот сувенир для него очень памятен.

В. РЫНДИН

— Я приехал в Париж несколько раньше всей группы артистов балета. Великолепно отнеслись к нам здесь рабочие сцены. Увидев, насколько сложна монтировка спектакля «Ромео и Джульетта», они согласились работать в свой выходной день. Дирекция театра утверждает, что это случилось впервые...

Свободного времени у нас очень мало. И все же мы побывали в Лувре, в музее скульптора Огюста Родена, в соборе Парижской богоматери, Булонском лесу, на кладбище Пер-Лашез. Я вновь встретился с известным французским художником Жоржем Вакевичем. Он был на открытии наших гастролей и восторженно отзывается о спектакле «Ромео и Джульетта».

Г. УЛАНОВА

— Выступать перед французами было значительно труднее, чем в 1956 году в Лондоне. И, естественно, все мы были очень взволнованы. Но сейчас три премьеры уже позади... Успех наш нарастал от акта к акту, от спектакля к спектаклю, и все теплее становилась атмосфера, устанавливался живой контакт между сценой и зрительным залом.

Парижане принимают нас очень хорошо, преподносят цветы. Особенно приятно мне было получить букет от зрителей галерки. Всем нам очень помогает исключительно теплое, доброжелательное отношение французских артистов оркестра и рабочих сцены.

ЖОРЖ ИРЖ

Многолюдно и празднично было в Большом театре на премьере артистов балета «Гранд-опера», показавших москвичам свою первую программу. В антрактах всюду можно было наблюдать оживленные беседы о школе, стиле, мастерстве французских артистов. Но среди зрителей оказался человек, который был свидетелем не одной, а двух премьер: балета Большого театра на сцене «Гранд-опера» в Париже, открывшего 30 мая свои гастроли спектаклем «Ромео и Джульетта», и премьеры французского балета в Москве 1 июня. Это Жорж Ирж — генеральный директор объединения музыкальных театров Франции. На нашу просьбу поделиться впечатлениями о московской премьере в Париже он сказал:

— На меня спектакль москвичей в Париже произвел впечатление совершенно необыкновенное. Этот спектакль наилучшим образом показывает, какие огромные усилия надо было приложить, чтобы создать подобный балет. Композитором С. Прокофьевым, постановщиком Л. Лавровским, художником П. Вильямсом и, безусловно, исполнителями, среди которых в первую очередь нужно назвать Галину Уланову, достигнуты большие успехи. Что меня особенно захватило — это не меркнущий ни на минуту темперамент каждого артиста. Спектакль с Улановой, непревзойденной артисткой, единственной в мире по масштабу таланта и высокому лиризму, заставил перевернуть все наши представления о хореографии.

Мы не имеем обыкновения ставить в «Гранд-опера» столь монументальных по сюжету спектаклей, и для нас такое представление было совершенно необычно, но советским артистам удалось до предела захватить и наших зрителей, тронуть их за самые глубокие душевные струны...

ЛИАН ДЕЙДЕ и ИВЕТТ ШОВИРЕ

По окончании премьеры артистов балета «Гранд-опера» в артистические комнаты пришли солисты балета Большого театра М. Плисецкая, С. Корень, Л. Жданов, Ш. Ягудин и другие, чтобы поздравить своих коллег по искусству с заслуженным успехом.

Народная артистка РСФСР Майя Плисецкая обняла Лиан Дейде, с которой они подружились еще в ее первый приезд в Москву.

Лиан Дейде сказала:

— Я выступаю на сцене Большого театра вторично. Когда я появилась в глубине сцены, мне зааплодировали, а по мере приближения к авансцене аплодисменты усиливались. Я поняла, что публика меня узнала, и это тронуло до слез. Танцевать в этот вечер перед москвичами было особенно приятно.

К беседе присоединилась Иветт Шовире, которую советские коллеги тоже горячо поздравили с успехом.

Сказав о своей радости выступать в Москве, Шовире заявила:

— Зрители ваши настолько великолепно принимают, что танцуешь с особым подъемом. Покат сцены Большого театра почти такой же, как в «Гранд-опера», и не приносит осложнений, но зато здесь бóльший простор, и поэтому испытываешь ощущение, что летишь к публике... Вероятно, и это создает впечатление полного с ней контакта.

Не могу не сказать и то, что особенно ощущала сегодня: оркестр Большого театра играет с внутренним огнем, с неподдельным вдохновением.

В МОСКВЕ В ДЕНЬ ПРЕМЬЕРЫ

Прима-балерина Иветт Шовире в Оружейной палате Московского Кремля.

За кулисами Большого театра СССР. Слева направо: Иветт Шовире, Майя Плисецкая, Лиан Дейде, Сусанна Звягина.

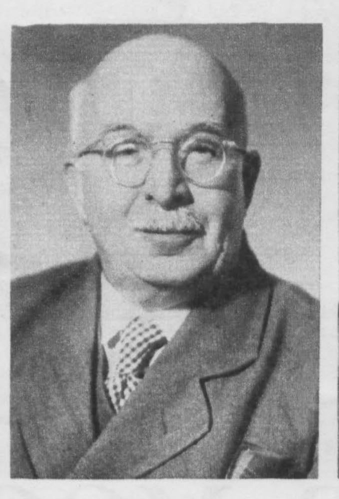

Артистки французского балета Жослин Люазо и Арлетт Реми увлечены фотосъемками.

Фото Е. Умнова.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ»

Каору Ясуи.

Арнольд Цвейг.

Луи Сайян.

Артур Лундквист.

Иозеф Громадка.

ЗА МИР БЕЗ ВОЙНЫ!

Перед конгрессом в Стокгольме

Михаил КОТОВ,
ответственный секретарь Советского комитета защиты мира

Весной этого года в Дели на сессии бюро Всемирного Совета Мира мне довелось стать свидетелем волнующей сцены. В зал заседаний пришли индийские дети с букетиками цветов в руках. Они обошли всех делегатов и вручили каждому из нас цветы. Надо было видеть растроганные лица делегатов, слышать их слова, обращенные к индийским ребятишкам. Вскоре после ухода детей попросил слова известный борец за мир канадский священник Джеймс Эндикотт. Он напомнил старую притчу. Трем американским охотникам случилось заночевать в дремучем лесу. Проснувшись, они увидели, что все небо красное, словно в огне. Охотники испуганно разбудили проводников и начали вопить: «Спасайся кто может, лес в огне!» Но проводники спокойно ответили: «Господа, это не огонь! Это восходит заря нового дня...»

— Мы собрались здесь,— сказал Эндикотт,— чтобы провозгласить о великой встрече народов в июле этого года в Стокгольме. Пусть предстоящий конгресс станет зарей нового дня мира и единения людей доброй воли всех стран.

Я слушал на этой сессии представителей многих стран. Они говорили о думах и чаяниях своих народов. Они рассказывали о том, как люди доброй воли всех стран ведут сегодня великую битву за то, чтобы спасти человечество от угрозы опустошительной атомной войны.

Выдающаяся общественная деятельница Индии Рамешвари Неру в своей речи призывала к единству народов.

— Международные конференции лиц и стран, представляющих всевозможные идеи, если ими разумно руководить,— сказала она,— могут оказаться очень полезными. Такие контакты должны осуществляться на всех уровнях. Я уверена, что Стокгольмский конгресс ожидает большое будущее, и я желаю ему успеха.

Слова Рамешвари Неру были горячо встречены всеми делегатами.

Сессия друзей мира в Дели отразила рост единения миролюбивых сил. Об этом свидетельствовало участие таких выдающихся представителей движения солидарности народов Азии и Африки, как Рамешвари Неру, Сахеба Калелкара, доктора Франсиса и представителя Японского совета борьбы по запрещению атомного и водородного оружия профессора Каору Ясуи.

Сейчас, когда человечеству все больше и больше угрожает гонка вооружений в странах Запада, когда над мирными городами Европы и других континентов летают американские самолеты с грузом атомных бомб, нужно великое единение всех миролюбивых сил, чтобы преградить дорогу атомной войне. Мир без войны! Разоружение и мирное сотрудничество всех народов! Положить конец холодной войне! Эти призывы, как мощный набатный колокол, звучат повсюду, на всех континентах.

Осуществлению этих благородных целей и должен послужить конгресс, который состоится в столице Швеции — Стокгольме. Как известно, Всемирный Совет Мира выступил инициатором созыва конгресса. Он заявил, что в Стокгольм приглашаются организации, группы, отдельные лица, без различия их взглядов и убеждений, которые стоят на позициях защиты мира и международного сотрудничества.

Обращаясь к участникам сессии бюро Всемирного Совета Мира в Дели, Председатель Всемирного Совета Мира, профессор Жолио-Кюри писал: «Наш Конгресс за разоружение и международное сотрудничество должен отразить все движения, развертывающиеся по нашей инициативе или по инициативе других миролюбивых сил. Он должен предоставить возможность для встреч, обмена мнениями, личных знакомств между представителями этих стран, чтобы выявить общие цели».

Как видно, дискуссия на конгрессе будет самая широкая. Делегаты смогут обсудить те проблемы, которые их прежде всего волнуют. Никаких ограничений для дискуссий, как и всегда в практике Всемирного Совета Мира, не будет. Делегаты смогут свободно высказывать свои взгляды, выдвигать предложения, отстаивать их. В результате свободных дискуссий будут выработаны общие рекомендации по вопросам разоружения, запрещения ядерного оружия, расширения экономических и культурных связей между странами.

«Конгресс в Стокгольме,— говорится в Заявлении сессии бюро Всемирного Совета Мира,— может рассеять недопонимание во многих вопросах, ибо он даст людям доброй воли всех стран возможность искренне поговорить друг с другом. Мы приглашаем всех, и тех, кто примет в нем участие, не будут связывать никакие обязательства. Те, кто будет участвовать в конгрессе, не будут ничем ограничены. Желая созыва совещания на высшем уровне, которое должно открыть путь к улучшению международных отношений и к международному соглашению, народы должны добиться успеха своего собственного совещания на высшем уровне за разоружение и мирное сосуществование».

С разных концов света идут вести о том, что инициатива Всемирного Совета Мира о созыве Стокгольмского конгресса находит горячее одобрение. В подготовительном комитете по созыву конгресса участвуют виднейшие политические и общественные деятели различных стран.

Готовясь к Конгрессу в Стокгольме, друзья мира во всех странах усиливают совместные действия за прекращение испытаний ядерного оружия, за прекращение холодной войны. В Англии, в США, в Федеративной республике Германии, во многих других странах Запада движение против опасности атомной войны принимает массовый характер.

Джеймс Эндикотт принимает подарок индийских детей.

Приведем два характерных примера. Недавно 11 100 крестьян Ютландии (Дания) передали представителям всех политических партий в парламенте заявление. Датские крестьяне заявляют, что поддержат любые усилия, направленные на прекращение испытаний атомных бомб, а также запрещение всех видов атомного оружия и на достижение договоренности об общем сокращении вооружений и мирном сотрудничестве народов.

В Голландии поднялась волна возмущения против размещения установок для запуска ракет. Голландский совет мира призвал организовать Народный референдум против строительства ракетных установок. Много видных известных деятелей подписали эту петицию. Вести о нарастании движения против угрозы атомной войны идут со всех концов света.

Советские люди, как и все друзья мира, горячо поддерживают созыв конгресса за разоружение и международное сотрудничество. Мы готовы встретиться в Стокгольме с представителями любых общественных кругов и вместе, доброжелательно, в духе полного взаимопонимания, обсудить волнующие народы вопросы сохранения мира.

Подготовка к конгрессу в нашей стране совпала с историческим решением Верховного Совета СССР об одностороннем прекращении испытаний атомного и водородного оружия. Выражая волю всех советских сторонников мира, Советский комитет защиты мира горячо одобрил благородные решения Верховного Совета СССР, содействующие значительному ослаблению международной напряженности и укреплению мира во всем мире.

С 1 июня в нашей стране была объявлена «Неделя мира», посвященная подготовке к конгрессу. Она с новой силой показала готовность советских людей, нашей общественности активно сотрудничать со всеми миролюбивыми силами зарубежных стран.

Скоро исполнится десять лет, как зародилось великое движение нашего времени — движение сторонников мира. Во всех странах известны имена отважных борцов за мир. Эти замечательные люди не жалеют ни сил, ни времени для великого благородного дела. Ежегодно, а то и несколько раз в год они пересекают континенты, чтобы встретиться со своими соратниками из других стран, обсуждать пути сохранения мира и пропагандировать его идеи. Миллионы людей во всех странах с радостью услышали сообщение о присуждении почетной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» выдающимся борцам за мир Каору Ясуи, председателю Всеяпонского совета за запрещение атомного и водородного оружия, немецкому писателю Арнольду Цвейгу, генеральному секретарю Всемирной Федерации Профсоюзов Луи Сайяну, шведскому писателю Артуру Лундквисту, профессору, декану евангелическо-богословского факультета имени Коменского (Чехословакия) Иозефу Громадке. Это — новое свидетельство того, как растут и крепнут ряды неутомимых борцов за мир и дружбу народов.

Шестнадцатого июля этого года Стокгольм встретит сотни друзей мира со всех материков, посланцев всех народов. Эти люди приедут в столицу миролюбивого шведского народа, чтобы сказать свое веское слово в защиту мира. И они скажут это слово.

РАЗОРУЖЕНИЕ—ВЗАИМОПОНИМАНИЕ...

Когда участники марша за ядерное разоружение, который происходил на Британских островах в апреле этого года, двинулись с Трафальгарской площади Лондона в путь, в их рядах, осторожно переставляя ноги, шел высокий слепой человек. Имя его в Англии хорошо известно. Недавно там вышла книга «Радиоактивные осадки», написанная группой английских ученых. Эта книга представляет собой научно аргументированный довод за прекращение испытаний ядерного оружия, отравляющих земную атмосферу. В числе авторов этой книги был и Фредерик Ле Гро Кларк — ученый, инвалид первой мировой войны, участник марша мира.

Сейчас Ле Гро Кларк, посланный английской ассоциацией «Ученые в защиту мира», вместе с делегатами других английских организаций, выступающих в защиту мира, находится в Советском Союзе. Эти организации представляют различные слои населения Великобритании и не во всем придерживаются одинаковых мнений. Но по главным проблемам — таким, как необходимость сохранения мира, разоружение, запрещение испытаний ядерного оружия,— взгляды их совпадают. Гости из Англии приехали сюда, чтобы встретиться с представителями Советского комитета защиты мира, выяснить точки зрения друг друга и обсудить, как лучше способствовать миру и взаимопониманию.

Английские гости в Москве.

Фото автора.

— Марш Лондон — Олдермастон был весьма примечательным событием,— рассказывает Ле Гро Кларк.— Этот марш отразил подъем в движении английского народа за мир, который происходит сейчас. На мой взгляд, в последнее время в умах людей многое изменилось, и это может стать началом самого широкого движения в защиту мира. У англичан нет никаких дурных намерений в отношении вас, советских людей, и они думают о вас хорошо. Но английскому народу часто повторяют, что Россия «слишком могущественная» держава, и тем самым сеют всякие подозрения. Задача тех, кто хочет мира, заключается в том, чтобы устранить эти подозрения. Надо признать, что такие шаги Советского Союза, как одностороннее прекращение испытаний ядерного оружия, сыграли в этом свою роль.

В вашей стране я изучаю работу, которую проводит Советский комитет защиты мира в пропаганде мира внутри Советского Союза. Я собираю различные плакаты, лозунги, брошюры. Мне кажется, что здесь эта работа делается замечательно. И она очень важна. Пропагандируя мир так ярко и так усиленно, вы тем самым показываете всю искренность своих мирных устремлений.

О том, как важно устранить подозрительность в отношениях между английским и советским народами, говорили и другие члены делегации.

— Знаете, что сообщила мне страховая компания, где я застрахован, когда мы собирались в Советский Союз? — сказал Стюарт Моррис, генеральный секретарь пацифистской организации «Союз приверженцев мира».— Меня информировали, что компания не будет нести никакой ответственности в случае моего «исчезновения» здесь. Вот вам пример, как необходима работа для создания атмосферы доверия между нашими странами.

Эту мысль поддерживает и Вильям Симпсон, председатель исполкома «Национального совета мира».

— Мы еще недостаточно знаем друг друга,— вступает в разговор Макс Паркер, делегат организации «Общество примирения».— Нужно, чтобы о мыслях, о позициях друг друга мы знали больше, и тогда будет легче прийти к взаимопониманию.

Английские гости с удовлетворением говорят о встречах с представителями Советского комитета защиты мира. По их мнению, дискуссии во время этих встреч были полезны.

— Хотя не все точки зрения у нас совпадают,— отмечает Эрик Такер, представитель организации квакеров «Общество друзей»,— во время этих дискуссий все мы искренне старались достичь взаимопонимания.

— Мы очень быстро пришли к соглашению о повестке дня,— замечает Стюарт Моррис.— Было бы хорошо, если бы нашему примеру последовали главы правительств, которые готовят совещание на высшем уровне.

Английские гости выражают желание, чтобы встречи представителей движения за мир, несмотря на различие точек зрения, происходили чаще, стали бы регулярными. Они надеются, что Советский комитет защиты мира в следующем году направит свою делегацию в Англию.

Мы интересуемся, как в Англии было воспринято решение Советского Союза о прекращении испытаний атомного оружия.

— Мы приветствовали это решение,— говорит Стюарт Моррис.— Но мы, пацифисты, считаем, что на этом нельзя останавливаться. В своей стране мы требуем, чтобы правительство не только прекратило испытания ядерного оружия, но и приступило к разоружению. Это должно послужить примером для других. Полного мира можно достичь только в условиях разоружения. И тогда для человека откроются все возможности для развития.

Из разговора с гостями мы узнаем, что в этом году исполняется 50 лет существования Национального совета мира. Эта организация объединяет 45 различных организаций — церковных, кооперативных, профсоюзных. В этом году исполняется также десятилетие другой организации — Английского комитета защиты мира. Эти даты совпадают с подъемом в движении за мир английского народа.

— В этом году сильнее, чем раньше, английский народ выражает желание добиться решения по вопросам разоружения и переговоров на высшем уровне,— говорит нам Рой Гор, секретарь Английского комитета защиты мира.— Организации, выступающие за мир, намерены провести еще несколько массовых выступлений, подобных маршу Лондон — Олдермастон.

Прощаясь, мы желаем английским гостям успеха в их деятельности.

А. СЕРБИН

ПИТОМЦЫ „НАМУНЫ"

Г. ДИМОВ и С. ФРИДЛЯНД.

Это было весной 1923 года. В первой ташкентской школе-интернате царило оживление.

Впрочем, объясним сначала, что это за школа-интернат. Она находилась позади медресе, которую снесли потом в связи с генеральной реконструкцией Ташкента. Место это звалось Шейхантауром. Ныне о нем мало кто помнит. Школа-интернат носила название «Намуна», что значит «Образец». Воспитывались и учились в «Намуне» сироты и дети бедняков.

Вся жизнь школы-интерната построена была на тех же основах, что и в колонии А. С. Макаренко. Арку интерната в Шейхантауре украшали слова: «Знание и труд».

Так вот, в «Намуне» отмечался праздник весны. Этим и объяснялось необычное оживление. После утреннего чая воспитанники вышли на поляну, в тень карагачей, где читали стихи Хамза Хакимзаде, пели «Хо ишчилар!» («Эй, рабочие!»), представляли «Фархад и Ширин». Роль Ширин исполнял главный затейник Саидазим Усманов. Потом фотографировались.

Напомним: это было тридцать пять лет назад. Один из тех мальчиков, ныне директор Института химии Академии наук Узбекской ССР, Якуб Юсупович Алиев, сохранил у себя снимок. Он начал разыскивать питомцев «Намуны».

Что дали поиски? Якуб Юсупович был опечален, узнав, что с фронтов Отечественной войны не вернулись офицер Максум Мухамедов, военный врач Мансур Эминов. Умерли Тухпат Нусратов и Саидазим Усманов — тот, кто играл роль Ширин.

Их первыми и вспомнили друзья-намуновцы, когда недавно встретились.

Архитектор Абдулла Бабаханов спрашивает:

— Ребята, а ну поднимите руку... Кто уже дедушка?

Поднимается шесть рук.

Слышится чей-то робкий голос:

— Я, кажется, тоже скоро буду дедушкой.

Все дружно смеются.

Рассаживаются, чтобы фотографироваться, и тут выясняется, что нет Гульсум Рахимовой.

— Опять из-за нее задерживаемся!

Все смеются. Тридцать пять лет тому назад Рахимова тоже любила опаздывать.

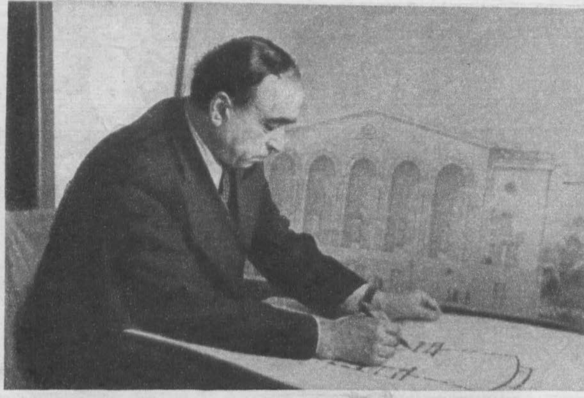
А почему задерживается Гульсум Рахимова на этот раз?

Кто-то объяснил:

— Она в типографии. Сегодня мы можем поздравить Гульсум со вторым совершеннолетием. Ее учебник «Родная литература» выходит восемнадцатым изданием.

Но вот появляется и Гульсум Рахимова. Все в сборе.

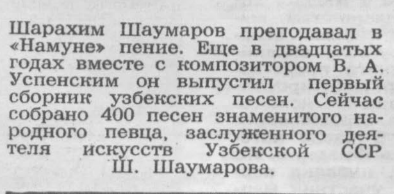
Кто же они теперь, бывшие воспитанники «Намуны» и их учителя? О некоторых из них нам расскажут фотографии.

Абдулла Бабаханов — архитектор. Сейчас он работает над проектом Дома культуры в Ташкенте. Это его семьдесят седьмой проект.

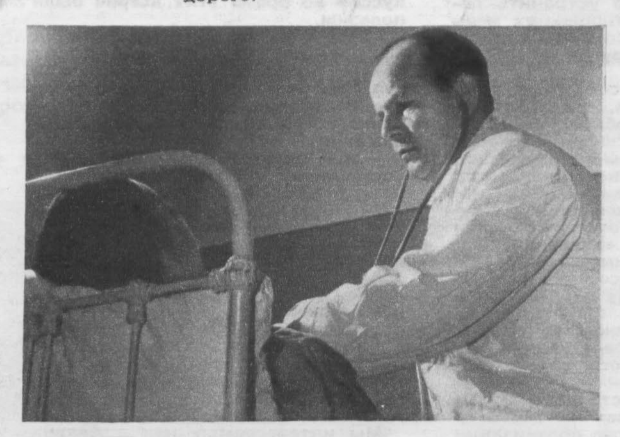
— А вам приходилось быть в Сталинабаде? — спрашивает Бабаханов.— Там проект Дома культуры тоже мой. То, что сделано для братского народа, особенно дорого.

Шарахим Шаумаров преподавал в «Намуне» пение. Еще в двадцатых годах вместе с композитором В. А. Успенским он выпустил первый сборник узбекских песен. Сейчас собрано 400 песен знаменитого народного певца, заслуженного деятеля искусств Узбекской ССР Ш. Шаумарова.

Зайнутдин Аманов — заслуженный врач Узбекской ССР, научный сотрудник Узбекского научно-исследовательского института санитарии. Его исследование «Условия труда в гренажной промышленности Узбекистана» широко используется не только в Узбекистане но и в других республиках.

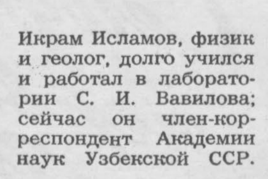

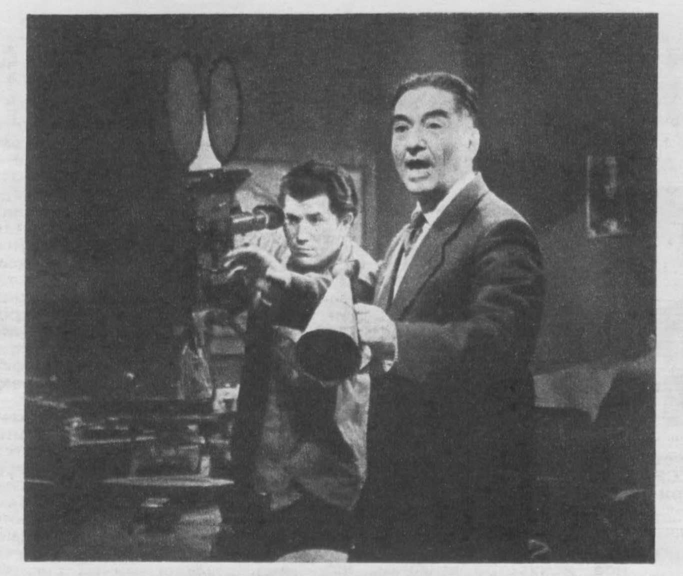
Сабир Мухамедов, заместитель министра культуры Узбекской ССР, занят подготовкой к предстоящей декаде узбекского искусства и литературы в Москве.

С. Мухамедов — драматург. В соавторстве с писателями Уйгуном и М. Шевердиным им написан сценарий фильма «По путевке Ленина». Картина уже вышла на экраны.

Икрам Исламов, физик и геолог, долго учился и работал в лаборатории С. И. Вавилова; сейчас он член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР.

— Больше жизни, больше чувства! — командует кинорежиссер Юлдаш Агзамов.— Вы же снимаетесь в фильме «Очарован тобой». Очаруйте зрителя!

Новый фильм — вторая большая работа бывшего питомца «Намуны». Кстати сказать, «Намуна» находилась на территории нынешней Ташкентской студии художественных и документальных фильмов.

Гияс Джалалов был самым молодым преподавателем в «Намуне». Он мечтал стать астрономом. Так оно и вышло. Мы видим его в обсерватории. Кандидат физико-математических наук, член комиссии по истории астрономии Академии наук Узбекской ССР Г. Джалалов участвует в реализации программы Международного геофизического года. Он автор 16 научных трудов. Один из них, «Деятельность Бируни в области астрономии», издан недавно во Флоренции.

— А над чем вы работаете сейчас?

— Готовлю труд «Ответы Ибн Сины на 18 вопросов Бируни».

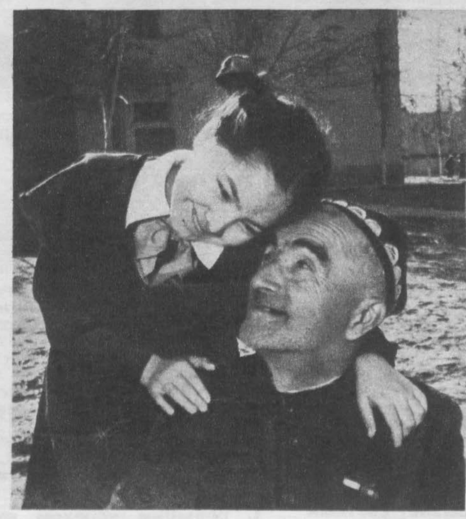

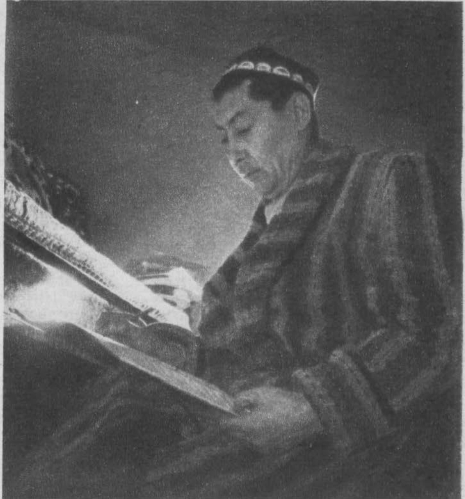
Заслуженная учительница Узбекской ССР, научный сотрудник Института педагогических наук Узбекской ССР Гульсум Рахимова часто бывает в ташкентской школе № 1, где она много лет была директором. Она беседует с учениками вместе с завучем Яхей Ахмедовым, который был когда-то ее учеником.

← Бывшего намуновца, ныне доктора исторических наук Я. Гулямова (справа) мы застали в Музее истории Академии наук Узбекистана беседующим с директором этого музея Г. Рашидовым. Среди экспонатов музея есть и находки Гулямова.

В лабораторию кандидата химических наук, директора Института химии Академии наук Узбекистана Я. Ю. Алиева заглянул приехавший в Ташкент председатель Бухарского совнархоза С. Нусратов. Вот так и встретились бывшие намуновцы.

Пулат Бабаджанов был в «Намуне» инструктором по сапожному и швейному делу. А потом? Потом он уехал в Иваново и вернулся оттуда мастером-текстильщиком. Недавно, после тридцатилетней работы на Ферганском и Ташкентском текстильных комбинатах, Бабаджанов ушел на пенсию.

Место его на комбинате занял сын Ахмед, выпускник средней школы.

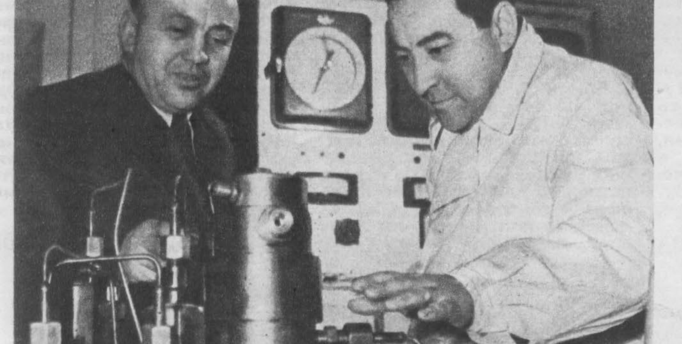

Пулат Рахимов стал композитором. Он побывал более чем в двадцати странах, выступая с концертами.

— Над чем вы сейчас работаете?

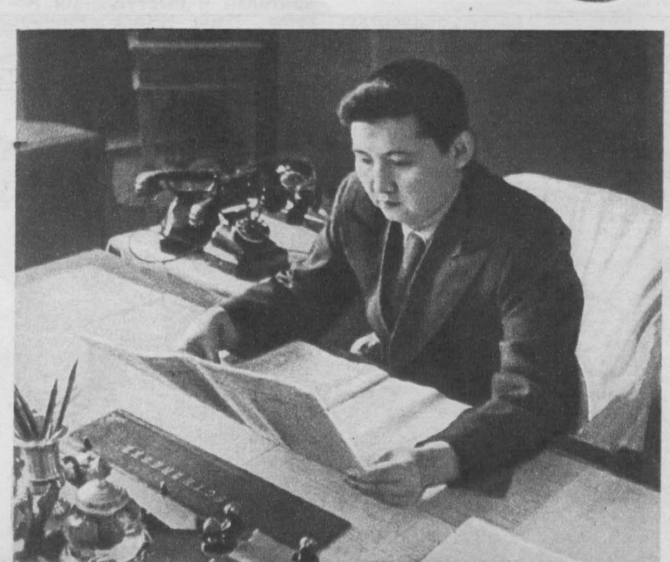
— Заканчиваю музыкальную драму «Белый лотос».

Питомец «Намуны» первый секретарь ЦК КП Киргизии И. Р. Раззаков. →

Пол Скофилд приветствует народную артистку СССР А. К. Тарасову в момент прибытия в Англию.

Фото В. Матвеева.

ЛОНДОНСКИЙ СЕЗОН МХАТа

Театральный сезон в английской столице редко проходит без гастролей драматических трупп из других стран. Но вот на рекламных щитах театра Садлерс Уэллс появились афиши Московского Художественного театра имени Горького. К началу гастролей МХАТа билеты на спектакли были полностью раскуплены на две недели вперед.

МХАТ, имя Станиславского, система Станиславского давно и хорошо знакомы английской театральной общественности. Всеобщим признанием пользуется в Англии драматургия Чехова, начавшая сценическую историю в МХАТе. За исполнение чеховских ролей брались и выдающиеся мастера английской сцены. В Ливерпуле, Бирмингаме, Шеффилде, Эдинбурге, Манчестере, не говоря о Лондоне, много раз оживали на сцене чеховские образы.

...11 мая на аэродроме в Стенстеде, недалеко от Лондона, приземлился самолет «ТУ-104», доставивший труппу Художественного театра. Состоялась теплая, дружеская встреча. Диана Уинард расцеловалась с А. К. Тарасовой, Пол Скофилд обнялся с М. Н. Кедровым. Площадка, куда сел советский самолет, оказалась словно усеянной цветами.

После первого спектакля «Вишневый сад», которым открылся лондонский сезон МХАТа, к А. К. Тарасовой, исполнявшей роль Раневской, подошел один англичанин. «Я не знаю вашего языка,— сказал он,— но это лишь заставило меня глубже и острее воспринимать величие вашего актерского искусства. Ведь мне приходилось концентрировать внимание на жестах, мимике, движениях — и какое поразительное богатство открылось передо мною!»

«Наблюдая игру артистов, я забыл о языке. Он более не имел для меня значения»,— писал о спектакле МХАТа театральный критик газеты «Трибюн».

Но на спектаклях Художественного театра зал реагирует не только на бесподобное искусство мимики, жеста советских артистов, но и на диалог, реплики... По окончании спектаклей исполнителей снова и снова вызывают на сцену овациями, о которых один из маститых театральных деятелей Садлерс Уэллса, сказал: «В жизни своей не видел ничего подобного!»

«На сцене нет неподвижных ролей, нет мертвых персонажей. Триумф каждого члена труппы состоит в том, что он в нужный момент раскрывает во всей полноте образ, который играет»,— так отзывался о спектаклях МХАТа в Лондоне журнал «Нью стейтсмен энд нейшен». А «Манчестер гардиан» писала: «Наблюдать игру на таком уровне явилось вдохновением и для наших театроведов и для широкой публики; нам снова продемонстрировали, что в основе любого великого театра лежит стремление к правде».

В часы, свободные от спектаклей и репетиций, члены коллектива МХАТа знакомятся с английской столицей. Посетили Королевскую академию драматического искусства, где артистов попросили вручить дипломы и медали выпускникам. Встречались со многими из английских актеров и актрис, посмотрели театральные постановки в Лондоне. Группа актеров и актрис театра была приглашена на чашку чая к лидеру лейбористской партии Гэйтскеллу. Впереди предстоят и другие интересные встречи и визиты.

В. МАТВЕЕВ

Лондон.

На сцене театра Садлерс Уэллс после первого спектакля «Вишневый сад». Выступает с приветствием импрессарио Питер Добени.

Фото И. Лэзера.

Первенство мира по футболу

Сегодня — первые матчи

В восьми городах Швеции сегодня послышатся трели судейских свистков, и восемь центральных нападающих введут мяч в игру — начнутся футбольные матчи на первенство мира.

Видимо, это начальное мгновение — первый удар — будет походить одно на другое на всех восьми площадках, но все последующие удары направят послушный мяч по линиям и схемам никогда не повторимым. Начнутся игры, в которых сильнейшие футболисты мира блеснут техническим совершенством, а тренеры—тактическими новинками. Но это не все. В шведском турнире будут бороться не только команды, но и футбольные принципы, взгляды, течения. Время теоретических исканий осталось позади. Теперь на зеленом поле в живой, конкретной борьбе нужно доказать превосходство одного принципа над другим, выгодность одной схемы над другой.

Сегодня вступает в свои права язык забитых и пропущенных мячей — самый убедительный показатель футбольного соперничества.

В нынешнем турнире каждый влетевший в сетку мяч будет расцениваться на вес золота, ибо он не только может принести победу, но и становится дополнительным показателем для соотношения мячей, которое при равенстве очков может сыграть решающую роль.

Последние подготовительные матчи говорят об агрессивных намерениях многих команд. Прежде всего речь идет о южноамериканских футболистах. Очень боевито настроены бразильцы, которые, как известно, выступают в одной группе с СССР, Австрией и Англией. Они провели несколько товарищеских состязаний и все выиграли в хорошем стиле. Тренер сборной национальной команды Бразилии, Винсенте Феола, обладающий такими блестящими мастерами атаки, как Вава (которого видели москвичи в «Васко да Гама»), Дида, Загало, строил игру на нарастающих атаках и в быстром темпе. Это принесло ему заслуженный успех. Бразильцы выиграли у Парагвая со счетом 5 : 1, дважды у сборной Болгарии, посетившей Рио-де-Жанейро: первый раз с итогом 3 : 1, а второй — 4 : 0.

Приехав в Европу, бразильские спортсмены встретились с одной из самых сильных итальянских команд — знакомой москвичам «Фиорентиной». И здесь южноамериканские гости забили четыре безответных мяча. Так же они победили другую итальянскую команду, «Интернационале».

Последнюю неделю сборная Бразилии тренировалась на своей базе под Гетеборгом, а сегодня встречается в официальном матче с Австрией.

Команда Аргентины, тренер которой Гиллермо Стабиле избрал своим девизом слова «только наступать», добился пока весьма скромных результатов. Из двух встреч с парагвайцами одна была проиграна, а на европейском континенте им удалось одержать победу над итальянским клубом «Болонья» с минимальным перевесом — 1 : 0.

Чемпион мира — команда Федеративной Республики Германии, судя по результатам, хорошо подготовлена к чемпионату и полна желания отстоять свой почетный титул. Тренер команды Зепп Гербергер в последнее время применил новый метод тренировки: одну команду он составлял целиком из игроков защитных линий, а другую из игроков атакующих. Таким образом, все футболисты сборной становились универсальными игроками, а команда могла целиком нападать и целиком обороняться.

Несмотря на это, З. Гербергер вынужден был в состав сборной включить известных «старичков» — центра нападения 37-летнего Фрица Вальтера (для того, чтобы атаки получили разумное направление) и центра защиты Вернера Либриха, (чтобы оборона была разумно организована).

Австрийские футболисты, которых некоторые иностранные комментаторы преждевременно записали в аутсайдеры четвертой группы, двумя убедительными победами, над Италией и Ирландией, заставили задуматься многих тренеров.

Очень активно готовились к турниру спортсмены Югославии и Венгрии. В актив первых следует записать выразительную победу над сборной Англии (5 : 0), а вторых — победу над Югославией (2 : 0).

Если южноамериканские команды по дороге в Швецию делали остановку в Италии, то футболисты Венгрии на пути к Стокгольму проводили легкие для себя матчи в Финляндии, а спортсмены Чехословакии — в Дании.

Раньше других прибыла в Швецию команда Франции, которая не могла в последнее время похвастать сколько-нибудь значительными победами. Больше двух недель французы тренировались в Каппарберге, западнее Стокгольма. Играли они с командами третьего и четвертого классов Швеции и одерживали легкие победы.

Сборная команда СССР, как известно, провела несколько товарищеских матчей, которые дали возможность сформировать окончательный состав.

1 июня советские футболисты прибыли на базу в местечко Хиндос, близ Гетеборга.

Сборная команда на прекрасной площадке провела несколько тренировок, в том числе и двухсторонние. Все игроки чувствуют себя хорошо. Сегодня они выходят на гетеборгский стадион для того, чтобы вновь встретиться со сборной командой Англии, но на сей раз в официальном матче на первенство мира. Это соревнование является центральным среди сегодняшних восьми игр. Одни газеты называют его «решающим», другие «ранним финалом». Так или иначе, но для советских футболистов этот матч будет решать многое. Пожелаем же им успеха.

М. МЕРЖАНОВ

КУКЛЫ СО ВСЕГО МИРА

В Бухаресте, гостеприимной столице Румынии, звучала речь на языках многих стран. Ветер колыхал флаги разных государств, яркие рекламы привлекали взгляд. Здесь проходил Международный фестиваль театров кукол и марионеток, в котором участвовали двадцать семь стран. Такая встреча кукольников — широкая, многонациональная — происходила впервые. Сто семнадцать спектаклей привезли участники фестиваля. Были здесь и большие государственные коллективы и маленькие частные труппы.

Какова же цель фестиваля? Об этом так сказал Чезар Петреску, известный румынский писатель, академик, председатель Организационного Комитета фестиваля:

— Фестиваль, организованный в нашей стране, ставит задачей обменяться мнениями и опытом, установить и укрепить дружеские связи с артистами всех народов мира в области кукольного мастерства. Это так необходимо в наше время, когда искусство указывает светлый путь к дружбе народов.

Интереснейшее представление показывал английский ансамбль Хогарт Папетс — «Оркестр марионеток». Большим успехом пользовался кукольный театр города Софии.

Очаровали бухарестских зрителей и выступления Иозефа Пера (Чехословакия). Его куклы — маленький Пеницек и собачка Финика — стали популярны не только среди детей. Такие же шумные восторги вызвали спектакли польского театра «Лялька» из Варшавы. Этот театр зародился во время второй мировой войны в Узбекистане, где было много польских беженцев. Маленький коллектив, кочуя на верблюдах, давал спектакли в рабочих поселках, аулах, кишлаках. В 1946 году театр приехал в Польшу.

С большим успехом прошел «Необыкновенный концерт» Центрального театра кукол под руководством Сергея Образцова. За этот спектакль была присуждена вторая премия фестиваля; премии удостоен также артист З. Гердт. В зале то и дело раздавались взрывы смеха и аплодисментов. Образцов привез также на фестиваль свою новую работу — «Мой, только мой».

Многолюдно было и на Международной выставке театров кукол и марионеток. Вот уж где наслаждалась детвора! Любимых героев можно рассматривать сколько угодно и даже дотронуться до них.

Шумно и оживленно за кулисами. Москвичи дарили сувениры, фотографировались на память. Не беда, что не хватало слов. Общие стремления, надежды, желание жить в мире находили свое выражение в улыбках, взглядах, рукопожатиях

Бухарест **М. КИСЕЛЕВА**

Друзья по искусству: Г. Моррис (Англия), С. Образцов (СССР), Ж. Васел (Англия).

Жители города Лович встречают советских гостей.

НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Визит К. Е. Ворошилова и сопровождавших его товарищей Е. А. Фурцевой, К. Т. Мазурова, С. В. Червоненко, А. Ю. Снечкуса, В. П. Елютина, Н. С. Патоличева, П. А. Абрасимова в Польскую Народную Республику явился новым свидетельством прочности и нерушимости советско-польской дружбы.

Мы помещаем цветные фотографии, запечатлевшие отдельные моменты пребывания советской делегации в Польше.

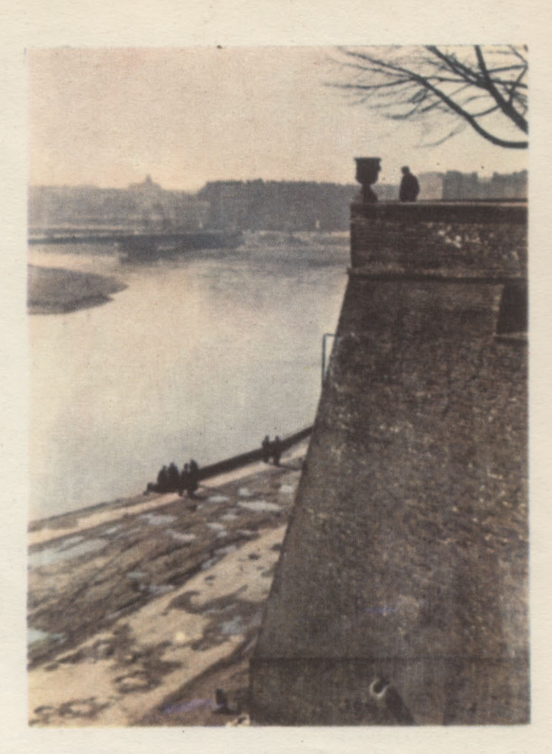
В производственном кооперативе «Яцковице». Осмотр теплиц плодоовощного комбината. На нижнем снимке: К. Е. Ворошилов беседует с членами кооператива.

Дружеские рукопожатия.

Советские гости на родине великого польского композитора Фредерика Шопена — в Желязовой-Воле.

Краков. Вид на Вислу из древнего замка Вавель.

Встреча в Кракове. Многие школьницы в праздничных национальных костюмах.

Памятник Ф. Шопену в Желязовой-Воле.

Выступление артистов польского государственного ансамбля песни и пляски «Мазовше» на торжественном вечере, устроенном в честь 13-й годовщины Польско-Советского Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве.

ЧУВСТВ ЖИВЫХ ПРОСТОР

Н. МАР

Горе обрушилось на семью Виноградовых нежданно.

Когда их дочке Юле было два года, она заболела менингитом. В результате полная глухота и слепота. А затем девочка потеряла и речь.

Она днями сидела в уголке, там, куда ее усаживали, безучастная ко всему, сложив свои тонкие ручки на коленях, устало и как-то покорно опустив узенькие плечи.

Из дома ушли улыбки. Словно черная тень легла на семью.

Надо было что-то делать. Ведь должны быть в Москве или где-то еще ученые, которые помогают людям в такой беде! Друзья семьи советовали обратиться в газеты и журналы, написать в Москву, в министерство, в академию... Однажды Виноградовы услыхали о профессоре Иване Афанасьевиче Соколянском, который живет и работает в Москве. Говорили, что он в силах помочь им.

И вот Лидия Александровна Виноградова, бригадир трактористов МТС в Старицком районе, Калининской области, оставив бригаду на помощника, а дом и двух детей на мужа, повезла Юлю в Москву.

«Профессор Соколянский. Академия педагогических наук»,— в сотый раз перечитывала она не очень точный адрес. Но в ней созрела уверенность, что она быстро найдет в Москве Ивана Афанасьевича, что он наверняка добрый человек и что с его помощью в жизни Юли, наконец, наступят перемены.

Юленька, как только вошли в вагон, легла на полку и уснула. Она, вероятно, совсем не представляла себе эту странную комнату, которая почему-то покачивалась и, кажется, куда-то катила.

В 1923 году в Советском Союзе, в Харькове, открылась единственная в своем роде клиника, организованная Иваном Афанасьевичем Соколянским. Клиника взялась решить одну из труднейших проблем современной педагогики: обучить и воспитать человека, лишенного зрения, слуха и речи, человека, которого буржуазная наука торопливо зачислила в разряд «полулюдей-полуживотных».

Молодой исследователь методично изучал все, что уже было сделано в этой области. Сто шестнадцать лет назад, в 1842 году, Чарльз Диккенс, оставив на время родные британские берега, отправился в путешествие по американской земле. Посетив однажды детский приют, он увидел девочку, образ которой, как потом признавался писатель, потряс его. Это была слепая, глухая и немая Лаура Бриджмен, о встрече с которой Диккенс так писал в своих «Американских записках»:

«...Иногда ее ставили в центре группы, пели хором у фортепиано и приводили ее руку в соприкосновение с инструментом. В это время (я никогда не видел ничего более поразительного в моей жизни) трепет пробегал по всему ее существу, дыхание оживлялось, краски на лице ее сгущались, и я не мог найти для ее состояния более подходящего сравнения, как уподобляя его состоянию почти мертвого человека, возвращающегося к жизни. Действительно, потрясающего впечатления зрелище, когда ощущения музыки трогали и вызывали скрытую в ней душу. А она еще смеется иногда... Великий боже! Она смеется, хлопает в ладоши, прыгает, выражая таким образом бог знает какое внутреннее удовлетворение...»

Сообщение уже знаменитого в ту пору писателя привлекло внимание цивилизованного человечества.

Лаура Бриджмен прожила шестьдесят лет. И, несмотря на то, что она имела возможность достигнуть высокого уровня умственной жизни, религиозные фанатики обучили ее лишь бить поклоны и на пальцах «читать» нечто вроде молитв. До отвлеченного мышления, как утверждают исследователи, Лаура Бриджмен так и не поднялась.

До сих пор живет в Америке слепоглухонемая Елена Келлер, которую еще Марк Твен причислил к разряду чудес, утверждая, что «в XIX веке было два чуда»: одно в начале столетия — «Наполеон, и другое в конце — Е. Келлер».

И, тем не менее, хорошо разведанных путей борьбы со слепоглухонемотой не было. Ивану Афанасьевичу Соколянскому и его помощникам — опытным педагогам Е. А. Тумалевич, Л. И. Улановой, А. И. Прохоровой — предстояло самим доказать, что можно раскрыть многообразие мира красок и звуков, сокровищ науки и искусства человеку, лишенному зрения и слуха, что слепоглухонемой не обречен на растительную жизнь.

Вспоминая минувшее, Иван Афанасьевич неторопливо рассказывает о своих поисках, экспериментах и первых успехах.

— Еще в 1923 году мы собрали группу детей. Почти все они были сироты. Трудно было даже установить болезни, следствием которых явилась слепоглухонемота. Наконец детей привезли в Харьков, устроили. Вначале они, конечно, дичились, пугались, плакали: не видят, не слышат, не говорят! Уровень их умственного развития находился, если можно так выразиться, на нуле.

Их было восемь — Петя Власов, Антон Мельник, Антон Носачев, Варя Шамли, Мария Сокол, Оля Скороходова и еще двое... Обучая этих слепоглухонемых ребят, мы постепенно разрабатывали методику воспитания. Мы установили, что умственное развитие слепоглухонемого человека может достигнуть того же уровня, что и у нормального человека. Его сознанию доступны и он может косвенно овладеть богатствами окружающего мира красок, которых он не видит, мира звуков, которых не слышит. Первые семнадцать лет работы убедили нас, что человек, лишенный зрения, слуха и речи, неспособный **ощущать** разнообразие мира, все же способен **воспринимать** его, составить о нем точные представления.

В отличие от Лауры Бриджмен наши дети в раннем возрасте были обучены труду: плетению, вязанию, лепке, шитью. Они овладели грамотой. Невдалеке от клиники находилась обувная фабрика, для нее ребята выполняли кое-какую работу. Будучи в высшей степени дисциплинированными, они быстро научились убирать постель, посуду, накрывать на стол... Я думаю, что это были первые в мире слепоглухонемые люди, которые не нуждались в уходе...

Дальше шел рассказ о многолетнем тяжелом труде.

Что собой представляет маленький человек, лишившийся в раннем детстве зрения, слуха и в итоге — речи? Нормальный ребенок уже в полтора года говорит «папа», «мама», а для слепоглухонемого потребуются годы, чтобы обучить его этим двум словам. Сначала слепоглухонемого ребенка надо обучить жестам; жесты — это исходные, начальные средства общения со слепоглухонемыми. Затем они постепенно заменяются пальцевыми знаками. И, наконец, грамота по Брайлю.

Кропотливая работа по восстановлению речи начинается с воспитания ощущения пространства, умения наблюдать осязанием. Вот почему лепка, скульптура заняли столь большое место в методике, созданной Соколянским... Такие далекие тропинки, требуя многих лет, выводят на широкую дорогу знаний, духовного подъема, туда, где слепота, глухота, немота признают себя побежденными и не могут помешать человеку мыслить, наслаждаться трудом, знаниями, искусством...

Многого успели достигнуть Соколянский и его коллеги в первые же годы работы.

Отвечая на письмо одной из воспитанниц Соколянского, Ольги Скороходовой, Алексей Максимович Горький писал ей из Сорренто 3 января 1933 года:

«...Ваше письмо — чудо, одно из тех великих чудес, которые являются достижением нашего разума, свободно и бесстрашно исследующего явления природы, которые, глубоко волнуя, внушают уверенность в силе разума, в его способности разрешить все загадки в жизни и вне и внутри нас. Тот факт, что Вам, человеку, лишенному речи, слуха, зрения, все-таки дали возможность ознакомиться с миром материальным и миром понятий, образованных путем изучения материи,— это факт, на мой взгляд, огромнейшего и глубокого значения».

Считая этот смелый поиск «службой человечеству», Алексей

Так разговаривает Юлия Виноградова с профессором И. А. Соколянским.
Фото М. Фридлянда.

Максимович призывал продолжать великолепный эксперимент.

«...Разум людей растет для того, чтобы победить «разум природы»,— писал Горький в другом письме к О. И. Скороходовой.

За семнадцать лет у Соколянского накопился огромный опыт, но потом случилось страшное.

Когда гитлеровцы пришли в Харьков, они уничтожили шестерых воспитанников Соколянского. Чудом уцелели только Мария Сокол (она живет сейчас у родителей-колхозников в одном из сел Харьковской области) и Ольга Скороходова... Им удалось спрятаться у надежных людей.

Спустя несколько лет, летом 1944 года, Ольга Ивановна Скороходова, узнав, что ее учитель профессор Соколянский находится в Москве, приехала к нему продолжать обучение.

С тех пор прошло четырнадцать лет. За это время Ольга Ивановна получила образование по литературе и языку в объеме высшей школы, а по физико-математическому циклу — в объеме восьми классов. Теперь Ольга Ивановна Скороходова — автор изданной в Москве, а затем переведенной на английский, французский, немецкий, итальянский, польский, венгерский, болгарский, китайский, японский и другие языки книги «Как я воспринимаю и представляю окружающий мир». Работает она младшим научным сотрудником Института дефектологии и под руководством своего учителя ведет научные исследования.

...Годы идут, и профессор И. А. Соколянский, которому сейчас уже под семьдесят, с той же пунктуальностью каждое утро приходит в институт, пока в единственную, к сожалению, комнату своей лаборатории, чтобы продолжать начатый добрых сорок лет назад поиск. Здесь его ждет Юля Виноградова, дочь трактористки из деревни Борошево, Калининской области.

...Много раз и в различное время я посещал лабораторию Ивана Афанасьевича Соколянского. Я бывал утром, днем и вечером, стараясь получше изучить «технологию» удивительного поиска этого единственного в мире научно-исследовательского учреждения.

Юля Виноградова, ныне 16-летняя девочка, уже три года живет в Москве и обучается у Ивана Афанасьевича. В первый приезд ее матери в столицу он порекомендовал на несколько лет оставить девочку в деревне.

— В деревне для воспитания такого ребенка в дошкольном возрасте есть свои преимущества,— говорил ученый.— Луга, поля, простор, разнообразие труда и обстановки! Разве в городе создашь такие условия? Надо воспитать у Юли умение «видеть» мир с помощью осязания и обоняния. Она должна учиться делать то, что дома делают остальные члены семьи. Мать или бабушка перебирают крупу, чистят картошку, подметают комнату, и Юля должна все это уметь. Не надо держать ее взаперти, пусть работает на огороде, ходит в поле, собирает грибы и ягоды, учится различать цветы, злаки... Из института в деревню будут приезжать научные сотрудники. Они помогут вам воспитывать дочь. А вот когда придет пора обучать грамоте, мы непременно возьмем Юлю сюда, в Москву, в институт.

Родные точно следовали советам ученого. Что бы ни делали мать с бабушкой, Юля была тут как тут. Она смело выходила из дому, носила из реки воду на огород, сажала огурцы, пропалывала грядки. В лесу девочка собирала грибы: снимет тапочки и ногой нащупывает их. Поспели ягоды, и Юля с лукошком в руках быстро находит их. Все дальше и смелее уходила она от дома. Если раньше девочка знала только комнату, дверь, лавочку и без дела сидела весь день у стола, то сейчас она постоянно была в движении. В десять лет она уже сама переходила железнодорожное полотно: присядет, бывало, у насыпи, чувствует, что земля не дрожит, что вблизи нет поезда, и перебежит линию.

Когда минул установленный И. А. Соколянским срок (семь лет Юля училась в деревне), ее привезли в институт. С того памятного дня минуло почти три года.

В обучении слепоглухонемого человека это, конечно, небольшой срок. Но как многому успели здесь научить Юлю, каких удивительных успехов она достигла! Она не только сама нальет себе суп в тарелку, вымоет посуду, уберет постель, но и приготовит место для начала занятий. Появление Ивана Афанасьевича она обычно встречает улыбкой. Но как они объяснялись в первую минуту, в первый час первой встречи?

— Между прочим, не вы первый задаете этот наивный вопрос,— улыбаясь, отвечал Иван Афанасьевич.— Все это очень просто. Есть, правда, некоторые трудности, но особой проблемы я не замечал.

Да, ребенок не видит, не слышит. Но ведь сохраняется осязание — важное средство восприятия внешней среды! Развивая у девочки осязание, можно быстрее сформировать жест, затем постепенно заменять его пальцевыми знаками... Так и было сделано. «Начало курса» Юля отлично освоила в деревне, а в Москву она приехала, уже имея немалый запас впечатлений и умея об этом рассказать, правда, на первых порах о самом простом. Например: трактор водит мама. Недалеко от дома железная дорога. Юля сама ухаживала за огородом. Редиски маленькие, а капуста большая...

Да, Ивану Афанасьевичу не так трудно было в первый раз поговорить с будущей ученицей. О чем же шла тогда речь? Но кто это упомнит? Помнится только, что Юля, держась за руку профессора, медленно обошла с ним всю комнату, «осмотрев» руками стол, стулья, чернильницу, лампу, посуду — одним словом, все, что есть здесь, «называя» эти предметы уже известными жестами, которым обучили Юлю в деревне специально приезжавшие из института научные сотрудники.

Так Юля начала «говорить». Язык жестов быстро обогащался представлениями, которые давала ей лепка. Ею она тоже занялась еще в деревне. Одновременно девочка учила пальцевую (дактильную) речь, графическую, когда на ладони кто-то выписывает буквы и целые слова. Затем — рельефно-точечная система. И, наконец, Юля засела за специальную пишущую машинку...

Теперь девочка быстро читает и пишет по Брайлю, отлично знает таблицу умножения, четыре действия арифметики, ловко считает на счетах, самостоятельно, в пределах больших чисел, составляя арифметические задачи... И все это делается с той непринужденностью, которая лучше всего свидетельствует о прочности знаний.

Урок начинается ровно в десять. Сегодня диктант, арифметические задачи, сочинение... Час занятий — десять минут отдыха. Во время перемены не грех поиграть в хлопки. Отдых кончился — снова за письменный стол. Надо беречь каждую минуту, если хочешь, не видя, не слыша и не говоря, получить образование. Ученица сравнительно легко осваивает новый материал, ибо в общении с Иваном Афанасьевичем и его помощниками у Юли сформировались четкие пространственно-временные связи.

Юля садится за машинку и, неторопливо размышляя о чем-то, пишет сочинение. Оказывается, девочка любит писать. За сравнительно короткий срок она создала около 500 своеобразных сочинений.

— Они хранятся в этом шкафу все, начиная с самого первого,— сказал Иван Афанасьевич.— Видите, какая гора!

О чем она пишет? Какие образы, мысли, чувства отразились в ее сочинениях? Содержанием своих работ девочка чаще всего избирала жизнь в деревне, в кругу семьи, удивительно точно и просто рассказывая обо всем. Вот два приведенных дословно первых маленьких сочинений Юли:

«№ 1. Мама стирает занавеску. Мама пошла на пруд. Света нет — и — спать...

№ 20. Бабушка пошла на улицу. Бабушка взяла дрова. Бабушка положила дрова на руку. Бабушка поставила дрова на лежанку. Бабушка зажгла спичку. Бабушка затопила лежанку. Из лежанки выходит дым...»

Первые сочинения Юли хранятся в том же шкафу, где лежат и несколько экземпляров книги О. И. Скороходовой.

Когда появится книга Юли Виноградовой?

— Кто его знает,— уклончиво ответил Иван Афанасьевич.— О книге пока незачем говорить, а вот цифрами — десятками — Юля уже оперирует. Например, сколько десятков в одном миллионе? Этого Скороходова в таком возрасте не знала. Юля многое уже успела. И особенно в лепке. Это, пожалуй, самое разительное.

Иван Афанасьевич распахнул один за другим два шкафа, заполненные удивительными вещами, которые созданы мыслью и руками его ученицы из самого обыкновенного пластилина. Как жаль, что этот материал непрочен! Если бы он мог надолго сохраниться, вероятно, эти вещи были бы достойным украшением будущего музея, ибо это не просто игрушки, детская лепка, а удивительно яркий язык, живая речь, образы жизни, воссозданные в материале ребенком, который изучает мир осязанием и дает силой мысли своим впечатлениям живое, материальное воплощение. Как же точно видит мир Юля!

Вот швейная машина в миниатюре. Дома, в семье, есть машина, и девочка превосходно изучила ее. Какая удивительная точность пропорций и частей сохранена в лепке: колесо, рычажок, футляр!.. Вот настоящая бревенчатая изба-пятистенка. Целый месяц, каждый день по часу, Юля лепила ее. Каждое бревнышко словно обтесано умелым плотником.

Разборный пчелиный улей. Плетеная корзина. Лихие сани. Морковь, которую она растила. Уютное, покойное кресло (один раз, будучи у фотографа, она сидела в таком кресле и «осмотрела» его). Керосинка с фитилями. Веселый самовар с трубой и крышкой. Русская печь. Точная копия комбайна с мостиком, штурвальным колесом, молотильной частью. Мамин трактор с карбюратором, рулем и даже набором ключей... Свыше тысячи вещей вылепила девочка!

Любопытная деталь: когда Юля только приехала в институт, она решила воссоздать в пластилине отцовскую избу и вылепила ее внутренний вид — комнату, стол, стулья... Внешний вид избы она не «видела», поэтому не стала лепить. Но следующим летом во время каникул, выполняя задание института, она внимательно «осмотрела» избу извне, а возвратившись в Москву, вылепила точную копию.

— Признаться, эта изба нам дороже многих сокровищ,— заметил профессор Соколянский.— Теперь мы знаем, что Юля может овладеть программой десятилетнего обучения на два — три года быстрее своих предшественников, быстрее пойдет в жизнь... Вот в чем соль!..

— Загляните в книгу Ольги Ивановны Скороходовой и почитайте ее стихи «Думают иные»...

...На странице триста сорок четвертой этой необыкновенной и единственной в мире книги есть стихотворение «Думают иные», написанное рукой Скороходовой. Вот эти восемь чистых строк:

Я умом увижу, чувствами
услышу,
А мечтой привольный мир
я облечу...
Каждый ли из зрячих красоту
опишет,
Улыбнется ль ясно яркому лучу?

Не имею слуха, не имею зренья,
Но имею больше — чувств
живых простор:
Гибким и послушным, жгучим
вдохновеньем
Я соткала жизни красочный
узор.

С особенным удовольствием Юлия Виноградова занимается лепкой.

Л. ТЮРИНА

ПИТ СИГЕР — НАРОДНЫЙ ПЕВЕЦ

Это был не совсем обычный концерт. Состоялся он в Нью-Йорке, в Карнеги-холл, но начался не в 8.40, как обычно начинаются все концерты, а в 12 часов ночи. Причина проста: снять зал в эти часы значительно дешевле. Казалось, что в такое время народу соберется немного. Но когда мы пришли, старый Карнеги был набит до отказа. Отовсюду смотрели на нас молодые лица. В партере, в ложах, на балконе господствовала молодежь: школьники старших классов, студенты, молодые рабочие, юноши и девушки, черные и белые. Они тепло приняли всех участников концерта: и слепого старика-негра, в прошлом уличного певца, и талантливого исполнителя ковбойских песен, и молодых участников вокального квартета «Харвестерс»...

Но вот на сцене появился высокий, стройный, смеющийся человек с гитарой за спиной и с банджо в руках. Зал буквально задрожал от аплодисментов. Я оглянулась на сидящих рядом людей и не узнала их: лица светились улыбками, и все они замерли в каком-то радостном ожидании. Перед ними был Пит Сигер — исполнитель американских народных песен. Он ударил по струнам и запел протяжную негритянскую песню, в которой говорилось, что больше не нужно войны, что надо пожать руку всем людям на земле... И постепенно весь зал стал подпевать ему. Сначала вполголоса, потом все громче и смелее. Играя на банджо, Сигер успевал руководить этим хором никогда прежде не певших вместе людей, отбивая такт своими длинными ногами и ухитряясь даже ударять в ладоши.

За первой песней последовали другие, и в каждой из них певец рассказывал своим слушателям что-нибудь интересное и остроумное. Зал то замирал, то разражался веселым смехом.

Особенное оживление вызвала песенка, которую артист в этот вечер исполнял впервые. В ней рассказывалось о том, как индейцы города Макстон расправились с куклуксклановцами, когда те начали терроризировать их. На площадь, где собрались расисты, подъехали десятки автомашин с индейцами, вооруженными ружьями. Они пошли на клановцев с двух сторон, раздались выстрелы, и клановцы бежали с позором, оставив на поле боя свое оружие... Весело, задорно и насмешливо пел он эту песню, и зал подпевал ему, радуясь победе индейцев и издеваясь над расистами.

Концерт кончился в три часа ночи, но еще долго не расходилась молодежь, ожидая выхода любимого певца. Когда он шел по улице, вслед ему неслось: «Ты здорово пел сегодня, Пит. Спасибо тебе!», «Приезжай к нам почаще, Пит!».

В ту ночь мы впервые познакомились с Питом Сигером, а потом еще несколько раз встречались с ним за дружеской беседой.

— Мой отец был профессором-музыковедом, мать — скрипачкой,— так начал он рассказывать о себе.— Но я пошел иным путем. Еще в школе я научился игре на банджо и с тех пор навсегда полюбил народную музыку и простые народные инструменты.

Окончив школу, Пит отправляется путешествовать по стране с банджо через плечо. В Теннесси, Кентукки, Огайо он собирает и записывает народные песни, которые пели после трудового дня крестьяне, собравшись вокруг какого-нибудь гитариста; боевые песни рабочих, шахтеров, моряков, созданные в суровые дни классовых боев; прекрасные — то печальные, то величественные — негритянские спиричуэлс; старинные баллады, принесенные в Америку первыми поселенцами. Во время своих скитаний Пит встречал народных певцов, музыкантов и поэтов, у которых он многому научился. С особенной теплотой вспоминает он тетушку Молли Джексон и певца Вуди Гатри.

Тетушка Молли — дочь шахтера из Кентукки—с пяти лет ходила с отцом, одним из профсоюзных организаторов, на рабочие собрания. Умирая, отец завещал ей продолжать его дело. «До конца своих дней,— говорит Молли,— даже если я доживу до ста лет, я не перестану учить единству — один за всех и все за одного». Свою первую песню она написала еще ребенком. С тех пор всю жизнь она слагала и пела песни. «Некоторые считают мои песни слишком мрачными и поэтому неправдивыми,— говорит тетушка Молли.— Но я не написала ни слова неправды. Такой была моя жизнь». Мать Молли умерла от туберкулеза. Шахта отняла у Молли отца, мужа, брата, сына. Такой же была жизнь и других женщин городка Клей Каунти, где она родилась, выросла и проработала 47 лет. Об этой жизни и рассказывала она в своих песнях. Когда власти изгнали ее из родного города, она объехала со своими песнями 38 штатов. Свои выступления на митингах тетушка Молли обычно начинала песней:

Я — женщина из союза,
Я смела, как только могу.
Я не люблю хозяев,
И хозяева не любят меня...

С народным певцом и поэтом Вуди Гатри Пит Сигер перед войной объездил весь средний восток Соединенных Штатов. Вместе с ним пел в пикетах забастовщиков, на рабочих собраниях, на улицах городов и деревень. Пит первым исполнил в Оклахоме самую популярную песню Вуди Гатри «Девушка из союза». Поэт написал ее в ночь после митинга, на котором они пели вместе с Сигером.

За годы своих странствий Сигер собрал и воскресил для Америки сотни народных песен. Он знает их великое множество и чуть ли не о каждой может рассказать интересную историю.

Одну такую историю он рассказал нам.

...В Америке есть очень популярная рабочая песня «На чьей вы стороне».

«Сейчас не может быть середины,— говорится в ней.— Или ты скэб или человек. Или ты член союза или хозяйский пес. Не шпионьте для хозяев. Не слушайте их лжи. Для нас, бедных людей, есть одно спасение — организация».

Песня эта родилась среди горняков Кентукки в самый разгар борьбы за создание союза. Владельцы шахт жестоко преследовали его руководителей. Чтобы запугать горняков, они начали жесточайший террор. Двенадцать рабочих были убиты средь бела дня. Все знали, кто их убил, но никто из убийц не был привлечен к суду...

Однажды полицейские ворвались в дом рабочего Сэма Риса, одного из руководителей союза. Сэм был предупрежден друзьями и успел скрыться. Но дома остались его жена и две маленькие дочки. Полицейские все перевернули вверх дном, напугали детей, грубо издевались над женой... После их ухода Флоренс Рис оторвала лист от старого календаря и написала слова песни, которую стала петь на мотив старинного баптистского гимна. На следующий день две ее девочки спели эту песню на митинге, и рабочие разнесли ее во все концы страны...

Таких песен, говорит Пит, в Америке десятки тысяч. Большинство из них сложены самими рабочими по какому-нибудь кон-

кретному поводу. Многие забыты, но некоторые живут до сих пор. И если сложить их все вместе, они поведают всю историю рабочего движения Америки.

Так были созданы и «Баллада об убийстве в Чикаго», и хорошо известная в Советском Союзе песня Джо Хилла «Кэйси Джонс», и самая популярная среди американских рабочих песня «Солидарность навсегда». Во время недавней забастовки швейников в Нью-Йорке рабочие покинули фабрику с этой песней. «Когда идея единства, — говорится в ней, — проникнет в рабочую кровь, не будет нигде под солнцем силы, более могучей. Солидарность навеки, потому что союз делает нас сильными».

Во время войны Пит Сигер служил в армии. Оттуда он привез сотни новых песен разных народов. Потом, в Нью-Йорке, он развил кипучую деятельность, популяризируя народную музыку в противовес бессмысленной, выхолощенной, лишенной всяких благородных чувств музыке радио и телевидения. В подвале дома на Манхеттене, где он жил тогда, Пит создал «Корпорацию народных песен». В ней он объединил любителей народной музыки — певцов, композиторов, музыкантов. По словам одного из друзей Сигера, Ирвина Силбера, эта корпорация была «самой непрактичной с коммерческой точки зрения, но зато дьявольски полезной и нужной для народа». В течение трех лет ее существования Пит являлся ее несменяемым председателем, одновременно он заведовал передвижной библиотекой и был постоянным автором бюллетеня.

Корпорации многое удалось сделать. Кроме ежемесячного бюллетеня, который имел подписчиков во всем мире, она выпустила первый после войны сборник американских народных и рабочих песен, создала более 20 подшефных организаций по всей стране, множество вокальных групп, которые пропагандировали народную музыку. В эти годы особенно часто можно было услышать Пита на Хутенани.

Хутенани — так на американском сленге, своеобразном жаргоне, называют пение песен хором. Пит всегда считал, что народные песни нужно петь только хором, и еще в 1941 году вместе со своим другом Ли Хейсом они ввели традицию собираться небольшим кружком друзей, чтобы вместе петь любимые песни. После войны на Хутенани собираются уже не 40 и не 50, а 500, тысяча, 2 тысячи человек. Это не просто друзья и знакомые, а люди, которых объединяет идея и, конечно, любовь к хорошей песне.

Деятельность Сигера по возрождению и популяризации в Америке народной музыки писатель Майкл Голд назвал «одним из немногих здоровых веяний в Америке времен холодной войны». Это движение, пишет Майкл Голд, многое сделало, чтобы сблизить белых и черных в простом и ненасильственном братстве песни. Оно дало возможность молодежи почувствовать жизнь старой Америки фермеров, ткачей, рабочих и шахтеров.

Когда деньги кончились и корпорация распалась, Пит собирает вокруг себя группу певцов-любителей. Это были арканзасский священник Ли Хейс, машинистка Рани Гильберт и Фред Хеллерман. «Фред,— рассказывает Пит,— учился в колледже, мечтал стать профессором, но мы заставили его забыть об этом». Так создался чудесный квартет, который назвал себя «Виверс», что значит «Ткачи».

Снова начались скитания по стране. Квартет выступает на собраниях рабочих и сторонников мира, поет вместе с Полем Робсоном на известном всему миру концерте в Пикскилле. Популярность его растет с каждым днем. Певцов приглашают петь в ночной клуб Гринвич Вилледжа. Они выступают по радио и телевидению. Крупнейшая звукозаписывающая компания «Вангард» выпускает их пластинки. По всей Америке звучат рабочие песни, напоминая молодежи о тяжелых годах борьбы, которую вели их отцы и деды; песни первых поселенцев — грубоватые, но полные силы и юмора; лирические песни о любви и разлуке, принесенные в Америку из Ирландии, Шотландии, Скандинавии, Италии, славянских стран; песни о мире и братстве на земле.

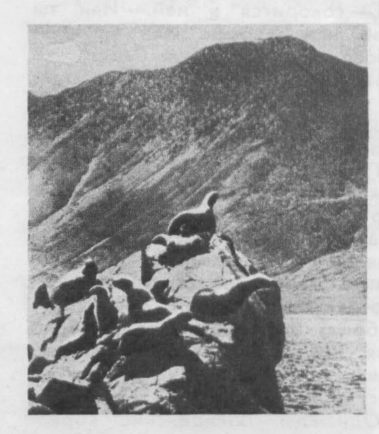
Растущая популярность Виверсов пришлась не по вкусу некоторым сенаторам. Вместе с другими прогрессивными артистами Пит Сигер и его друзья оказались в черных списках и были вызваны в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Трое из участников квартета после этого прекратили свои выступления, хотя никто из них не стал предателем. Что касается Пита, то он явился в комиссию со своим любимым банджо и предложил сенаторам спеть свои песни, чтобы они объяснили ему, что в них преступного. Сенаторы отказались, зато работники телевидения воспользовались таким предложением, и Пит спел телезрителям, следящим за работой комиссии, песню о свободе слова.

С тех пор для Сигера закрыты радио и телевидение. Он не имеет даже права свободного передвижения по родной стране. Но это не значит, что в Америке умолк голос этого замечательного певца, у которого, по словам Майкла Голда, музыка в пальцах, в нервах. Этот большой, веселый, энергичный человек продолжает свое благородное дело. Молодежь не забыла его. Он излюбленный гость в колледжах, школах, университетах. Его недавние выступления в самых больших концертных залах Нью-Йорка показали, как велика его популярность.

Песни Пита Сигера о мире, любви и справедливости на земле продолжают звучать в Америке. У него есть много настоящих и верных друзей, и он знает, что с каждым днем их будет все больше. Засилье безвкусной и пошлой музыки в Америке, конечно, огорчает Пита, но не приводит в отчаяние. Он говорит: «Не беспокойтесь за американский народ. Наш народ как здоровый человек, заболевший или попавший в беду. Но он выздоровеет, обязательно выздоровеет. Музыку создает народ. Поэтому в Америке всегда будет музыка».

Шантарские острова

С. МИХАЙЛОВ

Лежбище сивучей — морских львов — на Шантарах.

В западной части Охотского моря, там, где Удская губа, Тугурский и Ульбанский заливы образуют вместе как бы один большой залив, расположены Шантарские острова.

Всего тут островов пятнадцать, самые крупные из них — Большой Шантар и остров Феклистов.

В недалеком геологическом прошлом острова соединялись с материком, являлись продолжением материкового хребта. Но море затопило низкие части хребта, размыло сушу, образовало проливы и так называемое Шантарское море, которое в силу своеобразия природных явлений и обособленности от других частей Охотского моря выделилось в особый бассейн.

Примерно половина площади Шантарских островов покрыта лесом. Очень часто встречаются здесь гари — выгоревшие и вновь заросшие места: много было пожаров в прошлом.

Разнообразен и своеобразен животный мир Шантарских островов. В отличие от материка на островах нет ни одного копытного, если не считать оленей, завезенных человеком. Есть тут лисица — неизменный спутник оленьих стад, выдра, заселяющая ключи и речки Большого Шантара, горностай, белка, бурундук. На льдинах переправились сюда с материка росомаха и медведь, которого привлекают лежбища тюленей.

Но самым многочисленным и самым ценным обитателем Шантарских островов является соболь. Шантарский соболь крупнее материкового и ценится дороже.

Русские узнали о существовании Шантарских островов в первой половине XVII века, в период знакомства с Амуром и Амурским краем. Открытие островов — 1645 год — приписывают известному землепроходцу Василию Пояркову. Первые сведения о них связаны с именем другого известного землепроходца, Е. П. Хабарова, отправившегося в 1649 году в Даурию.

В ту пору острова были необитаемы. Но эвенки, нивхи и якуты, жившие на Удско-Тугурском побережье Охотского моря, заходили на Шантары задолго до этого.

На одной из первых карт Охотско-Камчатского края, составленной в 1730 году Страленбергом, на острове Большой Шантар имеется надпись: «Остров пустынный, соболями и другими животными обильный».

Во второй половине XVIII века на Шантарских островах уже постоянно зимовали большие промысловые артели. Много было добыто пушнины, и немало погибло охотников. Одни умирали от голода, другие тонули в бурных волнах.

Когда пушные богатства истощились, охотники перестали ходить на острова.

В середине XIX века Шантары были захвачены американскими китобоями. Острова становятся «обетованной землей» для американских гарпунеров. Не менее 200—250 трехмачтовых судов ежегодно занимались промыслом китов в прилегающих к островам районах Охотского моря. Американцы продолжали промысел китов и в начале XX века. Остатки зимовий китобоев на Шантарских островах сохранились до наших дней.

В годы неудачного промысла американцы рубили на островах лес, грузили его на китобойные суда и вывозили в Америку.

Царские чиновники Петербурга и Прибайкалья имели об островах смутное представление и считали их бросовыми территориями.

В результате к началу Октябрьской революции Шантары действительно утеряли все свои богатства: например, соболь на острове Феклистов был полностью истреблен, такая же участь угрожала соболю и на Большом Шантаре; киты в здешних водах встречались редко; поредели тут и леса.

В 1924 году жизнь на островах стала постепенно налаживаться. С материка завезли на Большой Шантар оленей, и поголовье их начало быстро увеличиваться.

Часть соболей, которые еще оставались на Большом Шантаре, переселили на остров Феклистов и Малый Шантар, где к тому времени они были полностью истреблены. В губе Якшина создали питомник соболей, а недалеко от него — питомник черно-серебристых лисиц.

Соболь — оседлый обитатель глухой тайги. Он редко выходит за пределы своего таежного района. Лишь голод и преследование человека вынуждают его совершать переходы до 25—30 километров.

Шантарские острова богаты соболем и сейчас. Зимой 1947—1948 года специалисты обнаружили, что на островах на каждые 2 квадратных километра приходится один соболь, тогда как на побережье считается нормальной плотностью «населения» один соболь на 15—25 квадратных километров.

Шантарский соболь менее пуглив, чем его материковые сородичи. Но если он почувствовал опасность, то стремительно бросается к круто обрывающимся скалам и отсиживается там, пока не минует беда.

Любопытны рассказы охотников о «запасливости» соболя. Он создает запасы корма на зиму. Ловит мышей, птиц, мелких рыб и развешивает их на сучках и кустах — получается своеобразный консервный комбинат.

При недостатке животного корма соболь охотно ест ягоды: рябину, бруснику, морошку, жимолость. Во время многоснежных зим ему приходится плохо: очень трудно добывать корм из-под плотной толщи снега. Тут нужна искусственная подкормка.

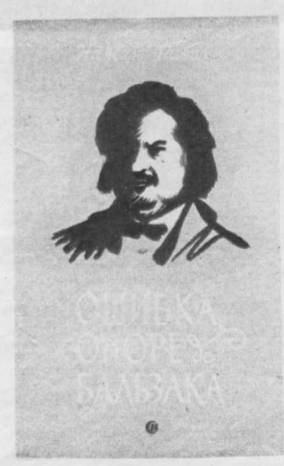
Воды Шантарских островов богаты рыбой, особенно сельдью. Часто катеры, заходя в бухты, режут ее в таком количестве, что за кормой остается широкая полоса окровавленной воды. Встречаются стада белухи.

Появилась на островах почта, есть школа, больница, метеостанция. Жизнь на островах быстро наладилась в первые же годы Советской власти. Но очень жаль, что промысловое хозяйство снова стало безнадзорным.

От соболиного питомника в губе Якшина, который мы посетили, остались старые, уже негодные вольеры. Сохранившиеся соболи одичали. Подкормка их ведется без знания дела. Созданное с большим трудом стадо оленей тоже одичало. Почти совсем прекращены заготовки леса.

Нет, не должны приходить в упадок далекие Шантарские острова! Они ждут трудолюбивых человеческих рук, они отдадут свои богатства рачительному хозяину. Таким настоящим их хозяином должен стать Хабаровский совнархоз.

Встреча с Бальзаком

С этой книгой читатели познакомились впервые восемнадцать лет назад. Еще тогда, в 1940 году, советские люди с интересом прочли роман Натана Рыбака «Ошибка Оноре де Бальзака». Н. Рыбак писал о трудном периоде в жизни великого французского писателя не отвлеченно, а как романист и историк, способный далекое прошлое поставить на службу нашим дням.

Нельзя не отметить, что такова особенность и других произведений Рыбака. Писатель изучает историю, погружается в самую гущу событий избранной им эпохи — будь то Франция и Россия середины прошлого века или важнейшая страница истории Украины — воссоединение ее с Россией,— и все это для того, чтобы дать почувствовать величие и могущество своего народа. Знаменательно, что после создания исторической эпопеи о Богдане Хмельницком в «Переяславской Раде» Н. Рыбак снова вернулся к роману о Бальзаке, заново пересмотрел его, дописал новые главы, и теперь даже те, кто знаком с книгой в первом ее варианте, прочитывают «Ошибку Оноре де Бальзака» с живым интересом, почувствовав усиление в романе эпической линии, которая в первой редакции иногда тонула в подробностях личных взаимоотношений французского писателя с украинской помещицей, графиней Эвелиной Ганской. Еще шире и свободнее звучит в новой редакции романа тема народа. Она воплощена в облике молодого парня Левка, в разбитой любви Василя и Маринки, в жизненной драме дочери еврея-корчмаря красавицы Нехамы.

Как ни дороги были Бальзаку его классовые предрассудки, как ни тянулся он к знати, сколько бы еще на этом пути ни совершал он ошибок, вплоть до последней драмы своей жизни — женитьбы на Эвелине Ганской,— этот крупнейший писатель, выехав за пределы Франции, увидев в глаза российскую действительность, по-иному посмотрел и на жизнь своих соотечественников, многое постиг и многое пережил. И все это не могло не сказаться на завершающих книгах его «Человеческой комедии». Те противоречия «старика Бальзака», о которых писал Ф. Энгельс и которые состоят в том, что, будучи монархистом, Бальзак сумел увидеть рождение нового и в самых светлых тонах обрисовать облик революционеров своего времени,— эти противоречия в зримой художественной форме воплощены в романе Рыбака. Бальзак вырастает здесь в трагическую фигуру великана, попавшего в сети сложнейших противоречий жизни.

Но на книге нет пессимистического налета. Порывы великана, облик его пробиваются сквозь сеть предрассудков, и то светлое, оптимистическое, что встает из «Человеческой комедии», найдено Рыбаком в реальной биографии писателя. Это любовь к человеку, сочувствие к людскому страданию, теплое отношение к народу и постоянно прорывающаяся наружу ненависть ко всем гобсекам и нюсингенам, которых так много видел в жизни писатель.

Вот почему читатель с глубоким сочувствием и уважением относится к герою книги Рыбака. И пусть многое в его облике домыслено самим писателем — сделано это в полном соответствии с правдой характера Бальзака и с истиной обстоятельств его жизни.

Советская наука досконально осветила историю отношений Бальзака с Эвелиной Ганской. Все обстоятельства этого брака великого человека открыл нам советский ученый Л. Гроссман, во многом дополнив то, что до него было сделано французскими биографами Бальзака. Н. Рыбак идет от этих документальных источников, но далеко не ограничивается ими. Писатель многое «домысливает», дорисовывает и создает драматический образ великого человека, проникая в его душу, художественно исследуя его борьбу с самим собой. Здесь историк часто уступает место художнику и романисту, и перед нами проходит целая гамма чувств — от большой человеческой радости постижения счастья, сменяющейся затаенной грустью, когда он узнает ближе свою черствую, холодную, эгоистичную возлюбленную, до трагизма обманутых ожиданий, полного разочарования и глубокого одиночества.

Роман кончается картиной похорон Бальзака, которая дана через восприятие еще одного значительного персонажа произведения — Виктора Гюго. Образ этот проходит через весь роман, хотя по количеству страниц места ему отводится немного. Виктору Гюго автор предоставляет право подвести итог большой творческой жизни. Глядя на завистников Бальзака, на господ во фраках и дам в роскошных нарядах, Гюго думает о том, что «дело Оноре бессмертно, и потому бессмертен он сам. И не в вашей воле погасить огонь, зажженный его мыслью. Этот огонь станет светочем тем, кто готов умереть за правду, кто умеет служить правде, не щадя своей жизни. Именно таким и был Бальзак, желал он этого или не желал. И вы не сумели сломить его мысль, вы только искалечили его сердце». И этот внутренний монолог Гюго перекликается с речью, в действительности произнесенной им на похоронах Бальзака:

«Неведомо для себя самого, хотел он того или нет, согласен он с этим или нет,— автор этого грандиозного и причудливого творения принадлежит к могучей породе писателей-революционеров».

Лидия ФОМЕНКО

Натан Рыбак. Ошибка Оноре де Бальзака. Роман. Издание исправленное и дополненное. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1957. 364 стр.

Е. М. Куприна и А. И. Куприн.

НЕИЗВЕСТНЫЕ РИСУНКИ Ф. А. МАЛЯВИНА

Филипп Андреевич Малявин, картины которого привлекают внимание посетителей Третьяковской галереи, известен как прекрасный живописец, как большой мастер передачи света. Его картины поражают фейерверком красок, декоративностью. Грустно, что большой художник, ученик Ильи Ефимовича Репина, так любивший все русское, воплотивший в своем творчестве образы русских крестьян, оказался за границей, где и умер.

Предлагаемые вниманию читателей «Огонька» портреты писателя Александра Ивановича Куприна - моего отца, моей матери и мой нарисованы художником в его мастерской в Париже. Эти рисунки до сих пор не публиковались и дают, как мне кажется, яркое представление о мастерстве Ф. А. Малявина как портретиста.

Ксения КУПРИНА

А. И. Куприн.

К. А. Куприна.

В ГЛУБИНАХ ОКЕАНА,

Профессор В. БОГОРОВ,

заместитель директора Института океанологии Академии наук СССР

Фото Н. ЗЕНКЕВИЧА.

Принято считать, что времена географических открытий миновали. Материки и океаны, моря и острова, горные хребты и проливы, существующие на земном шаре, известны наперечет, нанесены на карты, описаны в школьных учебниках. Кажется, уж вдоль и поперек исхожена, изъезжена наша планета.

Тем неожиданней прозвучат сегодня такие названия, как «Гора Макарова» или «Впадина «Витязя».

Пока еще в научных изданиях не отражены эти открытия, совершенные советскими исследователями Тихого океана в Международном геофизическом году.

Об этих исследованиях рассказал корреспонденту «Огонька» профессор В. Г. Богоров, иллюстрируя беседу фотографиями.

Посмотрите на этот снимок. Так выглядит вершина подводной горы, открытой недавно советскими океанологами к юго-востоку от Сангарского пролива и названной именем адмирала Макарова. Почти на четыре километра поднимается возвышенность над уровнем океанского дна. Фотоаппарат и осветительные устройства особой конструкции, созданные научным сотрудником Н. Л. Зенкевичем, опускаясь на любую глубину, запечатлевают на пленке все скрытое от человеческого глаза толщей воды. Едва аппаратура касается дна, как тотчас автоматически происходит вспышка и синхронно срабатывает затвор объектива.

Как видим, на снимке изображены не только холмики и ложбинки, образованные наносами на вершине горы Макарова почти в полутора километрах от поверхности океана, но и донные животные — офиуры, похожие очертаниями на звезды.

Так же четко сфотографировано океанское дно и близ экватора (см. нижний снимок слева). Камни на песке запечатлены аппаратом почти в шести километрах от поверхности, там, куда не проникают солнечные лучи.

А так выглядят выходы коренных пород на глубине 2 400 метров (снимок внизу справа).

Спустя полгода после открытия горы Макарова эхолоты «Витязя» отметили резкое увеличение глубин к северо-западу от островов Фиджи. Была обнаружена и обследована новая, неизвестная дотоле глубоководная впадина, которую советские океанологи назвали именем своего корабля.

Двести двадцать дней продолжались два первых рейса «Витязя» по программе Международного геофизического года. Всесторонними исследованиями были охвачены обширные районы западной и центральной части Тихого океана.

Немало интересных встреч было у нас в море и на берегу.

Это полинезийское каноэ подошло к борту «Витязя» близ атолла Атафу.

— Нам нужно немного муки, соли, спичек,— почтительно обратился к капитану И. В. Сергееву старший из гребцов.

Выяснилось, что новозеландское судно, обычно ведущее торговлю с островитянами, на этот раз опаздывает, и жители остались без продуктов.

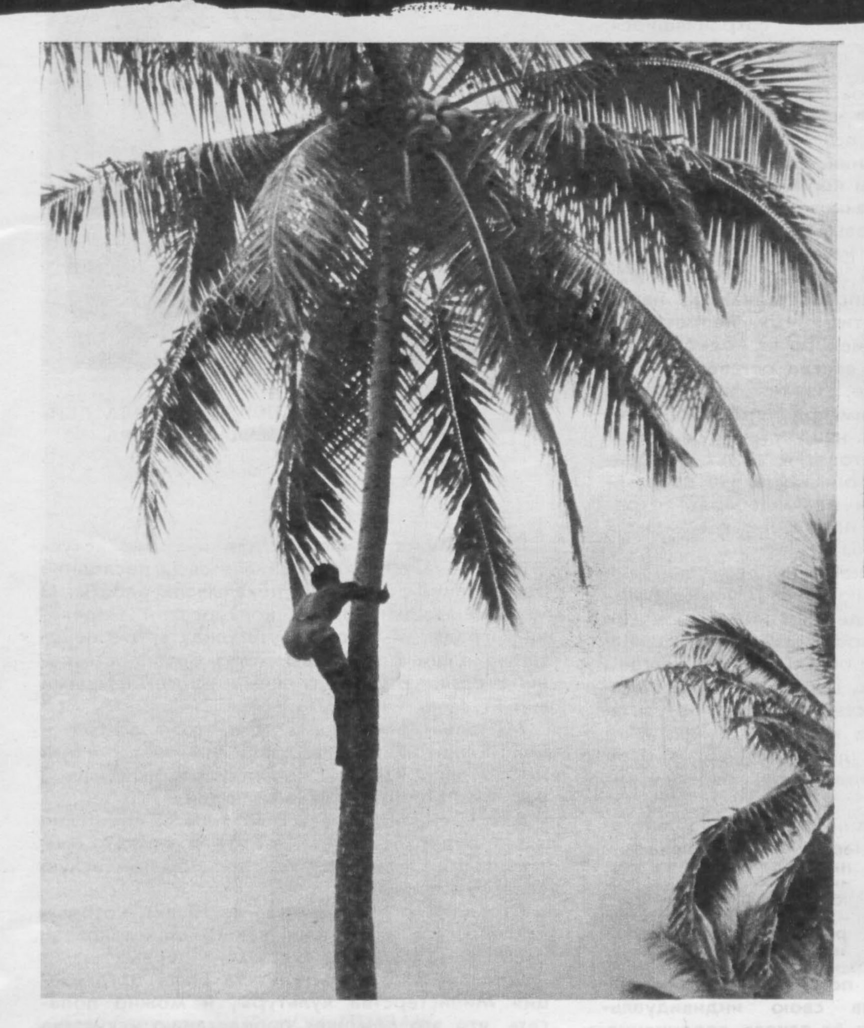
Вскоре каноэ отплыло обратно, нагруженное ящиками и мешками. Прощаясь с советскими моряками, полинезийцы долго удивлялись: впервые видят они людей, отказавшихся от платы за товары.

ПОД СОЛНЦЕМ ТРОПИКОВ

Более месяца простиралась вокруг корабля безбрежная водная равнина, то вспененная волнами, то дремлющая под тропическим солнцем. И вот первая стоянка после выхода из Владивостока — порт Сува на островах Фиджи.

Когда в северном полушарии зима, здесь, к югу от экватора, лето в разгаре. Буйно зеленеют гигантские древовидные папоротники, кокосовые пальмы, на которые так мастерски взбираются жители. Одинаково легко одеты ребятишки и

взрослые: фиджийцы не привыкли стеснять себя лишними нарядами. Тем эффектнее выглядит в белых перчатках регулировщик движения на перекрестке.

Английские геологи и ботаники, любезно принимавшие нас у себя, и сами были частыми гостями на борту «Витязя». Вот что записал в книге почетных посетителей сэр Рональд Гарвей — губернатор островов Фиджи:

«Я чрезвычайно рад, что имел возможность посетить этот корабль и ознакомиться с научным оборудованием, помогающим проникать в глубины океана и раскрывать секреты, которые Нептун хранит в своей необъятной груди».

Дружеской была встреча с зарубежными коллегами и в Новой Зеландии. Сотни людей пришли проводить «Витязя» в порт Веллингтон (верхний снимок). Научная конференция, проведенная советскими океанологами, собрала обширную аудиторию. Десять докладов прочитали мы на борту корабля и два доклада — в помещении Королевского общества Новой Зеландии.

«За два коротких дня мы открыли, как мы похожи друг на друга, сколь близки наши цели,— записал в книге почетных посетителей премьер-министр этого английского доминиона Уолтер Нэш.— Я верю, что в скором будущем мы пойдем по тому пути, по которому идет наука,— открывать истины, делиться своими открытиями со всеми народами».

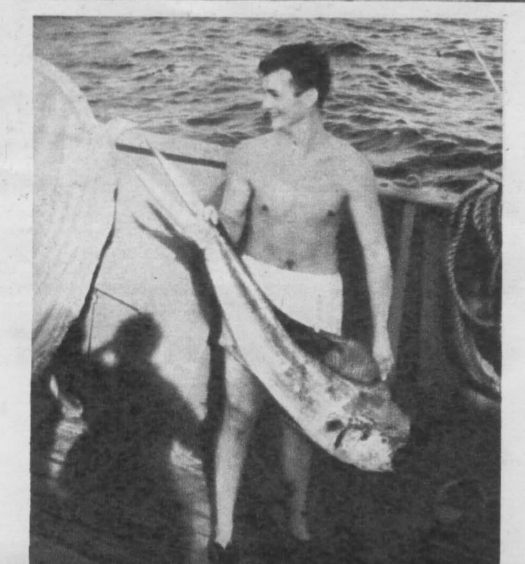
Нашелся общий язык и с французскими учеными — сотрудниками Института Океании в Новой Каледонии.

Всегда людно было в порту Нумеа: посмотреть на «Витязя» приходили и французы и местные коренные жители.

...Снова курс на север. Множество экспонатов везут ученые на родину для коллекций нашего института...

А рыбе, которую держит в руках научный сотрудник Н. В. Парин,— прямая дорога на камбуз. Это корифена, или «золотая макрель», которую так восторженно описал Тур Хейердал в своем «Путешествии на Кон-Тики». Нельзя без восхищения смотреть на корифену, которая на глазах меняет окраску от золотой до сине-фиолетовой. Мы согласны с норвежцами в оценке и вкусовых качеств корифены: отличное блюдо и на завтрак, и на обед, и на ужин...

ДРЕВНИЕ ТРАДИЦИИ

Г. П. МАЛАЛАСЕКЕРА,
Чрезвычайный и Полномочный Посол Цейлона в СССР

В январе этого года было подписано соглашение о культурном сотрудничестве между СССР и Цейлоном.

Мы с нетерпением ожидаем быстрого расширения культурных связей между нашими странами и особенно радуемся тому, что вскоре после подписания соглашения нам была предоставлена возможность показать выставку работ цейлонских художников и фотографов-любителей. Правительство и народ Цейлона глубоко благодарны Министерству культуры СССР, Союзу советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, администрации Музея восточных культур за их помощь в организации выставки. (Несколько работ с этой выставки публикуются в этом номере на 1-й и 4-й страницах вкладки.) Мы искренне надеемся, что в скором времени будет проведено несколько подобных экспозиций, на которых будут представлены работы наших ремесленников, пользующиеся заслуженным признанием во всем мире. Мы надеемся также познакомить советский народ с музыкальной культурой и с искусством танца нашей страны.

История живописи на Цейлоне насчитывает более двух тысячелетий. Некоторые западные специалисты по истории искусства считают, что именно здесь художники впервые начали писать масляными красками. Сохранились картины, созданные 2 300 лет назад. Но сравнительно недавно наши живописцы стали писать на холсте. До этого они расписывали стены зданий и работали на дереве, создавали миниатюры на пальмовых листьях, многие из которых считаются непревзойденными по красоте и тонкости.

Стены храмов в каждой деревне представляли своеобразные картинные галереи. Это были композиции на духовные, сказочные темы и нравоучительные сюжеты. Искусство стенной росписи существует и сейчас, продолжая прочно установившиеся за тысячелетия традиции. Вряд ли какая-либо другая страна может гордиться столь древним искусством.

Не все наши художники были моралистами. Живопись на стенах храмов многое рассказывает об обычаях, о жизни народа, так как художники зачастую изображали в своих произведениях бытовые сцены, жанровые картинки. Об этом свидетельствуют и знаменитые росписи в Сигирии, отлично сохранившиеся, несмотря на то, что они были написаны 1 500 лет назад.

Для письма использовались краски местного происхождения, которые добывали из земли и растений. Обычно применялись красный и желтый цвета в сочетании с синим и зеленым. Фигуры были очерчены черной краской, полученной из угля, смешанного с маслом. Краски эти оказались чрезвычайно устойчивыми, они используются и в настоящее время.

Всегда существовала тесная связь между Цейлоном и Индией, способствовавшая нашему культурному развитию. Но неправильно утверждать, что влияние было односторонним. Наши художники всегда оставались верны самобытной технике, сюжету, композиции.

Когда одно за другим три европейских государства завоевывали нашу страну и правили в ней почти пять столетий, культуре Цейлона грозила большая опасность. Но крестьяне в деревнях, монахи в монастырях сохранили ее для грядущих поколений. Мы можем быть только благодарны им за это.

В прошлом цейлонская молодежь нередко ездила учиться в Индию. Не так давно большая группа наших студентов побывала в Индии, чтобы, как и их предшественники, познакомиться с ее культурой, прослушать курсы в различных институтах. И современный подъем цейлонского искусства является результатом их работы. Многие наши художники учились в европейских художественных школах, видели прекрасные коллекции европейских музеев.

Произведения художников Цейлона экспонировались на международных выставках и получили высокую оценку. Некоторым из живописцев удалось в своем творчестве соединить традиции Востока и Запада, и таким образом наша живопись обогатилась художественными формами искусства других народов. Мы приветствуем это, потому что верим: наша культура, сохранив свою индивидуальность, только выиграет от такого соединения. На Цейлоне есть несколько художественных школ, и все они жизнеспособны и активны. Между этими школами нет раздоров, они ценят произведения друг друга, хотя между ними и существуют соперничество и конструктивная критика.

А. С. Г. С. Амарасекера. ПОРТРЕТ ПОСЛА ЦЕЙЛОНА В СССР Г. П. МАЛАЛАСЕКЕРА.

Фотография — новый для нас вид искусства, но она успешно развивается за последние годы. Наши фотографы показывали работы на многих международных конкурсах и завоевали награды. Мы можем утверждать, что некоторые наши фотографы могут быть поставлены в один ряд с лучшими фотомастерами мира.

Мы заинтересованы в том, чтобы за границей познакомились с различными сторонами нашей национальной жизни, красотой нашей родины, добротой наших людей.

Я искренне надеюсь, что теперь советские люди будут посещать Цейлон и своими собственными глазами увидят романтическую красоту страны.

Страна многого достигла за 10 лет, которые прошли с того времени, как Цейлон завоевал свою независимость. Одним из первых шагов Национального правительства была организация Министерства культуры, и можно полагать, что это поможет процветанию искусства Цейлона.

Советские художники побывали у нас в гостях, и некоторые наши художники посетили СССР. Мы надеемся, что культурный обмен будет постоянным и в результате этого выиграют не только обе наши страны, но и весь мир.

Искусство не знает барьеров, создаваемых цветом кожи и различием наций. Оно говорит от всего сердца на языке, который понятен всем. Искусство может укрепить дружбу между народами и, таким образом, способствовать миру на земле и счастью всего человечества.

Эта картина служит иллюстрацией к хорошо известному на Цейлоне сказанию: король Буддхадаса, царствовавший в IV веке нашей эры, был не только справедливым правителем, но и искусным хирургом. Слава о нем распространилась и в царстве животных. Однажды, когда король ехал на слоне в парк, он увидел на дороге больную змею и вылечил ее.

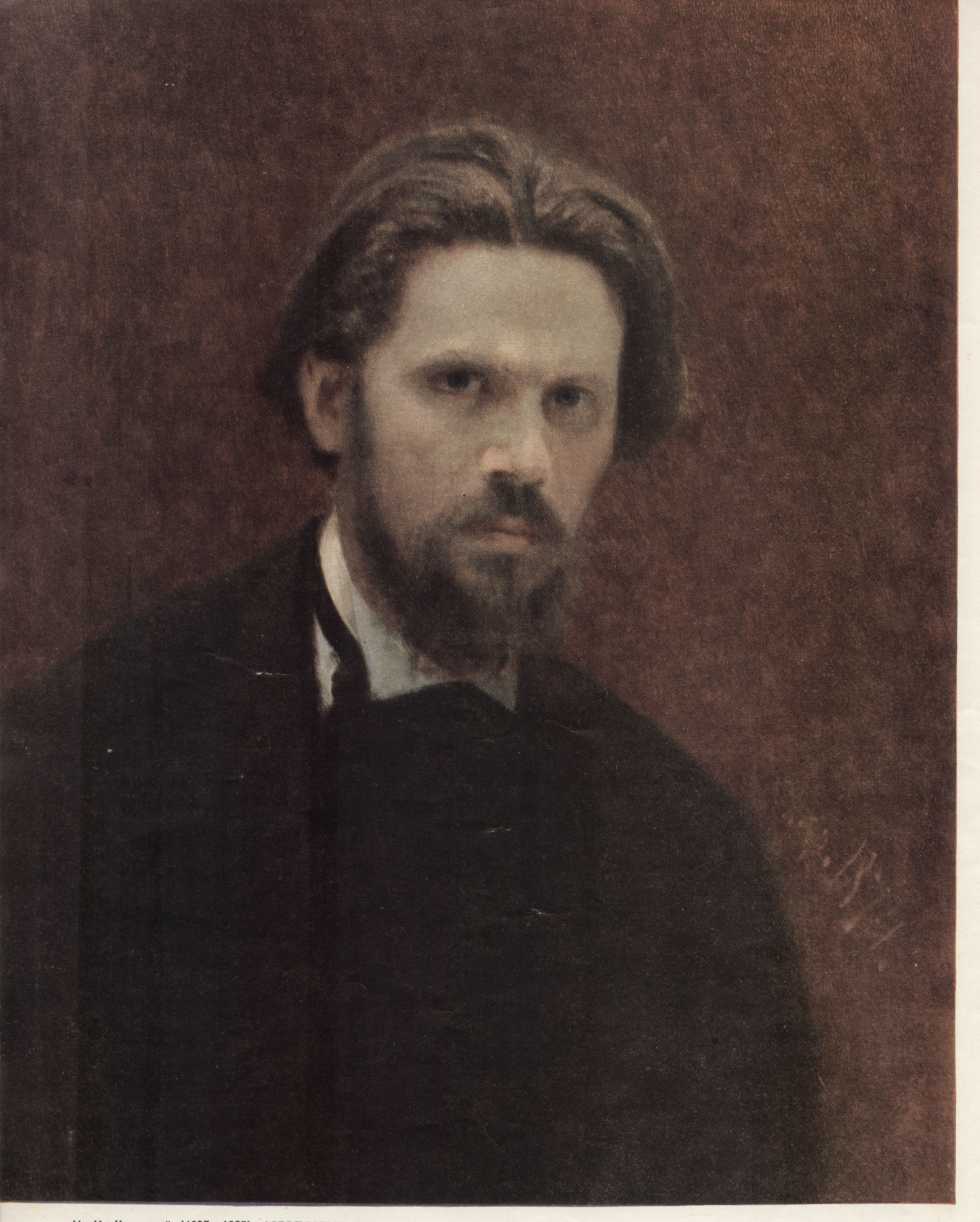
Н. П. А. Виджесекера. КОРОЛЬ БУДДХАДАСА ЛЕЧИТ ЗМЕЮ.

Айбор Баптист. МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖ.

Выставка современного изобразительного искусства и художественной фотографии Цейлона.

Дэвид Пэйнтер. БИРМАНСКИЕ ЮНОШИ.

И. Н. Крамской (1837—1887). АВТОПОРТРЕТ. 1874.
Государственная Третьяковская галерея.

→
И. Н. Крамской. НЕУТЕШНОЕ ГОРЕ (вариант). 1883.
Государственный Русский музей.

Г. С. **Фернандо.** НАВОДНЕНИЕ В РАДЖАРАТЕ.

Выставка современного изобразительного искусства и художественной фотографии Цейлона.

Сарасвати Роквуд. АВТОПОРТРЕТ.

ПИСЬМА СТАСОВА КРАМСКОМУ

С именем художника И. Н. Крамского связано начало нового, демократического направления в русской живописной школе и возникновение прогрессивного Товарищества передвижных выставок. Крамской создал и оставил нам в наследие огромную галерею портретов своих выдающихся современников. Критик-демократ В. В. Стасов отмечал художественное совершенство и неизменную верность жизненной правде в портретной живописи Крамского: «Везде он явился мастерским, глубоким выразителем натуры, характера, личности, душевного и интеллектуального облика».

С большой симпатией Стасов относился и к жанровым картинам Крамского. Его глубоко взволновал драматизм «Неутешного горя». Он писал: «Картину Крамского «Неутешное горе» не оценили у нас, мне кажется, по настоящему ее достоинству, хотя, вообще и хвалили ее. Но, по моему разумению, это лучшая картина Крамского, как композиция и выражение. Еще никогда и нигде этот капитальный наш художник не достигал такой глубины и правдивости чувства...»

Мысль написать картину «Неутешное горе» возникла у художника спустя несколько лет после трагедии, пережитой в семье,— в 1876 и в 1879 годах умерли его сыновья Марк и Иван. Крамской в 1883 году сделал четыре варианта этой картины и окончил ее годом позже. Она хранится в Государственной Третьяковской галерее. Первоначальные варианты картины находятся в Государственном Русском музее и в Государственном музее латышского и русского искусства в Риге. Одна из этих картин, малоизвестная и представляющая несомненный интерес, воспроизводится на вкладках этого номера.

Дружеская переписка Стасова и Крамского продолжалась в течение пятнадцати лет. Отдавая должное заслугам Крамского, Стасов после его кончины собрал статьи и переписку художника по вопросам искусства и издал их в 1888 году.

Ниже публикуются отрывки из писем В. В. Стасова И. Н. Крамскому, которые хранятся в Государственном Русском музее.

Н. ЧЕРНИКОВ

3 июля (18)76

Как в литературе, так и в искусстве лучшие из русских чудесно и глубоко понимают свое собственное положение и дело, свою собственную страну — да тут же раз понимают и остальную Европу со всем ее хорошим и дурным. А этого из европейских писателей, художников и критиков навряд ли кто еще может представить. Быть может, что оттого так выходит, что мы выступили после всех и не связаны ровно никакими историческими преданиями и предрассудками. И мне всегда кажется, что новая зачинающаяся художеств(енная) школа в литературе, искусстве и музыке должна шагнуть куда-то туда, куда никто не шагал.

6 окт(ября) (18)80

Вообразите: я ведь был нынче в первый раз отроду в галерее Третьякова!!! И хотя почти все вещи знакомы, но общее впечатление было очень сильное. Русская школа в самом деле есть. У Третьякова почувствуешь это сильнее и глубже, чем когда-нибудь. Но какой мастер развешивать свои вещи Третьяков. Наприм(ер), портрет Григоровича выиграл тут чуть не пятьдесят процентов. И что там было слабого по колориту, как то разом вдруг исчезло, и остались налицо одни величайшие совершенства. Но портрет Толстого поразил меня еще больше, чем когда-нибудь, и ударил меня по лбу с такою силою и разбередил меня до такой степени, что я не стал больше откладывать и послал в тот же вечер условную телеграмму: «Выезжаю к Вам завтра в час». Лошади были присланы мне навстречу, и я провел в Ясной Поляне дня полтора. Ну-с, я Вам скажу, что это за человек, что за человек — слов нет!!! Прежде я его уважал и любил, теперь — обожаю, точно я шестнадцатилетняя институтка! Право, я такого еще не встречал. Первый день мы проговорили до трех часов ночи, и он перед мною простоял в халате и туфлях, со свечкой в руках, начиная с двенадцати часов — это он все уходил, и разговор все завязывался снова и снова. На другой день мы часа три — четыре гуляли, с палкой в руке, по полям. И чего только, и кого только мы тут (ни) перебрали. Кажется, все и всех на свете. Но такие воспоминания у меня остались — ни с чем несравненные!

...А знаете: мне очень нравится и Ваш собственный портрет. Оба Некрасова — нет.

25 апр(еля) (18)84

...я еще новый раз скажу: нигде в искусстве не процветает в такой силе и правде интеллект художественный, самокритика художественная, как у нас в России. Наше отечество так странно вообще сложилось — это уже устроено ее историею — что у нас или самая отчаянная отсталость, либо — самое передовое из передовых развитие, интеллектуальность и прозревание на современность и будущность. Знаете, сколько ни посмотрю на остальную Европу, такого зрелища нигде более не встретишь. И это сам Запад начинает про нас признавать. Я сам собственными глазами читал в немецких газетах, в третьем году, по поводу выставки Верещагина в Берлине, что — мол эти русские всех нас начинают обгонять на всех пунктах: вон — дескать в политических и общественных делах они вдруг оказались такими передовыми, что всем на диво в Европе, и у них остается только учиться; так точно и в искусстве — вон какие у них Верещагины начинают появляться, о каких у нас тут никогда и во сне не было видано! А что бы сказали все эти немцы, французы и англичане, какой у нас критический дух народился и вырос — сильный, глубокий и беспощадный, неумытный и неподкупный все равно к своим, что к чужим. Нет, нет, покуда все что у нас есть, ни что не гибнет и не погибнет, какие бы триумфы не праздновала ретроградность и консерваторство. Не бойтесь, что сойдут со сцены русского искусства как Вы называете «последние могикане». Сойдут, но на них место выступят другие, и высокое движение вперед маленькой горсточки людей — лучших людей — никогда не замрет, ничем на свете вытравлено быть не может. И это не только в живописи, но еще и в музыке: эту последнюю Вы не знаете и тамошнее движение Вам вовсе не известно, но я-то его твердо знаю и вижу, среди него живу и лучших тамошних людей. На-днях я печатаю статью, где буду говорить обо всех этих материях, и еще новый раз постараюсь выставить тожественность и параллельность новой русской живописной школы и новой русской музыкальной школы. Посмотрю, как-то Вам понравится моя эта статья о несокрушимости, живучести и несомненном будущем торжестве светлых идей художества. И Вы — один из тех, кто самую крупную и чудесную роль играли тут. Если бы даже Вы во всю жизнь ни одного холста не написали, все-таки Ваше имя стояло бы крупными литерами в истории нового русского искусства — Вы были одним из самых сильных двигателей; но что сказать, когда вдобавок Вы можете показать такие вещи, как портреты: Григоровича, Льва Толстого, Шишкина, Суворина, Литовченки и т. д. и т. д., и нынче: «Неутешное горе». И что меня всего более радует, это — что Вы все идете еще вперед и в развитии таланта и в силе мысли.

ВСТРЕТИЛИСЬ ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ

— Хоть вы и заметно повзрослели с той поры, Филипп Иванович, но я все-таки узнаю пулеметчика-добровольца, — говорил с улыбкой седой худощавый человек в синем штатском костюме, обращаясь к генерал-полковнику.

— Я-то что, вы на Никифора Артемьевича полюбуйтесь, — отвечал генерал, дружески обнимая второго своего собеседника.— Ну, кто скажет, что этому орлу седьмой десяток идет!

Так беседовали друзья-однополчане, ветераны гражданской войны на Урале, встретившиеся в Москве после сорокалетней разлуки: Ф. И. Голиков, Л. А. Дудин и Н. А. Баженов.

Для генерал-полковника Филиппа Ивановича Голикова эта встреча особенно знаменательна: ровно четыре десятка лет назад в такой же точно жаркий летний день вступил он, безусый крестьянский паренек, в ряды вооруженных сил молодой Советской республики.

Вскоре после этого, 13 июля 1918 года, в селе Катайском, Камышловского уезда, был сформирован первый Коммунистический Крестьянский полк. Приказ об этом подписали командир полка большевик-подпольщик П. Н. Подорин и адъютант полка Л. А. Дудин — бывший поручик старой армии. Бывший унтер-офицер участник штурма Зимнего, Н. А. Баженов стал командиром одного из батальонов. С этими людьми — ветеранами первой мировой войны — начал свою службу молодой боец Голиков.

Стойко сражались воины против колчаковцев, наступавших на пролетарский Урал. За мужество и героизм, проявленные красноармейцами, им было присвоено почетное наименование «Красных орлов», а полк в октябре 1918 года удостоился высшей правительственной награды — боевого революционного Красного знамени ВЦИК РСФСР. Боевые дела «Красных орлов» неоднократно отмечались и в дальнейшем. В телеграмме командующего 3-й армией 16 декабря 1918 года говорилось:

«Передайте Крестьянскому Коммунистическому полку глубокую благодарность за удивительную стойкость и доблесть, проявленные верными сынами революции в последних тяжелых боях. Истомленные, измученные, голодные армейцы Коммунистического полка, не выпустив оружия из рук, отбивали и наносили удары по наступающему врагу...

Да здравствуют орлы-коммунисты! Революция не забудет вас».

Памятны друзьям-однополчанам и тяжелые оборонительные бои, с которыми приходилось отступать под натиском превосходящих сил противника до Глазова, и развернувшееся затем победоносное наступление на восток, вплоть до Ишима. Позднее полк «Красных орлов» громил Врангеля, форсируя Сиваш.

По-разному сложились дальнейшие судьбы трех ветеранов, но каждый из них отдал службе в Советской Армии почти всю свою жизнь.

Некоторое время назад Ф. И. Голиков разыскал живущих на Урале Л. А. Дудина и Н. А. Баженова, завязал с ними переписку. И вот, встретившись в Москве, «бойцы вспоминают минувшие дни».

Много теплых слов сказано о товарищах-ветеранах: Ф. В. Григорьеве, А. А. Полуяхтове, П. М. Тарских — пенсионерах, живущих сейчас на покое. С любовью помянуты имена тех, кого уже нет в живых. Вместе, сообща думают друзья-однополчане над созданием боевой истории своей славной воинской части, одной из первых в Красной Армии.

С. ТИМОФЕЕВ

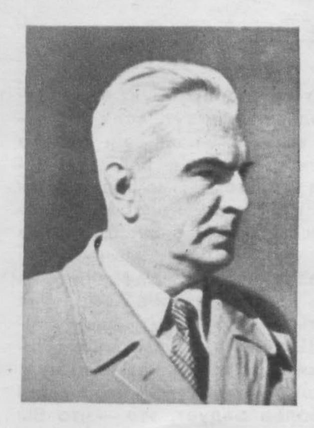
☆

Слева направо: подполковник запаса Н. А. Баженов, генерал-полковник Ф. И. Голиков и полковник в отставке Л. А. Дудин.

Фото Б. Кузьмина.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ СТИХОВ

1901—1957.

Владимир ЛУГОВСКОЙ

Рисунки Б. Зеленского.

Весна

Опять, как прежде, холодок овражный.
Проталины. Грачи.
Туман полей.
Природа снова дышит грудью влажной,
Тоскуя, ждет прилетных журавлей.

И скоро вспыхнет все
могучим светом,
И синева
взмахнет крылом небес,
В дрожащем воздухе,
как печь, нагретом,
Как будто поплывет
далекий лес.

И зазвенит земля
победным звоном
На смену зимней,
стылой тишине.
Шумящим облаком
светло-зеленым
Волна лесов
покатится к весне.

По рвам, окопам,
блиндажам и дотам
Зашелестит веселая трава.
Победа жизни
и ее работа
Вошли в свои
законные права.

И край родной,
поднявшись раным-рано,
Творит и строит,
вечно молодой.
Глубокие залечивая раны,
Плуги проходят тяжкой бороздой.

Мы вспомним тех,
чье дело продолжаем,
Весной помянем
в солнце и труде,
Помянем их во время урожая,
Зимой помянем, солнце провожая,
Долг отдадим
их доблестной судьбе.

Помянем тех,
чьи братские могилы
От Волги до Берлина залегли,
Тех, чье упорство,
мужество и силы
Спасли спокойствие родной земли.

И все, что есть
большого, дорогого,
Во имя их
мы отдадим стране.
Мы тем сильны,
нам нет пути другого,
Как в мире нет
других путей весне!

1945.

* * *

Перекресток. Красный светофор,
Тормозят машины в красном свете.
Как ребячий, монотонный хор,
Мягко запевает вьюжный ветер.

Вот и все. Земля опять тиха
Или... притворяется такою.
Разодевшись в белые меха,
Может быть, она пришла к покою!

Может быть!..
Но столько мертвых вьюг
Занесло, что сердцу было мило.
На восток, на север, и на юг,
И на запад бросило могилы.

Взвешенная на стальных весах,
Середина века нам досталась.
Снег дорóг... Горелые леса...
Щебень городов... Сердец усталость...

И такая жажда жить, дружа
С песней, елкой, легкою порошей,
И такая гордость, что душа
Хочет быть и быть должна хорошей.

И такая ярость, что порой
Слышат люди, даже умирая,
Как земля под ледяной корой
Волнами огня, шутя, играет.

Вдоль стены Кремлевской, по прямой —
Старая московская дорога.
Поздно возвращаюсь я домой.
Много прожил, а сказал немного.

Но ложится в руки шар огня,
Вдруг дыханье сделалось короче.
Поднимает и несет меня
Дикое знахарство этой ночи.

Кажется, вот-вот я все пойму,
Мышцы, волю, разум напрягая,
Но земля спокойна, и в дому
Ты, грустя, заснула, дорогая.

Ты лежишь и видишь сон во сне,
Будто все чудесно между нами.
В заячьих фуфайках пухлый снег
Кружится, снует над фонарями.

Вот и снегом все заметено.
Белый цвет и черный без оттенков.
В комнате твоей темным-темно,
Только вещи чуть сквозят в простенках.

Сон качает круглой головой,
Детские показывает страны.
Ходит шерстолапый домовой,
Ледяные капли пьет из крана.

Снова так мучительно знаком
Отраженный свет привычных окон.
Кончилась война, и снова дом
Полон той же жизни, тем же соком.

Может, правду говорят, что смерти нет!
Только свет, и снег, и сон, и строки...
И опять не хочет дать ответ
Город мой, столь доблестный и строгий.

И опять ночная жизнь стиха
Лжет о том, что все полно покоя.
Вот и все.
Земля опять тиха
Или... притворяется такою.

Ноябрь, 1945.

Перистые облака

Перистые облака зенита.
Через море —
лунная река.
Вы как будто в воздухе звените,
Перистые облака.

Чистая,
горит,
дрожит
Венера.
На шоссе не слышен шорох шин.
Равновесье,
неподвижность,
мера,
Ликованье голубых вершин.

Нет движенья,
отзвука
и шума.
Спит рычаг,
застыло колесо.
Только лунный свет
течет
угрюмо
В сердцевине
буковых лесов.

Дремлют жизнь и смерть.
Обеим снится,
Что по небу
бросила рука
Оперенье
исполинской птицы —
Перистые облака.

1940.

Две новеллы

А. КОВАЛЕНКОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Юпитер

Поездку к морю со своей милой Наташкой-ромашкой, такой милой, что неизвестно, как ее и называть по-другому, Алексей Мокин задумал еще весной. Он даже свой отпуск передвинул с июня на сентябрь, желая показать ей самое дорогое, что было у него в жизни, и не просто показать, а отдать на вечное владение, зачеркнув разницу лет.

Он был хорошим и, если можно так сказать, добропамятным человеком, инженер Мокин. Неприятные, обидные вещи незамедлительно выветривались у него из сердца, веселые, добрые накапливались и содействовали стойкости характера. И если бы это было не так далеко, он обязательно бы повез Наташу к тропинкам и зорям своего детства. Берега молодости были ближе. На них росли осыпанный крупными красными ягодами шиповник и узловатые, с мельчайшими белыми цветиками кусты. Была там еще широколистая, выгоревшая на сентябрьском солнце травка. Растертая на ладони, она терпко и незабываемо пахла. Берега были невысокие, обрывистые. К ним подкатывались, обтачивая гальку, синие черноморские волны. На отмели у мостков лежал на боку смоленый баркас. Рыбаки в засученных до колен штанах вытаскивали из него сети. И в прозрачных наплывах волн грубо и прочно стояла лохань с пластами черной, как бы расплющенной камбалы.

В тот год, когда это все происходило, Наташа была еще в колыбели. А Мокин уже искал свою первую любовь и верил, что море ему поможет. Так оно и вышло.

К мосткам причалила лодка. Из нее в холщовом спортивном платье и в туфельках на босу ногу вышла, нет, выпрыгнула, так, что мокрая галька брызнула из-под каблучков, девушка. Ей было года двадцать два—двадцать три. С челочкой, как тогда носили, темных волос, с очень яркими, но ненакрашенными губами, ну и, само собой разумеется, такая глазастая, что безостановочная игра солнца и моря потускнела и отошла на задний план.

— Ты, Алешка, с ума сошел! — сказал приятель, когда Мокин заявил, что полезет по кипарису к распахнутому в лунную ночь окну Леночки.— Ссыпешься, во-первых, а во-вторых, завтра же будешь с треском выписан из дома отдыха...

Но Алешка все-таки полез. И свалился с карниза второго этажа в лавровишневый кустарник. И окно захлопнулось, а потом снова открылось. И за восклицанием: «Вы почили на лаврах» — последовал тихий смех; яблоко, брошенное из окна в награду за храбрость, было поймано на лету, и они все-таки познакомились.

О том, что было дальше, можно рассказывать, начиная с наименования любого простейшего предмета. Калитка, чайная чашка, мяч, груша, не говоря уже о более сложных понятиях, таких, как утро, дорога, прогулка, море, могли стать названием неповторимой, продолжающейся до бесконечности повести.

Ну вот взять для примера грушу. Самую обыкновенную. Твердую, недозрелую, ту, что давали к ужину на сладкое. Мокин положил ее в карман, и на следующий день она очень пригодилась.

Отправились пешком в винодельческий совхоз. И после осмотра пахнущих корабельным трюмом погребов торжественно сошли к морю с бутылкой приобретенного в складчину коллекционного токайского. Из груши был сделан стаканчик. Мокин постарался, чтобы Леночка пила из него предпоследней. Затем он сам пригубил «фиал» и съел его, не обращая внимания на протестующие крики.

Но здесь было только начало истории с грушей, потому что вечером в полутемном коридоре Алешка столкнулся с Леночкой, несшей на тарелке только что вымытый виноград.

— Нате, обжора,— сказала она. И, упираясь, схваченная за локоть, изумленная небывалым нахальством Мокина, шагнула за ним в пустую, холодную умывальню. Он даже не удосужился погасить свет и только придерживал плечом захлопнувшуюся дверь.

Виноград рассыпался по кафельному полу. Леночка едва не задохнулась. Целомудренный и разбойничий поцелуй длился так долго, что пришлось в конце концов колотить Алешку тарелкой по голове. А потом они вместе подбирали виноград. Смущенный насильник не смел поднять глаз и блаженно замер, когда его поцеловали в лоб, сказали насмешливо: «Дорвался»,— щелкнули выключателем, оставили в темноте и бойкие каблучки застучали, удаляясь, по коридору.

А возле старой, на скрипучих и ржавых петлях калитки они едва не поссорились. Мокин пришел на свидание в расшитой маргаритками косоворотке.

— Это вам к лицу,— насмешливо сказала Леночка,— донжуан из оркестра. Элегантно...

Свидание было испорчено. Вечером Мокин отправился вместе с рыбаками бить острогой морских петухов. Он вернулся пьяным, пробовал орать песни. И быть бы ему изгнанным из рая, если бы не вмешательство Леночки. Она заперла дебошира в своей комнате, заставила нюхать нашатырь и даже согласилась выйти за него замуж при условии, что он сейчас же уляжется спать.

В тот год, когда это все происходило, самая большая планета солнечной системы — Юпитер — появлялась над черноморским горизонтом с наступлением сумерек. Большая ледяного сияния звезда шествовала по небосводу, оттесняя своим блеском ближних и дальних соседей по мирозданию. Она была так ярка и округла, что с ее восходом на темной поверхности моря возникала дорожка. Такая же, как от луны. Только более узкая и совсем не золотая. К трем часам ночи Юпитер поднимался до высоты прибрежных тополей. Небо начинало светлеть, звезды одна за другой уплывали из пределов видимости, а тяжелый Юпитер продолжал неотрывно смотреть в глубь земной атмосферы, в гущу влажной листвы и хвои, в наполненные ровным и тихим дыханием спящих людей незакрытые окна домов.

Мокина Юпитер смущал. Другие звезды были отделены от всего, что делалось на земле, неизмеримыми глубинами мироздания. От них не надо было прятаться. А этот светляк так заставлял ощущать свое присутствие, когда двое оставались наедине, что Алешка однажды даже погрозил ему кулаком. Леночку это рассмешило.

— По мифологии, Юпитер — звезда мудрости,— сказала она. Ну, что ты на него сердишься!.. Это вдвойне смешно, потому что существует поговорка: «Юпитер, ты сердишься, значит, ты неправ». Божество взирает на нас ласково и благосклонно, а ты ему кулаком. Выходит, что ты сам выступаешь в роли Юпитера.

— Ничего себе «ласково взирает»! — не согласился Мокин.— В который раз, как только их сиятельство доходит до макушки вон того кипариса, все кончается; ты начинаешь толковать о благоразумии, неудобстве лазанья через забор, моем мальчишестве и тому подобных скучных вещах.

Леночка тогда ничего не ответила; ушла, взглянув на свои золотые часики, ровно за десять минут до того, как глухая старуха, неукоснительно выполняя директорский приказ, запирала ворота дома отдыха. А Мокину, снова обиженному, снова оставленному в одиночестве, пришлось лезть через высокий каменный забор, утыканный по гребню битым бутылочным стеклом. Звезда мудрости сияла к этому времени во всю свою силу.

О том, что Леночка была замужем и, возвратясь в Москву, жаловалась супругу на то, как ей было скучно в неблагоустроенном доме отдыха, где не нашлось ни одного порядочного человека, Мокин так никогда и не узнал.

Он много раз пытался звонить по телефону, номер которого собственноручно начертала в его записной книжке «невеста», но там сначала вежливо говорили, что «таких здесь нет», а потом, узнав надоедливый голос, чертыхались и вешали трубку. Розыски через справочное бюро тоже ни к чему не привели. Леночка жила на курорте под своей девичьей фамилией, адреса никому не оставила, и пришлось Алексею Мокину строить себе в утешение разные романтические версии, чем дальше, тем необычайней и интересней, потому что юность не повторяется, а без оглядки на нее жить нельзя.

Наташа была совсем, ну, совсем не похожа на Леночку. Мокину, однако, казалось, что между ними не только есть сходство, но и прямое повторение самых главных примет. И цвет глаз, и походка, и манера одеваться, и даже особенность с детской неуверенностью выговаривать многосложные слова — все совпадало, как у близнецов.

«Я снова тебя нашел,— сказал себе Мокин, когда впервые увидел Наташу. И только

поздней, к своему счастью, понял, что нашел не то, что искал. И не в том было дело, что к берегам, где Леночка высмеяла его маргаритковую рубашку, подходили во время войны немецкие торпедные катера, и не в том, что, лежа на лазаретной койке, Мокин еще раз погрозил кулаком продолжающему невозмутимо плыть в ночных небесах Юпитеру, а в том, что в это время Наташу искать было не нужно. Она ходила в музыкальную школу, стояла, сменяя мать, в очередях за керосином и занималась в пионерском астрономическом кружке.

В городе, куда эвакуировалась ее семья, было много госпиталей. И вполне возможно, что Мокин тогда не обратил внимания на тоненькую девчурку, выступавшую в самодеятельном концерте для раненых бойцов.

Впрочем, однажды Наташу искали. Она попала в милицию за то, что вместе с мальчишками перелезла через забор университетского сада. Нет, не воровать яблоки, а просто потому, что в этом большом, запущенном саду мальчики ставили ловушки для птиц и ей очень хотелось посмотреть, как это делается. Мать привела ее домой и молча положила на стол присланную с фронта фотографию отца.

Наташа, рассказывая об этом случае Мокину, признавалась, что это было самое стыдное в ее жизни. Здесь, пожалуй, надо упомянуть, что Наташа, никогда не носившая украшений, была растрогана, когда жених подарил ей часы.

В вагоне, разглядывая подарок, она сказала:

— Готовься к убытку. Забуду снять и выкупаюсь с ними в море.

Мокин утешал ее и смеялся, когда оно так и получилось. Он купил в этот день к ужину бутылку вина. Но, глядя, как Мокин вырезает стаканчик из груши, Наташа не стала дожидаться и сама сделала такой же. Они чокнулись. Жуя приторную, перезрелую грушу, Мокин вдруг ни к селу ни к городу сказал: «Элегантно» — и так почувствовал себя глупо и нехорошо, словно совершил нечто недозволенное.

Все-таки на следующий день он повел Наташу к тому старому причалу. Причала не было. За парусиновыми зонтами и кабинами пляжа виднелась вышка для прыжков, раскачивались мачты яхт, и радиорупор настойчиво повторял: «Синицина вызывают на старт. Начинаем заплыв на двести метров».

— Знаешь,— сказала Наташа,— мне твое прощание, или, как его там, расставание с холостяцким образом жизни начинает нравиться. Я где-то читала, что раньше на предсвадебные мальчишники приглашали цыган, и они пели грустные и страшные песни, вроде «Нелюдимо наше море...» Хочу, чтобы ты покатал меня на байдарке.

И она потащила растерянного и примолкшего Мокина к мосткам, где на ветру плясали разноцветные флажки и длилась, не затухала веселая возня купальщиков, солнца и волн.

Ночью, перед рассветом, Мокин проснулся, встал с постели и подошел к раскрытому окну. За ветками деревьев, в редеющей полутьме, слышались равномерные накаты прибоя. Низко над горизонтом в проеме облаков медленно плыла яркая и крупная звезда.

Мокин сел на подоконник, выкурил папиросу, потом еще и еще одну и все смотрел и раздумывал. Звезда стала таять в голубизне посветлевшего неба.

Мокину было жалко будить Наташу. Она испугалась спросонок, когда нежно и настойчиво муж стал трясти ее за плечо, и даже рассердилась, уразумев наконец, что он приглашает взглянуть на уходящий с небосклона Юпитер. Но спрыгнула все же с постели, завернулась в одеяло и подошла к окну.

— Смотри,— сказал Мокин,— вот мудрый свидетель моей ошибки. Он знает, что, возвращаясь к прошлому, в будущее не попадешь. Романтика потерпела крах.

— А она вовсе и не потерпела,— сказала Наташа.— Юпитер в этом году уходит за горизонт гораздо раньше. В наказание за твою безграмотность я скажу, как называется эта планета, только после купания. Одевайся. Твои тапки в моем чемодане.

Лабзин

Родственников в Москве у Ксении не было. Она остановилась в гостинице и за всю свою двухнедельную командировку являлась в свой номер только спать. Так много ходить по различным учреждениям, сидеть в приемных и беседовать с начальниками и их секретарями ей еще никогда не доводилось. Но наконец все было сделано. Необходимое оборудование для лаборатории зоотехникума приобретено, упаковано, отправлено к месту назначения, и Ксения, послав мужу победоносно-шутливую телеграмму, отправилась брать билет на самолет. Надо было бы побегать еще по магазинам, но она соскучилась о доме и решила больше не задерживаться ни на один день.

Поэтому, когда кассир сказал, что в Покровск из Москвы она может отбыть самолетом только через неделю, Ксения не знала, что и предпринять. Ехать поездом было вчетверо дольше. Кроме того, и здесь могли быть трудности с билетом.

Ругая себя за непредусмотрительность, Ксения вышла из касс «Аэрофлота» на сквер, села в тени памятника на скамью, и здесь-то ее увидел Лабзин.

Они вместе учились. Лабзин считался наиболее способным однокурсником Ксении, и у них, как она потом призналась своему мужу, едва не завязался роман.

«Не буду говорить надоевшее «люблю», но вы мне нравитесь. Понимаете? Нравитесь...» — мелькнуло в памяти Ксении, когда Лабзин с радостным изумлением схватил ее за руки, сказал: «Вот это да!»,— швырнул кепку оземь и сел рядом на скамью.

— Похорошела, нет, как похорошела! — заговорил он, продолжая держать ее руки.— Что? Собралась уже сегодня обратно в свои владения? Нет, это просто провинциальное одичание: быть в Москве две недели и ни разу не позвонить.

Лабзин сказал, что при его связях достать билет на самолет — пустяковое дело, но он посчитает кровной обидой, если Ксюша не зайдет к нему в гости, не проведет с ним хотя бы сегодняшний вечер.

В такси Ксения узнала, что вот уже второй год Лабзин занимает пост заместителя заведующего лекционным бюро, прилично зарабатывает, женился и только что переехал на новую квартиру.

— Ну, а как твой «вечный юноша»? Все такой же книгочей и враг несерьезных развлечений? Скучаешь?

— Конечно,— простодушно отозвалась Ксения.— Он так не хотел меня отпускать...

— Я так и думал,— сказал Лабзин.— Жаль, моя половина отбыла на курорт. Не то чтобы очень неудачная половина, но правильно сказано: самая большая ошибка, которую может сделать холостой человек,— это женитьба.

— Это как для кого,— неожиданно вмешался в разговор водитель.

— В этом вопросе, дорогой товарищ, мы разберемся как-нибудь без вашей помощи,— сказал Лабзин.

Ксению этот инцидент позабавил. Ей любопытно было узнать, в какой обстановке живет и работает Лабзин.

Дверь открыла домработница с морщинистым, строгим лицом. Она внимательно оглядела Ксению, но не поздоровалась и тут же ушла на кухню.

— Наша Маша,— пояснил Лабзин.— Неразговорчива, но предельно честна. Если хочешь ей понравиться, рассказывай что-нибудь о детях.

Ксения сразу же отметила, что в квартире несообразно много зеркал. Большие и маленькие, овальные и квадратные, настольные и вделанные в стены, они напоминали о парикмахерских, банях и купе международных вагонов. Вошедший в комнату человек раздваивался и расчетверялся в их плоскостях. Ксения вспомнила, что Лабзин объяснял ей когда-то сущность сюрреализма. Зеркала были тщательно протерты и отражали полировку мебели, лоск паркета и накрытые нейлоновыми салфетками приемник, телевизор, еще приемник и магнитофон. Картин не было. На низеньком, сделанном из красной меди столике стояла полуметровая фотография женщины в купальном костюме и закрутившийся штопором кактус.

Лабзин показал гостье спальню, ванную, оборудование кухни, содержимое платяных шкафов и только после этого спросил:

— Ну, как тебе нравится моя цитадель?

Ксении хотелось сказать, что за такой номер в гостинице берут очень большие деньги, но она, не желая обидеть хозяина, промолчала.

Лабзин запустил магнитофон — и за отхлынувшими волнами аплодисментов в комнату вошел веселый, понимающий толк в игрушках для взрослых людей Ив Монтан.

— Мы его слушали в Покровске по радио,— сказала Ксения.— Хороший артист.

— Не артист, а певец,— поправил ее Лабзин.

Монтан продолжал петь, и они немножко потанцевали.

— Скажи, а как это получилось, что ты стал работать в лекционном бюро? — спросила Ксения.— Старик Юрганов возлагал такие надежды на твои исследовательские способности, а ты, как бы он сказал, занялся лицедейством.

— Меня интересует проблема собственного долголетия,— усмехнулся Лабзин.— Заниматься биологией, препарируя лягушек и набивая чучела для музеев, по моему глубокому убеждению, сейчас могут лишь те, для кого вчерашний день существенней завтрашнего. Зарабатывать хлеб своим горбом — дело скучное. Сама знаешь, я прилежно горбился над микроскопом, но захотелось выпрямиться и после учения помочь учиться другим.

— Чай готов,— сказала, заглянув в комнату, Маша.— Здесь будете или на кухне?

— Здесь. Посуду достань из маленького шкафа,— приказал Лабзин.— Бумажных салфеток не подавай.

Ксении все время хотелось напомнить Лабзину, что он обещал позвонить кому-то из своих знакомых насчет самолета, но ее не покидало ощущение, что в доме, куда она пришла, за все надо платить.

«Я дура,— думала она.— Вот он снова сейчас возьмет меня за руки, полезет целоваться, и что тогда делать?..»

— Ты сегодня сделала мне подарок,— вдруг сказал Лабзин.— Знаю, о чем думаешь, обижая и себя и меня. Подарок — это твое доверие,— пояснил он.— Но я же сказал, что не хочу быть горбатым. Выпрямиться — значит иметь свободу для высоких чувств. Они, к сожалению, понятны не всем. Я не одинок. У меня и у моей жены много друзей, но большинство из них совершенно превратно истолковали бы мой поступок, узнав, что я пригласил к себе хорошенькую молодую женщину, провел с ней вечер и предложил остаться ночевать только из желания чувствовать, что я не раб условностей и предрассудков.

— Как — ночевать? — думая, что она ослышалась, переспросила Ксения.

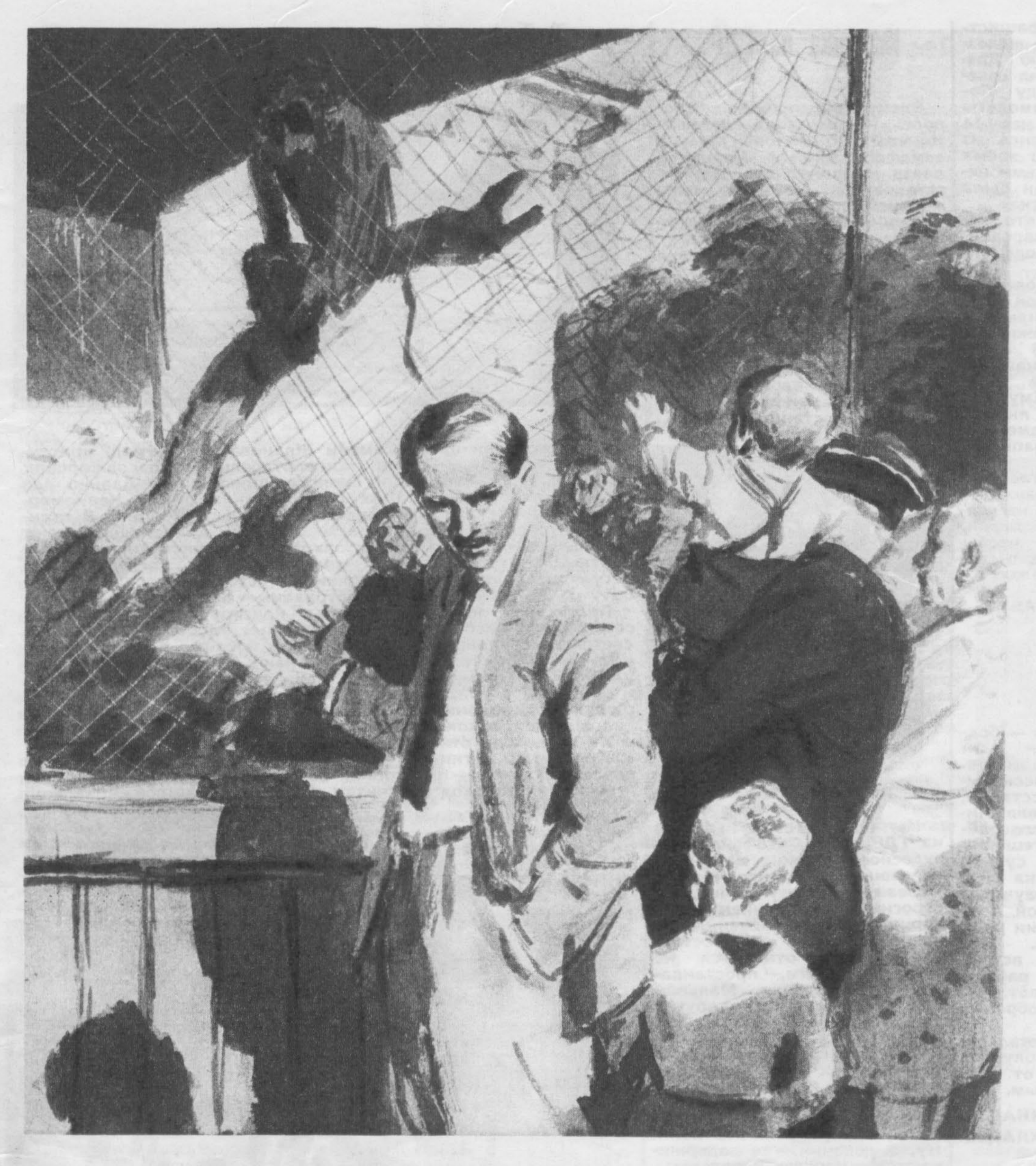
— А так. Сейчас я позвоню и все устрою с твоим билетом. Есть парень, который мне кое-чем обязан. Он все сделает, и завтра билет принесут ко мне на квартиру. Зачем тебе возвращаться в гостиницу? Маша постелит на кушетке, и мы, если это тебе не скучно, будем болтать хоть до утра.

Лабзин пошел к телефону.

— Слушайте, вызовите для меня такси, никакого билета не надо. Я от тебя... от вас этого не ожидала,— совсем уже в растерянности сказала Ксения.

И со спокойной деловитостью, набирая номер, Лабзин согласился:

— Ну что ж, пусть будет такси. Я же говорю: твоя доверчивость и непосредственность — для меня подарок,— сказал он, возвращаясь к столу.— Неужели ты думаешь, что я всерьез предложил бы тебе остаться у меня ночевать? Да моя строгая Маша,— кивнул он в сторону вошедшей домработницы,— тут же взяла бы расчет, если бы шутка зашла

И, как бы подтверждая ее размышления, Лабзин сказал:

— Говорят, лень — мать всех пороков. Это верно. Но, кроме сыновей, существуют еще и пасынки. Я, например, могу пенять только на свою мачеху. Это не лень, а нерешительность. Здорово кто-то написал:

Подумаешь, великая заслуга —
Смотреть вослед большому кораблю,
На пристани стоять с женою друга,
Любить ее и не сказать: люблю...

Вот я вчера хвастался тебе своей благоустроенностью, разыгрывая добропорядочного семьянина и знатока искусств. А все оттого, что не хватало смелости быть таким, как есть. Ты знаешь, я ведь и женился только потому, что после твоего отъезда мне уже стало не на что надеяться. Не решился вовремя признаться тебе в любви, не решился бороться за свое счастье и смеялся там, где надо бы плакать.

И, помолчав, Лабзин твердо сказал:

— Слушай, поедем сейчас ко мне...

Готовый ко всякому, он выпустил руку Ксении и даже немного отстранился от нее. Но Ксюша потупилась и с простотой, от которой у Лабзина екнуло сердце, сказала:

— Мне надо взять в гостинице вещи, и, кроме того, я должна привезти тебе деньги за билет.

— Какие там деньги! — засуетился Лабзин.— Нет, ты просто прелесть.— И, спохватившись, почтительно поцеловал у Ксении руку, шепнув: — Милая, дорогая...

— Я съезжу за вещами,— сказала Ксения, когда они вышли из зоопарка.

Лабзин помчался домой, а Ксения отправилась в ближайшее почтовое отделение. У нее была хорошая зрительная память, и улица, номера дома и квартиры Лабзина на денежном переводе были написаны точно.

Взяв в гостинице вещи, Ксюша поехала прямо на аэродром. Она сдала чемодан на хранение, узнала, что недалеко от аэродрома есть водная станция. Выкупалась, покаталась на лодке, пошла в кино, и еще один не предусмотренный в командировке день прошел незаметно.

Когда она заняла свое место в самолете и за стеклом иллюминатора поплыли, сливаясь со звездным небом, ночные огни московских окраин, Лабзин со своими двумя приятелями сидел за столиком ресторана.

— Нет, какова провинциалка,— весело говорил он.— Так провести меня за нос еще не умудрялся никто. Птичка оказалась совсем не той породы, что я предполагал.

— Ну, а как же насчет денег? — спросил приятель.— Неужели не вернет?

— Вернет,— сказал Лабзин,— вернет. В этом не сомневаюсь. Я был бы счастлив, если бы не вернула.— И уже со злостью добавил: — Маленькая, но тварь...

В эту ночь в удобном, откидном кресле самолета Ксения крепко спала и не видела никаких снов.

Она не видела поляны зоопарка, где отдельно от других помещений стоял обтянутый крупноячейковой проволочной сеткой павильон. Там был небольшой бетонный бассейн и на груде камней, в массивных и совершенных по своей округлости и гладкости изгибах, покоился шестиметровый питон. И днем, когда на него приходили глазеть посетители зоопарка, и сейчас, ночью, в одиночестве, он не шевелился, и только его плоская и твердая, как долото, голова с точностью заведенного механизма двигалась, тычась в проволочные ячейки ограждения. Ячейки были одинакового размера. Ни больше, ни меньше, одна к одной. Но питон как бы прощупывал стенку, ища слабое, наиболее податливое место для удара и прорыва в исчезнувшие и невозвратимые джунгли. Он приникал к сетке бронированной головой и высовывал тонкий раздвоенный черный язык.

Однажды какой-то смелый мальчишка подставил к сетке ладонь, но, ощутив нежное, холодное прикосновение, тут же отдернул руку.

И утром, и днем, и вечером, и ночью питон продолжал свою работу. Как маятник, как метроном.

Ксения этого не видела. И, как уже сказано, провела ночь в пути хорошо.

слишком далеко. Верно я говорю, Маша, ты бы не захотела остаться в доме, где муж изменяет своей жене?

— А к чему вы это говорите? — сказала Маша.— Моим характером хвастать не след. За свой отвечайте. А кому отсюда надо уходить, должны понимать сами.

Она внимательно посмотрела на Ксению и добавила:

— На кухне-то у меня, голубушка, он бы говорить такое не посмел.

— Целина,— сказал Лабзин, когда Маша ушла.— Добротная, неиспорченная целина. Обиделась, что мы чаевничали не с нею вместе.

Лабзин подарил Ксении написанную им в соавторстве с известным зоологом брошюру о фауне Подмосковья, проводил гостью до машины и сказал, что о билете Ксюша не должна беспокоиться.

— Раз обещал — сделаю, значит, сделаю...

Утром Ксению разбудили настойчивые телефонные звонки. Она поняла, что это Лабзин, и накрыла аппарат подушкой. Вчерашний день был так странен и неприятен, что она не хотела о нем и вспоминать. Надо было спешить на вокзал. Ксения наскоро собрала чемодан, умылась и, чувствуя, что к ней опять возвращается хорошее настроение, отправилась к администратору выполнить необходимые формальности выписки из гостиницы. Ей пожелали счастливого пути. Она пошла взять вещи и, распахнув дверь номера, увидела, что у стола сидит и курит Лабзин.

— Все в порядке,— сказал он.— Вечером можем прощаться. Самолет уходит в одиннадцать тридцать. А сейчас едем смотреть зверушек.— И, говоря о том, что это не просто прогулка, а необходимое для специалиста пополнение знаний, повез Ксению в зоопарк.

День был жаркий. Звери в клетках и вольерах трудно и тяжело дышали. Равнодушная их сонливость и дрема интересовали лишь одиночных посетителей. Зато возле острова и бассейнов, где бухались в воду и блаженствовали белые медвежата и, обволакиваясь воздушными пузырьками, нырял, переворачиваясь с брюха на спину, тюлень, густо толпилась детвора.

Ксения купила булку и стала бросать куски медвежатам, хохоча вместе с детьми, когда мохнатый купальщик отплевывался и мотал головой, набрав полную пасть воды.

Лабзин курил и молчал. Он оживился, объясняя Ксении повадки обезьян.

В большом, затянутом проволочной сеткой вольере восседал на сухом дереве сумрачный собакорылый гамадрил и выискивал у себя на животе блох.

— Притворяется, делает вид, что ему все безразлично,— сказал Лабзин.— Но вот сделаем опыт: возьмем и бросим конфетку. Смотри, что сейчас получится.

К ловко брошенному Лабзиным леденцу кинулось несколько молодых обезьян. Гамадрил не пошевельнулся, только наклонил голову и посмотрел на них так, словно у него на носу были очки. Затем степенно спустился с дерева, завладел леденцом, лег на спину, и обиженная им обезьяна стала обирать с него блох.

— Вот как надо жить,— засмеялся Лабзин,— а мы все что-то изобретаем...

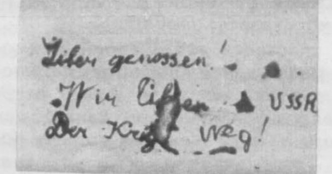
— Если нравится, поменяйтесь местами, а девушку нам,— отозвался рядом стоявший паренек.— Устроит?

Лабзин не ответил. Взяв Ксению под руку, он повел ее дальше, сетуя, что в зоопарке нет милицейского поста и животные часто страдают от выходок пьяных.

«Он, в сущности, неплохой, но сбившийся с дороги человек,— думала Ксения.— Что-то ищет, выдумывает и не хочет сознаться в своей неустроенности. Уступчив. А уступчивые люди редко бывают злыми...»

Кто автор этой записки?

По заданию Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны автор этих строк изучал материалы военного времени. В одной из папок я обнаружил маленькую измятую записку на немецком языке. Черным карандашом, торопливым почерком на ней были написаны следующие строки: «Дорогие товарищи! Мы любим СССР. Долой войну!»

...3 июля 1941 года фашистская авиация бомбила железнодорожную станцию Дретунь, что находится на севере Белоруссии, между Полоцком и Невелем. Самолеты врага сбросили на нее 14 авиабомб, но взорвались из них только шесть. Во время осмотра одной из восьми неразорвавшихся бомб и была обнаружена эта записка.

Стало очевидным, что написали ее люди, обезвредившие авиабомбу на заводе или аэродроме.

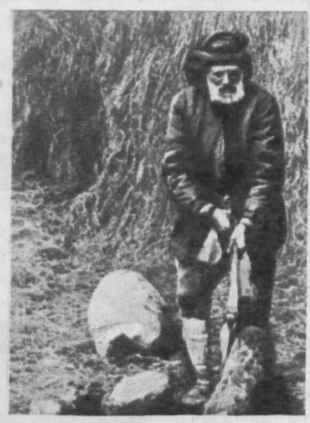
Совсем недавно довелось встретить очевидца той бомбежки. Александр Васильевич Коршунов, ныне проживающий в Полоцке, 3 июля 1941 года находился как раз в том месте, которое подвергалось бомбежке. Ему, как и многим другим людям, жизнь сохранили немецкие товарищи — авторы записки. Но кто они?

Возможно, мужественные подпольщики - антифашисты живы и им попадутся на глаза эти строки и фотография. Очень хотелось бы, чтобы они рассказали о себе, о своих патриотических делах.

Е. ГАБЕЦ

Минск.

Колхознику 116 лет

Завара Джегешовича Салуквадзе мы застали дома; он колол дрова. Мы невольно удивились: ведь ему сто шестнадцать лет!

Завар Джегешович — бодрый, крепкий старик. Он помнит события давно минувших дней, живо рассказывает о гурийском восстании, об истории своего села Лихаури, Махарадзевского района. Здесь Завар Джегешович работал старостой и судьей на протяжении сорока лет. Салуквадзе помогал научным работникам Грузинской Академии наук в уточнении ряда исторических фактов.

Завар Джегешович встает с зарей, выполняет работы по дому, днем отдыхает. Питается он главным образом мамалыгой.

В колхозе он работал до 1957 года, а сейчас получает пенсию и обеспечен от колхоза всем необходимым.

Г. КОГАН, Р. ЧИЧИНАДЗЕ, К. ЦЕЦХЛАДЗЕ.

село Лихаури, Махарадзевского района, Грузинской ССР.

2 812 граммов

На прииске «Широкий», Сусуманского района, Магаданской области, найден самородок золота весом 2 килограмма 812 граммов. Самородок нашли комсомольцы молодежной бригады Виктора Фуфлыгина, приехавшего по комсомольской путевке из Москвы.

Магадан.

Фото М. Лифшица.

КУРОРТ НА ОЗЕРЕ ДЖАСЫ-БАЙ

Живописно озеро Джасы-бай. В его чистых, прозрачных водах отражается голубое небо. На берегах — гранитные скалы причудливой формы, глубокие пещеры, сосны. Этот живописный уголок называют «Казахской Швейцарией». Здесь размещены дома отдыха, пионерлагери, а в этом году будет строиться санаторий для шахтеров Экибастуза.

Павлодар.

А. СИНЕЛЬЩИКОВА

Игрушка из ГДР

Электровоз набирал скорость, — предстоял подъем. Но что это? Цветовой сигнал, семафор, закрыт. Медленно поезд сбавляет ход, сейчас остановится. А мимо него молнией промелькнул пассажирский состав, и уже приветливо мигнул впереди огонек — путь свободен. И вновь мчится поезд, то взбираясь на гору, то скрываясь в тоннеле, чаще леса или искусно лавируя в сложном переплетении рельсов большого железнодорожного узла. Смотришь на игрушку, и кажется, что все это наблюдаешь с высоты, с самолета, а внизу— крошечные станции, поезда...

Мы на выставке игрушек из ГДР, и то, что видели,— чудесное творение мастеров, сделавших электрическую железную дорогу точно, со строгим соблюдением пропорций, ритма движения. Те из посетителей, кто постарше,— а это относится не только к детям,— простаивают здесь подолгу. Малыши же устремляются в другие залы. Мальчики — туда, где высоко под потолок взвились вертолеты, где собраны автомобили всех видов, цветов и назначения, где работают без отдыха самосвалы и подъемные краны, скользят легкие яхты, скачут сильные кони. Ну, а девочки — те задерживаются в царстве кукол...

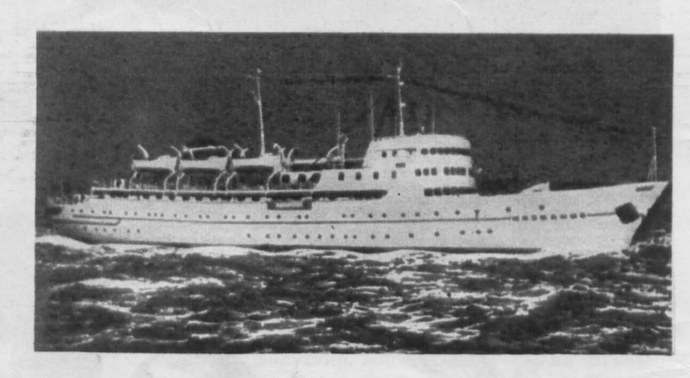
«Дорогие немецкие друзья! — пишет в книге отзывов третьеклассница Вера из 693-й московской школы.— Мне ваши игрушки очень понравились. У нас тоже есть хорошие игрушки. Давайте всегда дружить и играть одними игрушками».

В этих простых словах девочка выразила мысль, с которой уходишь с выставки: хорошо, когда игрушки воспитывают в детях стремление к труду, красоте, к миру и дружбе.

И. СЕМЕНОВА

Фото Г. Санько.

Морские экспрессы

Судостроители завода имени Жданова (Ленинград) приступили к постройке серии комфортабельных пассажирских морских теплоходов. Они сконструированы специально для экспрессных пассажирских и туристских линий Черноморского, Каспийского пароходства и Дальнего Востока. В отличие от существующих новые морские теплоходы имеют небольшую осадку и смогут заходить в мелководные речные порты. Это позволит морским экспрессам курсировать на регулярных пассажирских линиях Ростов — Одесса, Ростов — Батуми, Астрахань — Баку, Астрахань — Красноводск.

Проектируя новые теплоходы, конструкторы стремились создать для пассажиров максимальные удобства. Все каюты светлые, расположены они вдоль бортов, иллюминаторы и окна широкие. Большинство кают двухместные. В них удобная мебель, мягкие постели, умывальники с горячей и холодной водой. Компрессорная установка снабжает помещения кондиционированным воздухом: в жаркое время он охлаждается, в холодное подогревается.

На теплоходе открытые и закрытые веранды, салон отдыха, ресторан, летний буфет, бытовые мастерские. На втором ярусе надстроек — просторная остекленная веранда.

Каждый теплоход рассчитан на 250 пассажиров.

К. ЧЕРЕВКОВ

Выставочный павильон в Киеве

В Киеве открылся новый выставочный павильон. Он построен в центре города, близ Крещатика, на улице Октябрьской революции.

В просторных, светлых залах со стеклянными потолками сейчас экспонируются работы советских художников и скульпторов, выполненные в 1955—1957 годах.

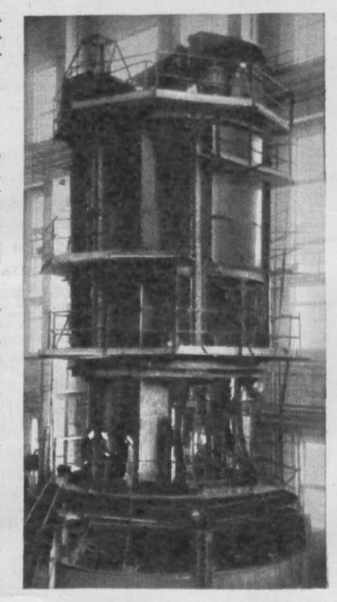
В. ШУМОВ

Фото Я. Табаровского.

В далекие края к

Завод бурит землю

Агрегат, который вы видите на снимке, стоит в новоэкскаваторном цехе Уралмашзавода. Почти под самую крышу уходит его вершина. Снизу совсем маленькими кажутся люди, работающие на верхнем этаже.

По узкой крутой лестнице подымаемся на второй этаж. Здесь сердце машины, центральный пульт управления — небольшая, залитая светом площадка со множеством различных рычагов и кнопок.

Резкий продолжительный звонок предупреждает о начале работы. Легким нажимом кнопки запущен мощный двигатель. Пришли в движение большие режущие диски, вгрызаясь в крепкую породу. Огромная башня высотой в пятиэтажный дом задрожала, вот-вот готовая медленно погрузиться в землю...

Это завершаются заводские испытания агрегата «ПД-1м», предназначенного для проходки вертикальных стволов шахт.

Главный конструктор, инженер института «Гипрошахтостроймаш» М. А. Щеголевский рассказывает:

— Такой машины нет еще нигде в мире. Она ликвидирует тяжелый ручной труд проходчика, механизирует все работы по сооружению шахтных стволов — от выемки породы до облицовки.

Ведь до сих пор проходчики работают в громоздкой резиновой спецодежде, предохраняющей их от подземных вод, в узком стволе шахты, на глубине в несколько сот метров. А на нашем агрегате они находятся в светлых помещениях у пультов и управляют сложнейшими механизмами; нажимая кнопки и рычаги, приводят в движение мощные резцы, скалывающие породу, вертикальные элеваторы и скипы для подачи ее на поверхность. Механизмы производят откачку подземных вод, подачу воздуха, крепление пройденного участка ствола железобетонными тюбингами...

Наш проходческий агрегат — это, по существу, небольшой завод. Высота его около восемнадцати метров, вес — сто тридцать пять тонн, а состоит он из двадцати четырех тысяч деталей. Несмотря на большие размеры и сложное оборудование, агрегат весьма прост в управлении. Его обслуживают всего восемь человек.

Как показывают расчеты, агрегат способен проходить обычный шахтный ствол диаметром в 7,3 метра со скоростью 0,4 метра в час. Немногим более чем за полгода наша многоэтажная башня, подвешенная на стальных канатах, может спуститься на глубину в тысячу метров, выбросив предварительно на поверхность более ста тысяч тонн породы. Это превышает существующую сейчас среднюю скорость проходки вертикальных стволов в пять — шесть раз.

— Когда начнется промышленная эксплуатация нового агрегата? — спросили мы.

— В цехе, — говорит М. Щеголевский,— машина установлена на особом стенде, который представляет собой искусственный забой из сцементированных кусков крепкой горной породы. Заводские испытания, максимально приближенные к условиям работы в стволе, проходят успешно. В то же время в Караганде на шахте Саранская № 122 ведется подготовка к приемке этого уникального агрегата: завершено строительство копра, подъемных машин и лебедок электростанции, котельной, железнодорожных путей, шоссейной дороги, складских помещений, административных и жилых зданий...

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото И. Тюфякова.

большой жизни

Кто первый подал мысль о поездке, сейчас юноши и девушки уже не помнят. Это было еще в девятом классе, когда впервые перед ними встал серьезный вопрос о будущем. Вначале были отдельные разговоры, потом коллективные обсуждения, а порой и семейные споры. После XIII съезда комсомола окончательно пришло твердое, согласованное с родителями решение: пятнадцать выпускников 509-й школы Пролетарского района столицы начнут свою самостоятельную жизнь на стройках Сибири.

И еще одно важное решение принято: учились и дружили сообща, работать и жить на первых порах тоже вместе. Поехать спаянным товариществом на одно строительство, жить коммуной. От родителей помощи не просить и не брать. Добросовестно и дружно работать, учиться в вечерних институтах.

Вместе с ребятами захотел поехать и учитель истории Олег Константинович Рынков. Включился в их группу и несколько ранее окончивший эту школу, ныне слесарь на ЗИЛе Николай Герасимов.

Добрые примеры заразительны. Патриотический почин молодежи 509-й школы нашел живой отклик в других школах Пролетарского района. Много юношей и девушек, получающих в этом году среднее образование, намерены работать и жить на новостройках Дальнего Востока и Сибири. На этом пути пожелаем им удачи.

←
Выпускники 509-й школы.
Фото М. Фридлянда и И. Снегирева.

Музей закарпатских лесорубов

Интересный музей создали лесорубы-гуцулы в поселке Великий Бычков, Закарпатской области. Множество документов и фотографий, заботливо собранных местными жителями, рассказывает о революционной борьбе трудящихся Закарпатья в годы владычества иностранной буржуазии и об их мирном творческом труде в наши дни.

Вот снимок, изображающий добровольцев венгерской Красной Армии в 1919 году, когда в Венгрии несколько месяцев существовала Советская власть. Коммунисты В. Морашан, М. Ухаль и М. Дидерчук, сражавшиеся в те годы в рядах Мармарошской дивизии, теперь пенсионеры — жители Великого Бычкова.

На другой фотографии — закарпатская делегация на IV съезде компартии Чехословакии (1927 год). Среди делегатов есть и лесорубы-великобычковцы.

Нельзя без волнения читать пожелтевшие газеты тех далеких лет. Внимание посетителей привлекает номер «Бычковской искры», которая подпольно выпускалась местными комсомольцами. На последней странице он подписан так:

«Редактирует: Революционная сознательность.

Издает: Большевистская боеспособность.

Распространяет: Пролетарская смелость».

В газетах описываются столкновение забастовщиков с жандармами, митинги протеста.

О несгибаемом мужестве и воле к победе рассказывает предсмертное письмо Алексея Борканюка — члена подпольного Закарпатского обкома компартии, погибшего в октябре 1942 года:

«Знаю, что наше дело справедливое и победа будет наша. Народ меня не забудет».

Да, не забыл народ смелого революционера. А. Борканюку воздвигнуты памятники в его родных Ясинях и неподалеку от музея в Великом Бычкове.

Содержателен и раздел музея, посвященный современности. Подробно показана применяемая лесорубами новая техника, которой не было прежде в этих краях: электропилы, трелевочные тракторы, передвижные электростанции.

Посетитель музея знакомится с культурными учреждениями поселка: больницей и родильным домом, школами, библиотекой, клубом, филиалом музыкального училища.

В. БАБИЙ

Заведующий музеем старый коммунист товарищ Черногорский знакомит молодежь с революционным прошлым поселка Великий Бычков.

«Огонек» отвечает

Студенты работают с изотопами

«Я окончил Тимирязевскую академию в 1954 году, и мне очень хочется знать о жизни Тимирязевки сегодня...»

В. РЫЛЕВ, Вязовицкая МТС, Липецкой области.

Четыре года для академии, приближающейся к столетнему юбилею, конечно, срок небольшой. Но и за это время произошло в ней немало событий. Хотя во внешнем облике, как говорят старожилы, ничего не изменилось, зато повзрослели, стали солиднее сами студенты. Теперь при поступлении в академию отдается преимущество не юнцам со школьной скамьи, а практикам, умудренным опытом работы на полях и фермах.

Еще больше стало в академии студентов из-за рубежа. В русскую речь то и дело вплетаются чешские, китайские, английские слова... Здесь не только получают высшее агрономическое образование молодые люди из других стран. Сюда приезжают на семинары и курсы опытные работники сельского хозяйства.

Весной профессор Г. М. Лоза вручил значки академии группе чешских и югославских ученых и специалистов, прошедших двухмесячные курсы в радиоизотопной лаборатории.

«Радиоизотопная лаборатория»! Когда вы учились, товарищ Рылев, ее еще не было. Не существовала она и год назад. Это самая молодая лаборатория в академии.

Вам, конечно, захочется узнать, где она находится и что собой представляет. Вспомните полукружие химического корпуса. Пройдите мысленно в вестибюль и спуститесь по лестнице вниз, направо. Вы окажетесь перед закрытой дверью с черной кнопкой звонка и красной лампочкой наверху. Нажмите эту кнопку, и женщина в белом халате впустит вас. Думаете, в комнату? Нет, в коридор. Эта лаборатория состоит из множества комнат и кабинетов, входить туда разрешается только в белоснежных халатах и шапочке, а кое-куда в перчатках, нарукавниках, очках, респираторе...

Радиоактивные вещества стали могучим «инструментом» исследователя-агрохимика. С их помощью можно проследить пути-дороги фосфора, углерода, азота или серы в растениях и почве.

Но обращаться с радиоизотопами надо очень осторожно. И организаторы лаборатории во главе с Ф. П. Платоновым и С. П. Целищевым тщательно продумали технику безопасности.

В лаборатории будут заниматься сотни студентов и научные сотрудники. При такой массовой «пропускной способности» очень легко не заметить потери радиоактивного вещества. Десятки приборов — стационарные и переносные, подчас миниатюрные, размером с автоматическую ручку — непрерывно контролируют степень чистоты воздуха и предметов обстановки. В комнатах почти нет дерева, к которому прилипает пыль. Индивидуальные боксы с защитными экранами для работы студентов выполнены из толстого стекла, нержавеющей стали, плексигласа. Они легко моются и очищаются.

Особенно тщательно оборудованы радиохимические комнаты. Здесь студенты под руководством преподавателей определяют количество радиоактивного вещества в растениях. В специальных кюветах — высушенные листья, стебли, корни, семена. Манипулировать с ними можно в боксах через специальные окна в толстом стекле, в защитных перчатках.

Результаты опыта учитываются в радиометрической. Здесь имеются точнейшие приборы, многие из которых сконструированы и построены в мастерских академии. На снимке, который сделан в лаборатории, вы видите физиологическую комнату. Лаборантки «питают» всходы овса радиоактивным раствором...

Г. ВЛАДИМИРОВА

Фото О. Кнорринга.

С УТРА И ДО ВЕЧЕРА

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Мы в Брюсселе, на станции Экспо. Выходим на площадь. Народу много: бельгийцы, англичане, французы, немцы.

Прежде всего надо заглянуть в путеводитель, чтобы решить, с чего начать осмотр Всемирной выставки. Как-никак, а в парке Хейсель сто пятьдесят павильонов.

Кроме павильонов, представляющих пятьдесят четыре страны, есть еще так называемые отраслевые, в которых страны демонстрируют свои достижения в отдельных областях: энергетике, металлургии, добыче нефти, транспорте.

Вот один из таких павильонов. По форме он напоминает большой открытый ангар. Старинная брюссельская конка, громыхавшая в 1868 году по улицам города, выставлена рядом с современным бесшумным трамваем. Рядом со старомодно одетым манекеном, важно восседающим на первом велосипеде с огромными колесами, лихо мчится облаченная в полубрючки девица (тоже манекен), положив руки на руль мотороллера новейшей конструкции. Игрушечным змеем выглядит на фотографии первый самолет по соседству со спортивным реактивным самолетом.

Но пойдем дальше. Вы видите остов будущего павильона. Вот так строят в наши дни. Несколько металлических распорок, тросы и проволока. Потом все это одевается бетоном, стеклом — и павильон готов.

Оригинальны по конструкции павильоны электричества, металлургии.

Есть здания, которые опираются всего на несколько точек. Таков бельгийский павильон «Гражданское строительство», он напоминает огромное насекомое, присевшее на четырех лапах,— это все, что связывает здание с землей. Восьмидесятиметровая стрела, словно хобот, задрана к небу. Под ней на высоте тридцати метров проходит мостик без единой точки опоры. Лишь тонкие стальные нити, связывающие его с «хоботом-стрелой», свидетельствуют о том, что мостик все же к чему-то подвешен.

Отдел Бельгии состоит из 22 павильонов. Здесь демонстрируются достижения страны в области промышленности, культуры, предметов домашнего обихода, продовольственные товары.

В павильоне Бельгийского Конго и Руанда-Урунди — тропические сады, растения привезены с экватора. Почва, в которую они здесь высажены, нагрета, и это позволяет сохранить зелень и краски. Глядя через стекло, вы любуетесь прелестью джунглей.

За стеклами большого размера, на стендах, изображающих современную хижину туземца, возле стола сидит африканка. Группа гимназисток с шумным восторгом фотографируется на фоне живых «экспонатов». Девушки расселись среди одетых в пестрые национальные костюмы африканок.

Темно и чрезмерно торжественно в зале, посвященном истории британской королевской семьи. Посетители едва различают друг друга. Но в тех залах, где демонстрируются достижения английской науки и техники, все пронизано светом, полно оживлением. Здесь выставлен макет электростанции и реактора, которые будут работать, используя силу морского прибоя.

Знакомая русская речь. Достаточно беглого взгляда, чтобы узнать в этих людях советских туристов. Они живо интересуются всем. Заглядывают, что называется, в души машин и механизмов, берут предлагаемые им справочники и проспекты. Наши инженеры дают высокую оценку достижениям английской индустрии.

Рядом с ультрасовременными зданиями стоит сделанный целиком из дерева и пахнущий лесом павильон Финляндии, в котором представлены чудесные изделия, изготовляемые из древесины.

Вас заинтересовала турбина гигантских размеров, выставленная у входа в павильон Чехословацкой Республики? Она будет работать в зале электростанции «Орлик», строящейся сейчас на реке Влтаве. Минуя мозаичное панно из цветного стекла, повествующее о жизни в социалистической Чехословакии, мы подошли к макету сооружаемой электростанции. Она расположена рядом с огромным бетатроном, при помощи которого контролируются действия крупных деталей машин. А дальше, за станками, которыми славится чехословацкая индустрия, разместились изделия из хрусталя. Красочный фонтан из чешского стекла заставляет посетителей подолгу любоваться им.

В павильоне Венгерской Народной Республики — точнейшие приборы, станки, промышленное оборудование. Скульптура, изделия легкой промышленности, образцы народного творчества!

Время обеденное. Задушевные звуки мадьярской скрипки плывут в переполненном зале ресторана при венгерском павильоне. Уставшие посетители подкрепляются паприкашем, ласковым венгерским вином.

У модели атомного ледокола «Ленин».

Семьдесят ресторанов, не считая несметного числа баров и кафе, работают на выставке.

...Мы входим в советский павильон. Люди, знакомые с достижениями советской науки и культуры, непосредственные создатели того, что родилось в нашей стране, готовившие экспонаты этого павильона, многое воспринимают как естественное, и огромное чувство гордости переполняет их сердца. Но проследим за иностранцами, очутившимися под гигантскими сводами советского павильона.

До слуха посетителей доносятся сигналы, так надолго запомнившиеся миру, которые слышатся на фоне раздольной русской песни. Это сигналы, которые передает искусственный спутник.

За границей долго не верили, что у нас есть межконтинентальные ракеты; обывателя усиленно убеждали в этом, пока он не услыхал из космоса звучавшее на весь мир «бип-бип».

Большинству посетителей буржуазная пропаганда внушала, что у нас есть один самолет «ТУ», который возит правительственные делегации и артистов в разные страны. А в Брюсселе они видят не только модели различных пассажирских самолетов конструкции Туполева, Ильюшина и Антонова, но и слышат в небе шум моторов, когда совершают взлеты или посадки регулярно курсирующие самолеты «ТУ-104» с чехословацкими флажками на хвосте.

Обыватель считал, что автомобили делают Америка, Франция, Англия, ФРГ или Италия. Но тут перед ним «ЗИЛ», «Чайка», «Волга», «Москвич». Про русских говорят, что они не верят глазам, но здешние посетители, не щадя себя, лезут под машины, трогают подвеску, щупают амортизаторы.

Подолгу стоят люди возле модели синхрофазотрона. Они рассматривают модель атомного ледокола «Ленин» и уже не удивляются, когда узнают, что он спущен на воду.

Вот посетитель присаживается отдохнуть в уютном телевизионном ателье, и на экранах превосходных телевизоров ему открывается наша полнокровная советская жизнь. Изображения гигантских заводов сменяет необозримая ширь целинных полей, по которой движутся совершеннейшие сельскохозяйственные машины. И посетитель убеждается, что виденные им на улице, возле павильона, машины не выставочные экземпляры.

Дамы с восторгом разглядывают наши ткани, но они же подолгу наблюдают и за работой советских автоматических станков.

Обилие интереснейших экспонатов — это зеркало нашей жизни — приводит иностранца сперва в недоумение, потом поглощает все его внимание и, наконец, вызывает чувство восторга.

Вот почему большинство зарубежных газет, готовых всегда порицать все «советское», примолкло. Они почти не пишут о нашем павильоне. Слишком глупо было бы врать сейчас, когда десятки тысяч человек ежедневно покидают наш павильон, переполненные чувствами глубокого удовлетворения.

Что же остается? Молчать. Но не молчат экспонаты.

Робко озираясь по сторонам, поглаживают ворс наших мехов католические монашки. Заломив на затылок шляпу, прильнул к окуляру новейшего оптического прибора бизнесмен. Восторженный отзыв оставляет в книге домашняя хозяйка. Третий час путешествует по разделу науки седой профессор. В неописуемый восторг приходят дети, видя действующие модели шагающего экскаватора и электровоза, сделанные их сверстниками — учениками ремесленного училища на Урале.

Наступает вечер. Засветились на аллее позолоченные деревья, завертелись карусели в Луна-парке, слышатся истошные вопли с американских горок, которые, кстати, называют здесь русскими горками.

Хороша выставка и в эти вечерние часы.

Брюссель.

На выставке в Брюсселе

Ночью на центральной площади выставки.

Фото А. НОВИКОВА.

→ На конечной станции подвесной канатной дороги.

Советский павильон. Посетители знакомятся с газетой «Спутник».

Бельгийцы на выставке.

Зимний сад в павильоне Конго.

Вечером. Фонтаны у главного входа.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

5. НА СОБСТВЕННОЙ МОГИЛЕ

Пусть не посетуют на меня за то, что я почти ничего не говорю о тех грозных событиях, которые потрясали тогда весь мир. Я хочу описать всего лишь один эпизод в цепи многих событий того времени, описать так, как он сохранился в моей памяти.

Проводив Янковскую после того, как она призналась мне в убийстве Блейка, я долго раздумывал о причинах, побудивших ее убить своего любовника...

Почему она его застрелила?

Десятки раз задавал я себе этот вопрос, каждый раз отвечая на него по-другому и каждый раз тут же отвергая свое предложение.

Ревность? Ревность такой женщины, как Янковская, была бы, несомненно, жестоким и опасным чувством. Но я не допускал мысли, что кто-нибудь способен возбудить ее ревность, для этого она была слишком холодна и расчетлива...

Возмездие?.. Кому и за что? Янковская была слишком беспринципна, чтобы карать за измену каким-либо принципам, и достаточно цинична, чтобы не изображать из себя Немезиду...

Расчет? Но какой был ей расчет убивать Блейка, если даже пришлось прибегнуть к моей помощи, чтобы создать иллюзию того, что он жив?..

Я создавал гипотезу за гипотезой и столь же решительно их отвергал...

Наступило утро. Еще одно невыносимое для меня утро. Вынужденное безделье, тягостное ожидание...

Надо представить себе человека в моем положении, чтобы понять, как сложно оно было!

Я очутился в тылу врага. Придя в себя после болезни, вызванной опасным и тяжелым ранением, я вынужден был играть роль английского разведчика, навязанную мне особой, которая одновременно являлась и моим убийцей и спасительницей. Эта особа выдавала меня за убитого ею резидента английской разведки, и немцы поэтому оставляли меня в покое. Мне же приходилось играть эту роль потому, что немцы незамедлительно меня уничтожили бы, узнай они, кем я являюсь на самом деле.

Однако главное заключалось не в сохранении жизни, а в том, чтобы принять участие в происходящей борьбе и принести наибольшую пользу родине. С одной стороны, я очутился в очень выгодном положении, находясь среди врагов и принимаемый ими не за того, кем я был в действительности. С другой стороны, я был один, а в одиночестве бороться, как известно, неизмеримо труднее. Что же делать в этих условиях? Целесообразнее всего связаться с нашей разведкой, но это просто невозможно. Хорошо связаться с коммунистическим подпольем, в Риге наверняка действовали незримые народные силы, но они тоже для меня недоступны. Проще всего попытаться перебежать к своим, перейти линию фронта, но и для этого требовались величайшая предусмотрительность и осторожность. Можно не сомневаться, что хотя меня и оставляют в покое, но из виду, конечно, не теряют.

В поисках возможностей установить какие-либо связи и определить свое место в происходящей борьбе я пошел даже на безрассудный шаг и отправился на свою старую квартиру. Цеплис не мог не быть связан с антифашистским подпольем, такие люди никогда не уклонялись от выполнения своего долга. Безрассудным мое намерение было потому, что я мог привлечь внимание к нам обоим. Но желание найти в оккупированной Риге хоть одного верного человека было столь велико, что я пошел на этот риск.

Опыта в конспирации у меня никакого не было. Как обманывают бдительность сыщиков, я знал только по книгам о революционном подполье: руководствуясь ими, я долго кружил по улицам, наблюдал за прохожими и, внезапно сворачивая в переулки, напряженно ждал появления каких-либо любопытствующих личностей...

Лишь после такой подготовки я нырнул в ворота дома, в котором еще недавно обитал. Во дворе остановился, помедлил. Никто вслед за мной не появился. Через черный ход прошел на парадную лестницу и опять подождал. Все было спокойно. Тогда я поднялся на самый верх. Тишина! Спустился ниже, остановился перед своей бывшей квартирой и, не рискуя воспользоваться собственным ключом, с замиранием сердца позвонил... При гитлеровцах здесь вполне можно было нарваться на засаду!

Мне открыла дверь незнакомая, прилично одетая женщина с тонкими поджатыми губами.

— Простите, — сказал я.— Тут, кажется, жили Цеплисы...

— Цеплисы? — переспросила она и покачала головой.— Не знаю... Я не знаю никаких Цеплисов,— холодно повторила она, подозрительно посмотрев на меня, и вдруг чуточку смягчилась:— Впрочем, я живу здесь недавно... Если это жильцы, которые жили тут до прихода немцев, так вам лучше всего осведомиться о них в полиции,— решительно посоветовала она и, чуть помедлив, добавила: — Их, кажется, забрали в полицию...

Мне показалось, что она меньше всего хочет вступать со мной в разговор, потому что еще раз покачала головой и торопливо захлопнула передо мной дверь.

Однако, по существу, она сказала все, что требовалось узнать.

Я оглянулся — на лестнице не было никого — и тем же путем вернулся на улицу.

Рухнула единственная надежда!..

Впрочем, этого следовало ожидать. Трудно было предположить, что оккупанты оставят Цеплисов в покое, тем более, что агенты гестапо, засланные в Прибалтику еще задолго до войны, к приходу гитлеровских войск, несомненно, составили проскрипционные списки всех местных жителей, подлежавших обезвреживанию и уничтожению.

Милый, скромный, молчаливый Мартын Карлович Цеплис!..

Можно было только догадываться, что с ним случилось.

Во всяком случае, надежда на помощь с его стороны рухнула...

Оставалась только одна возможность — стать, так сказать, мстителем-одиночкой, мстить оккупантам сколько возможно и подороже продать свою жизнь. Вполне вероятно, что я вступил бы на этот путь, если бы...

Я понимал, что действовать в одиночку следовало только в крайнем случае, лишь окончательно убедясь, что отрезаны все другие пути. Поэтому некоторое время следовало выжидать, пытаться использовать для установления связи каждый случай, а до тех пор получше ориентироваться в окружающей обстановке, узнать как можно больше секретов и, в частности, попытаться использовать Янковскую в целях, которые отнюдь не совпадали с целями самой Янковской.

Наступило еще одно мое обычное и одновременно странное утро.

Я встал, побрился, умылся, равнодушно проглотил кашу и яйца, приготовленные для меня заботливой Мартой, прошел в кабинет, взял попавшийся мне под руку том Моммзена, полистал его... Нет, римская история мало интересовала меня в моем положении!

Так я сидел, решая задачу со многими неизвестными, и ожидал появления одной из унаследованных мною девушек. Пожалуй,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20—23.

только посещения блейковских девиц и разнообразили мою жизнь.

Однако вместо какой-нибудь официантки или массажистки около одиннадцати часов появилась сама Янковская, свежая, бодрая и оживленная.

На ней был элегантный коричневый костюм, черная бархатная шляпа и такая же лента на шее. Она небрежно играла черными шелковыми перчатками и ни словом не упомянула о нашем вчерашнем разговоре. Впрочем, следует сказать, что больше она никогда уже не предпринимала попыток перейти границу установившихся между нами корректных и внешне даже приятельских отношений.

— All right? — спросила она. — Все в порядке?

— Если вы считаете мое безделье порядком, то в порядке.

— Как раз его-то я и хочу нарушить.— Она села поближе к письменному столу и испытующе посмотрела на меня. — Может быть, поработаем? — предложила она.

— Мне неизвестно, что вы называете работой,— нелюбезно отозвался я.

— То же, что и все, — примирительно сказала она и поинтересовалась: — Вы сегодня ждете кого-нибудь из девушек?

— Возможно, — сказал я. — Я не назначаю им времени для посещений, они приходят, когда им вздумается.

— Вы ошибаетесь, — возразила Янковская.— У каждой из них есть определенные дни и даже часы.— Она насмешливо посмотрела на меня.— Где их список?

Я удивился:

— Список?

— Ну да, не воображаете же вы, что они не состояли у Блейка на учете. Он был педантичный человек. Где ваша телефонная книжка?

Она сама нашла ее в пачке старых газет. Это была обычная узкая тетрадь в коленкоровом переплете для записи адресов и телефонов. В ней значилось много фамилий, повидимому, друзей и знакомых, с которыми Блейк поддерживал отношения.

Янковская указала мне на эти списки:

— Вот и ваши девушки.

Их легко было выделить среди прочих адресов: около каждой из фамилий стояло прозвище или кличка: Пчелка, Лиза, Роза, Эрна, Яблочко — и уже затем адрес и место работы.

Законы конспирации были сведены здесь как будто на нет. Любой мало-мальски сообразительный человек, интересующийся деятельностью Августа Берзиня, без особого труда обнаружил бы его миловидных агентов. Но именно потому, что Блейк вербовал в число своих агентов только молодых и преимущественно хорошеньких женщин, перечень их естественнее было принять за донжуанский список художника Берзиня, чем за реестр секретных сотрудников резидента Блейка.

И все же мистер Блейк оригинальностью не отличался. Тот, кто мог догадываться об истинных занятиях Берзиня, легко догадался бы и о том, что и список и особы, в нем перечисленные, заведены лишь в целях дезинформации. Хотя я сам не был профессиональным разведчиком, я бы сказал, что это была грубая работа, рассчитанная на наивных людей.

Что касалось подлинной, более серьезной и более действенной агентуры, наличие которой следовало предположить, я не мог обнаружить ее следов, как не могла их обнаружить даже непосредственная сотрудница Блейка Янковская, но об этом я узнал позже.

Пока что она пыталась приспособить меня к деятельности, которой занималась сама.

— Кто из девушек ходит к вам наиболее часто? — спросила меня Янковская.

Я задумался.

— Кажется... кажется, такая полная блондинка, — неуверенно сказал я. — Если не ошибаюсь, она служит в парикмахерской..

— Ну, а теперь вспомните, когда она к вам приходила?

Я опять наморщил лоб.

— Мне кажется, она приходит раза два в неделю... Да, два раза в неделю, по утрам! Помоему, ее зовут Эрна...

— Следует быть более наблюдательным, — упрекнула меня Янковская. — Эти посещения надо как-то учитывать и отмечать получаемое девушками вознаграждение...

С наивной насмешливостью посмотрел я на своего ментора.

— Нанять бухгалтера?

— Нет, этого не нужно, — спокойно возразила Янковская. — Но ни один резидент не положится в таких делах на свою память...

Я вздохнул.

На самом деле я вел очень точный учет своим посетительницам. В спальне у меня имелось несколько коробок с пуговицами; голубая пуговка означала, например, Эрну, таких пуговок находилось в коробке семь, по числу ее посещений, а пять мелких черных брючных пуговиц свидетельствовали о том, что Инга из гостиницы «Савой» являлась всего лишь пять раз. Нет, я вел учет, который зачем-нибудь да мог пригодиться, но не хотел сообщать об этом Янковской.

— А, кроме девушек, к вам никто больше не приходил? — спросила она меня затем как бы невзначай.

— Приходил, — сказал я. — Владелец какого-то дровяного склада.

— И чего он от вас хотел?

— Чтобы я приобрел у него дрова на тот случай, если в нашем доме перестанет действовать паровое отопление.

Янковская испытующе посмотрела на меня.

— И больше ничего?

— Больше ничего.

Этот посетитель и в самом деле ни о чем больше со мной не разговаривал и только в течение всего нашего разговора держал в руке почтовую открытку, на которой были изображены какие-то цветы...

Но хотя я не собирался в каждом посетителе видеть секретного агента или шпиона, визит этого торговца показался мне странным, он явно чего-то ждал от меня, это чувствовалось. Вполне логично было предположить, что он произнес какой-то пароль и что я мог вступить с ним в общение, которое помогло бы мне ближе познакомиться с практической деятельностью Блейка, но я не знал ни пароля, ни отзыва и, можно сказать, мучился от сознания своего бессилия. Однако и об этом я тоже не нашел нужным говорить Янковской.

— Вы все-таки записывайте всех, кто к вам заходит, — попросила Янковская. — Дела любят порядок, и если вы начнете ими заниматься, ваша жизнь сразу станет интереснее.— Она переменила тему разговора: — О чем вчера говорил с вами Эдингер?

— Звал в гости.

— Серьезно?

— Сказал, что нам надо встретиться, и пригласил заехать к нему в канцелярию.

— Когда же вы к нему собираетесь?

— Я не спешу.

— Напрасно. Не откладывайте этого свидания: в сегодняшней Риге это один из могущественнейших людей. Добрые отношения с ним гарантируют безопасность...

Она настаивала на том, чтобы я поехал к Эдингеру в тот же день, да я и сам понимал, что не стоит откладывать посещения.

Гестапо занимало многоквартирный шестиэтажный дом, и в комендатуре было полно штурмовиков, они пренебрежительно оглядели меня, точно я зашел туда по ошибке.

Я подошел к окошечку, где выдавались пропуска.

— Мне нужно к господину Эдингеру, — сказал я и протянул паспорт.

— Обергруппенфюрер не принимает латышей, — грубо ответил мне какой-то надменный юнец. — Проваливайте!

Это было необычно для немцев: с теми, кто был им нужен, они обращались вежливо, повидимому, комендатура не была предупреждена обо мне.

Мне с неохотой позволили позвонить по телефону. Я попросил соединить меня с Эдингером, и его секретарь, как только я себя назвал, ответил, что все будет немедленно сделано.

Действительно, не прошло нескольких минут, как тот же самый юнец, который предложил мне убираться, выскочил из-за перегородки с пропуском, отдал мне честь и предложил проводить до кабинета обергруппенфюрера.

Мы поднялись в лифте, и когда я со своим провожатым шел по коридору, навстречу мне попались два эсэсовских офицера в сопровождении человека без знаков различия, но тоже в черном мундире, рукав которого украшала устрашающая эмблема смерти — череп и две скрещенные кости.

Человек показался мне знакомым; потом я решил, что ошибся; я посмотрел внимательно и узнал Гашке, того самого Гашке, вместе с которым лежал в госпитале.

Он шел позади офицеров, с коричневой папкой под мышкой, важный, сосредоточенный, ни на что не обращающий внимания, настоящий самодовольный гитлеровский чиновник.

Я пристально смотрел на Гашке, меня интересовало, узнает ли он меня, но он кинул на меня равнодушный взгляд и прошел мимо с таким видом, точно мы никогда с ним до этого не встречались.

Мы вошли в приемную, мой провожатый откозырял секретарю, и меня без промедления попросили зайти к обергруппенфюреру.

Эдингер со своими рыжими прилизанными волосами и черными усиками выглядел все так же смешно, как и на вечере у профессора Гренера, в нем не было решительно ничего страшного, хотя в городе о нем рассказывали всякие ужасы, говорили, что он пытает людей на допросах и собственноручно «обезвреживает» коммунистов, что на языке гитлеровцев было синонимом слова «убивать».

Эдингер был воплощенной любезностью.

— Прошу вас... — Он указал мне на кресло. — Перед вашим приходом я читал нашего дорогого фюрера, — торжественно сообщил он.— Какая книга!

Я было подумал, что он паясничает, но на его столе действительно лежала гитлеровская «Моя борьба», и пухлое лицо Эдингера выражало самое подлинное умиление.

В течение некоторого времени он вел себя, как базарный агитатор: выражал восторги по адресу фюрера, говорил о заслугах национал-социалистской партии, восхищался будущим Германии...

Но, воздав богу богово, он сразу перешел на фамильярно-деловой тон:

— Вы позволите...—Он на мгновение замялся.— Вы позволите не играть с вами в прятки?

— Прошу вас, — ответил я ему в тон. — Я сам стремлюсь к полной откровенности.

Эдингер просиял.

— О господин Блейк! — воскликнул он. — Для германской разведки не существует тайн

Я сделал вид, что поражен его словами; человек менее самовлюбленный, чем Эдингер возможно, заметил бы, что я даже переигрывал.

— Ничего, ничего, не огорчайтесь, — добродушно промолвил Эдингер и похлопал меня по плечу. — Мы умеем смотреть даже сквозь землю!

Я вежливо улыбнулся.

— Что ж, это делает честь германской разведке.

— Да, милейший Блейк, — самодовольно продолжал Эдингер. — Мы знали о вас в те дни, когда Латвией управлял Ульманис, наблюдали за вами, когда Латвия стала советской, и, как видите, нашли, когда сделали Латвию своей провинцией. Еще никому не удалось от нас скрыться.

На этот раз я не улыбнулся, напротив, я старался смотреть на своего собеседника возможно холоднее.

— Что вы хотите всем этим сказать? — спросил я.— Допустим, вам известно, кто я, что же дальше?

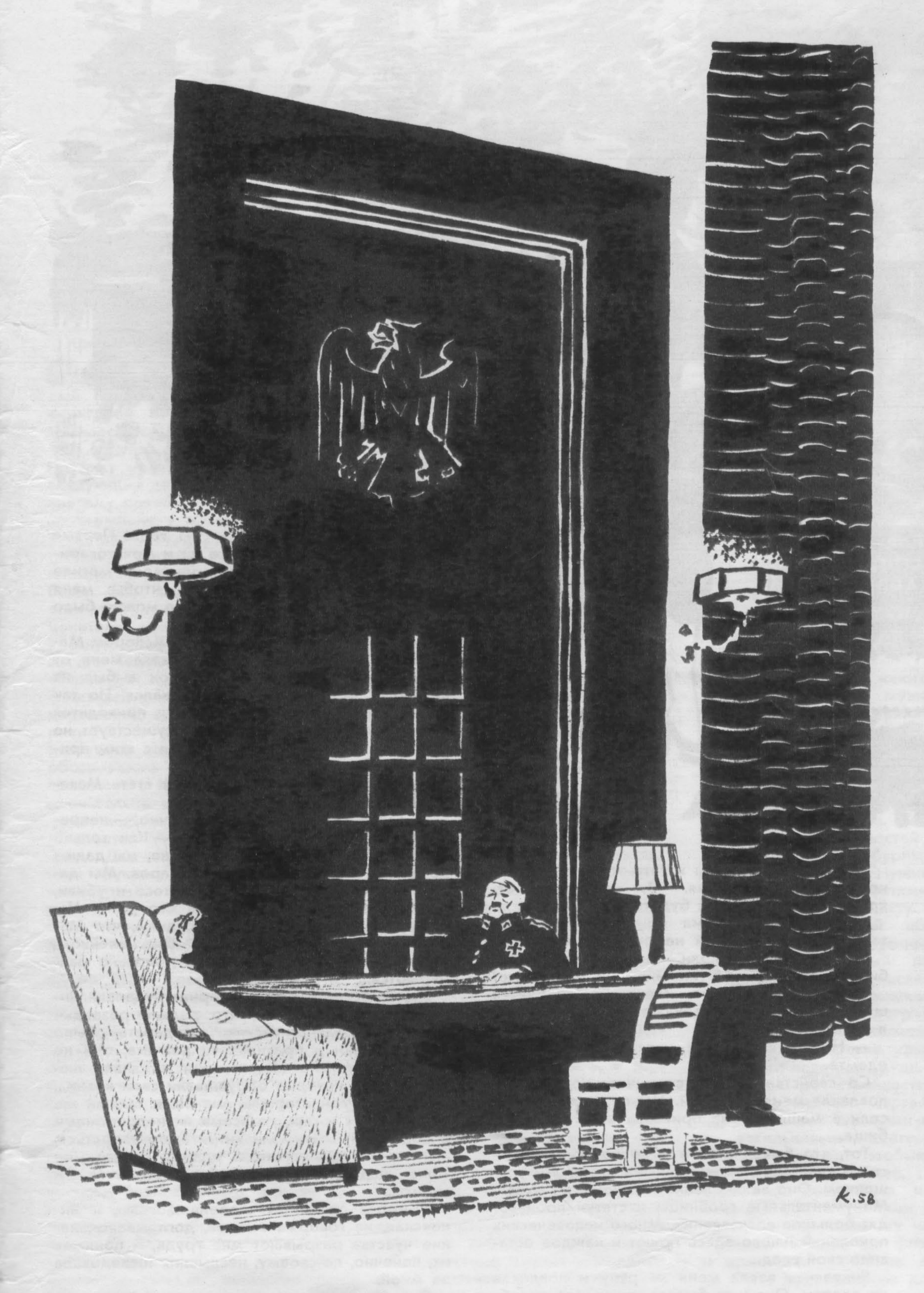
— Только то, что вы в наших руках, — произнес Эдингер менее уверенным тоном. — Когда солдат попадает в плен, это на всех языках называется поражением.

— Неудача отдельного офицера не есть поражение нации, — возразил я с холодной вежливостью. — Не забывайте, что я разведчик, а разведчик всегда готов к смерти. Такова наша профессия: поражать и, увы, всегда быть готовым к тому, что могут поразить и тебя самого.

Я понимал, что все, что я говорил, было в известной степени декламацией, но я также понимал, что декламация производит впечатление не только на сцене.

— Мне приятно, что вы это понимаете, — удовлетворенно сказал Эдингер. — В таком случае поговорим о стоимости выкупа.

Я выпрямился в своем кресле.

самостоятельно и вопреки нам героически преодолели все препятствия. Вы будете продолжать свою службу и снабжать нас информацией.

Это было необыкновенно благоприятное стечение обстоятельств: советского офицера принимали за агента английской секретной службы и предлагали поступить на службу в немецкую разведку; я мог оказаться очень полезен нашему командованию, но это благоприятное стечение обстоятельств сводилось на нет тем, что у меня не было еще возможностей связаться со своими...

Пока что оставалось одно: до поры до времени изображать из себя Берзиня, Блейка и кого только угодно, заставить окружающих меня людей думать, будто я одержим всякими колебаниями, дождаться удобного момента, пойти на любую мистификацию и перебраться через линию фронта...

— Господин Блейк, я жду, — внушительно сказал Эдингер. — Не заставляйте меня повторять лестное предложение, о котором известно даже рейхслейтеру Гиммлеру.

— Но это так неожиданно, — неуверенно произнес я. — Я должен подумать...

— Не стоит выбирать между дворцом и тюрьмой, — перебил меня Эдингер.

— Все же я должен подумать, — твердо возразил я. «Пусть Эдингер, — иронически подумал я, — не воображает, что так просто купить английского офицера!»

Эдингер испытующе смотрел на меня своими оловянными глазами.

— Ну, а что будет иметь в результате всего этого ваш покорный слуга? — деловито осведомился я. — Для того, чтобы жить, надо еще кое-что иметь. Что мне даст эта... переориентировка?

— Нас никто еще не упрекал в скупости, — гордо сказал Эдингер. — Ваши расходы по сбору информации будут регулярно оплачиваться.

— В какой валюте? — цинично спросил я.

— В рейхсмарках, конечно, — заявил Эдингер. — Это не так плохо!

— Но и не так хорошо, — пренебрежительно возразил я. — Марка обесценена...

— Пусть в фунтах или в долларах, — сразу согласился Эдингер и поспешил добавить: — А после окончания войны назначенное нами английское правительство предоставит вам высокий пост.

Он говорил вполне серьезно, этот ограниченный человек, и, как мне кажется, верил в то, что говорил, и не сомневался в моем согласии.

Но я подумал, что мне выгодно затянуть торговлю: в глазах немцев это укрепит позиции Блейка, а майора Макарова сделает еще недосягаемее.

— Все же я настоятельно прошу вас, господин обергруппенфюрер, — сказал я, — дать мне какое-то время.

Эдингер встал.

— Хорошо, я даю вам неделю, — высокопарно произнес он. — Но не забывайте: мы без вас обойдемся, а вам без нас уже не обойтись.

Я не сомневался, что этот рыжий обергруппенфюрер с удовольствием запрятал бы меня в концлагерь, но уж слишком было заманчиво завербовать на свою сторону офицера секретной службы противника, и поэтому этот эсэсовец не только сдерживал себя, но даже любезно проводил до дверей своего кабинета.

Янковская дожидалась моего возвращения у меня дома, она придавала встрече с Эдингером большое значение.

— Ну что? — спросила она, как только я вернулся.

— Предложил стать агентом германской разведки и обещал перебросить в Лондон.

— А вы? — нервно спросила Янковская.

— Попросил неделю срока.

— Надо соглашаться, — нетерпеливо сказала она.

— И ехать в Лондон? — насмешливо спросил я. — Для мистера Блейка там не найдется места!

— Вы сможете остаться здесь, — продолжала уговаривать меня Янковская. — Немцы пойдут на это.

— А какая им польза от меня здесь? Истреблять латышей они сумеют и без меня.

— Я еще не продан и не куплен, господин Эдингер!

— Неужели вы не боитесь смерти? — вкрадчиво спросил меня мой собеседник. — Поверьте, смерть — это небольшое удовольствие!

— Английский офицер боится только бога и своего короля, — ответил я с достоинством. — А с вами мы, господин Эдингер, только коллеги.

— Вот именно, вот именно! — воскликнул Эдингер. — Именно потому, что я считаю вас своим коллегой, я хочу не только сохранить вам жизнь, но и позволить вам продолжать свою деятельность!

Я настороженно прищурился.

— А что вы от меня за это потребуете?

Эдингер серьезно посмотрел на меня.

— Стать нашим агентом.

Конечно, я понимал, каково будет предложение Эдингера... Другого не могло быть! Разоблаченный разведчик либо перевербовывается, либо умирает... Понимал это и мой собеседник, а говорил со мной потому, что заранее был уверен в ответе. Речь шла только о цене. Эдингер мерил Блейка на свой аршин; думаю, что сам Эдингер в подобных обстоятельствах предпочел бы измену смерти.

Что ж, мне приходилось поступиться честью мистера Блейка, хотя позу, принятую в этом разговоре, следовало сохранить!

— Вы должны меня понять, господин Эдингер, — сдержанно произнес я. — Я не могу действовать во вред своему отечеству...

— От вас этого и не требуют, — примирительно сказал Эдингер. — Нам просто нужны сознательные английские офицеры, которые понимают, что Англии не по пути с евреями и большевиками. Мы сумеем переправить вас в Лондон, хотя там должны думать, что вы

— Они оставят вас для того, чтобы выявить вашу агентуру.

— Этих девчонок? — удивился я.

— Ах, да не в девчонках дело! — с досадой промолвила Янковская.— Как вы не понимаете, что все эти девицы существуют лишь для отвода глаз? Эти девушки — ширма, они годятся только для дезинформации. Настоящую агентурную сеть — вот что им нужно! Настоящих агентов Интеллидженс сервис, которые, как всегда, законспирированы так, что до них не добраться ни богу, ни черту! Вот из-за чего идет игра, как вы не понимаете!

— А кто же подлинные агенты? — спросил я.

— Например, я! — откровенно воскликнула Янковская. — Но есть и другие, представляющие немалую ценность.

— Кто же это?

— Если бы я знала! Этого Дэвис мне не говорил. Не забывайте, он был работником Интеллидженс сервис! Без помощи Блейка, настоящего или поддельного, их невозможно найти!

О том, что у Блейка имелась особая агентурная сеть, существовавшая специально для того, чтобы скрывать подлинную агентуру, догадаться было нетрудно: в отличие от немецкой или японской разведок, которые всегда стремились иметь широко разветвленную агентуру, английская секретная служба предпочитала иметь агентов немногочисленных, но проверенных, серьезных и тщательно засекреченных. Тем не менее все, что говорила Янковская, было очень важно; она не только подтверждала мои догадки, но и в какой-то мере могла помочь выявить английскую агентуру в Прибалтике. Нечего и говорить, как это было бы ценно. Правда, эти сведения надо еще будет передать, но я надеялся, что к тому времени, когда я узнаю какие-либо достоверные факты, я налажу необходимые связи...

Однако, судя по поведению Янковской, она и мысли не допускала, что я свяжусь с советской разведкой, и меня интересовало, на чем основана эта ее уверенность. Самое лучшее было не играть с ней в этом вопросе в прятки, поэтому я прямо, в лоб и задал ей свой вопрос:

— А почему вы думаете, что, выявив агентуру Интеллидженс сервис, я не передам эти сведения советской разведке?

— А потому, что вы хотите жить, — уверенно ответила Янковская. — Вы не успеете открыть у своих рта, как будете расстреляны.

— Почему? — спросил я, недоумевая. — За такие сведения людей не расстреливают...

— Но вы уже умерли, — нетерпеливо перебила она меня. — Неужели вы не понимаете?

— Нет, не понимаю. Меня не требуется щипнуть за ухо для доказательства того, что я не сплю.

— Но я ущипну вас, — сказала она. — Поедемте.

Со свойственной ей стремительностью она повлекла меня за собой. Мы спустились вниз, сели в машину. Она привезла меня на кладбище.

Тот, кто бывал в Риге и не посетил городского кладбища, может считать это своим упущением. Оно великолепно и похоже на музей. Монументальные гробницы и статуи производят большое впечатление. Много человеческих поколений нашло здесь приют и каждое оставило свой след...

Янковская взяла меня за руку и повлекла по аллеям. Она шла быстро, ни на что не обращая внимания, все дальше и дальше, мимо гранитных плит и чугунных крестов, сворачивая с дорожки на дорожку.

Она привела меня в ту часть кладбища, где находили успокоение наши современники. Здесь было больше песка и меньше зелени, и памятники здесь были гораздо скромнее: современные люди как-то меньше вступают в спор с быстротекущим временем.

Она подвела меня к какой-то могиле.

— Смотрите! — холодно сказала Янковская.

Я равнодушно посмотрел на могильный холм, обложенный дерном, на небольшую доску из красного гранита, на анютины глазки, росшие у подножия, и пожал плечами.

— А, да какой же вы бестолковый! — с досадой воскликнула Янковская. — Читайте!

Я склонился к доске.

«Майор Андрей Семенович Макаров. 23.I.1912—22.VI.1941».

Да, это было странно... Странно было стоять на собственной могиле...

Потом что-то кольнуло меня в сердце.

Тревожные июньские дни 1941 года! Первые дни войны! И вот, в такие дни мои товарищи нашли время поставить на моей могиле памятник! Поставили надолго, чтобы меня можно было найти, чтобы ко мне можно было прийти...

— Теперь вы убедились, что с майором Макаровым все покончено? — оторвала меня от моих мыслей Янковская. — Игрок выбыл из команды, за честь которой сражался. Но так как игрок все же существует, приходится искать новую команду. В мире существует не Макаров, а Блейк, и вам придется с этим примириться.

— А если Блейк захочет опять стать Макаровым? — спросил я.

— Тогда его похоронят вторично, — непререкаемо произнесла Янковская. — Как только вы очутитесь на советской стороне, мы дадим понять, что вы Блейк, а не Макаров. Мы дадим понять, что Макарова для того и убили, чтобы Блейк мог выступить в его роли. Мы постараемся внушить вашим судьям, что Макаров на самом деле всегда был Блейком. И вы знаете, во время войны долго не разбираются...

Да, во всем том, что говорила и делала Янковская, во всем том, что делали разведки всех империалистических государств, было много логики и правильного расчета, они не учитывали только одного: они не знали людей, против которых обрушивали свои козни...

Но, с другой стороны, мы были такими же людьми, как и они, со всеми их недостатками и пороками, мы умели хитрить, притворяться, мстить, и я решил, что в данном случае мне тоже надо и хитрить, и притворяться, и мстить...

Я молча пошел от «своей» могилы, и Янковская, не говоря ни слова, догадываясь, какие чувства разрывают мне грудь, и понимая их, конечно, по-своему, неслышно последовала за мной.

Она довезла меня до дому, остановила машину и положила свою руку на мою.

— Ничего, Август, ничего, — шепнула она.— Жизнь вышибла вас из седла, но вы сильный человек и найдете еще свое место в жизни.

Она была уверена, что вышибла меня из седла, и думала, что я подавлен, а я не хотел ее разочаровывать.

— Оставьте меня в покое, — с нарочитой грубостью ответил я. — Дайте мне побыть одному.

— Конечно,—немедленно согласилась она.— Я заеду к вам вечером.

Она уехала, а я поднялся к себе.

Мне действительно надо было побыть одному. Следовало продумать все свое поведение. Пора уже было действовать, и я мучительно ломал себе голову над тем, как установить необходимые связи.

Но как это всегда бывает, пока я раздумывал, как, находясь среди чужих, отыскать своих, свои искали меня и по каким-то непонятным признакам признали во мне своего.

Продолжение следует.

Ван Клиберн ДОМА

Л. ГРИГОРЬЕВ

Когда Ван Клиберн (в Америке его имя произносится Ван Клайберн) уезжал в Москву на первый Международный конкурс скрипачей и пианистов имени Чайковского, в американской печати об этом не было ни строчки. Поэтому не удивительно, что на следующий день после присуждения ему премии Клиберн спросил по телефону у матери: «Мама, а у нас кто-нибудь знает об этом?»

Нельзя сказать, однако, что до конкурса в Москве пианист Клиберн был совершенно неизвестен у себя на родине. Истинные ценители музыки помнили прекрасную игру симпатичного юноши из Техаса, который получил «Левентрит приз» за 1954 год и в следующем году выступал с концертами во многих городах Америки. Один из наиболее тонких ценителей искусства, театральный обозреватель Бианколли, уже тогда писал о Клиберне как об исключительно одаренном пианисте.

Но широкой публике он был неизвестен. А «бизнес есть бизнес». Два — три импрессарио, в чьих руках сосредоточено все «концертное дело», отнюдь не против хорошей музыки. Но для гарантированного кассового успеха им нужны сенсационные имена. У Вана Клиберна был талант, но не было громкого имени, и предложений выступить с концертом становилось все меньше. В сезоне 1957/58 года их вовсе не было. В Нью-Йорке Клиберн не выступал с 1954 года, если не считать того, что иногда по вечерам играл в ресторане «Асти», получая за работу бесплатный ужин. Делал он это не из крайней нужды, а из-за желания не быть в тягость своим родителям, которые основательно влезли в долги, чтобы дать сыну хорошее музыкальное образование. Поездка Клиберна в Москву могла вообще не состояться, если бы благотворительное общество содействия музыкантам не оплатило расходы на поездку. При этом из опасения, как бы содействие поездке молодого американца в красную столицу не бросило политическую тень на респектабельное общество, поддерживаемое известнейшими миллионерами, с пианиста было взято слово, что финансовые обстоятельства его поездки останутся в тайне.

Не удивительно поэтому, что из всех приятных сюрпризов последних двух месяцев Вана Клиберна больше всего поразило то, что так много людей в его собственной стране радуются его успеху и гордятся им. Америка встретила Клиберна, как национального героя. Он получил поздравление от президента США и приглашение в Белый дом. На нью-йоркском аэродроме его встретили представители всей печати, радио и телевидения. Газеты сообщали о его приезде на первых страницах. Журнал «Тайм» вышел в этот день с портретом пианиста на обложке и с большой статьей, в которой, между прочим, говорилось и о том, что за месяц этот 23-летний техасец вызвал у русских больше теплых чувств к Америке, чем смогли сделать «все слова и дела Соединенных Штатов за все время после второй мировой войны». Нью-йоркская публика на первом концерте в Карнеги-холл устроила Клиберну оглушительную овацию. «Покоривший Россию техасец завоевывает свою страну»; «Русские оказались правы — это действительно пианист необыкновенного дарования»,— писали газеты.

На следующий день после концерта город Нью-Йорк устроил Клиберну пышную официальную встречу, какой еще не удостаивался ни один музыкант в Америке. В полдень в его честь состоялся «ленточный» парад. Сто тысяч ньюйоркцев, собравшихся на тротуарах Бродвея от северного конца Манхэттена до городской ратуши, приветствовали Клиберна, проезжавшего в открытой машине. Впереди шли оркестры, сзади следовал кортеж машин с городскими властями и знаменитостями из артистического мира. По традиции на всем пути из окон бросали серпантин и бумажные ленты. В заключение церемонии мэр города Вагнер устроил большой прием и обед в честь Клиберна. И с трибуны, у ратуши, и на обеде было сказано много хорошего о культурном обмене и о дружбе между народами. Вагнер заявил, что Ван Клиберн своими десятью пальцами показал всем американцам, как много может сделать искусство для уничтожения барьеров, разделяющих народы.

В честь победы Вана Клиберна в Соединенных Штатах установлен «День музыки». Городские власти Нью-Йорка установили также две ежегодных премии: одну — для лучшего молодого музыканта, а вторую — для его учителя. Эту вторую премию в этом году уже присудили г-же Левиной, учительнице Вана Клиберна.

Крупнейшие компании грамзаписи наперебой предлагали Клиберну контракты на выпуск его пластинок. Он ангажирован на лето и на будущий сезон почти на пятьдесят концертов со всеми лучшими оркестрами США.

Это, конечно, была чисто американская встреча. Во всем присутствовал известный элемент сенсации и рекламы. В огромных объявлениях фирмы Стенвей говорилось, например, о том, что Клиберн предпочитает играть на инструменте именно этой фирмы. Но это нисколько не умаляет чувств тысяч и тысяч американцев, которые искренне радовались успеху своего юного соотечественника и как музыканта и как «посла доброй воли» в великой России.

После первого концерта Клиберна в Карнеги-холл я должен был встретиться с ним за кулисами, чтобы взять кратенькое интервью для журнала. Но мы недооценили способностей американской публики к бурным выражениям восторга. Нужно было полчаса работать локтями, чтобы приблизиться к пианисту. Зацелованный, затисканный объятиями только что приобретенных почитателей, оглушенный шумными поздравлениями и ослепленный непрерывными вспышками импульсных ламп фотографов, он был в состоянии полной растерянности. Он только улыбался и прижимал ладони к груди. Мне он показался до странности похожим на молодого Сергея Есенина, не столько светлыми кудрями и васильковым цветом глаз, сколько своей необыкновенно застенчивой улыбкой. Только огромный рост Вана и жесты больших рук с тонкими живыми пальцами нарушали эту иллюзию.

Ни обстановка, ни физическое и душевное состояние пианиста не были подходящими для мирной беседы. Да и была ли нужда в том, чтобы спрашивать Клиберна о его впечатлениях о поездке в Советский Союз? Он вернулся совершенно очарованный нашей страной, советскими людьми, их гостеприимством и любовью. Он говорил об этом перед отъездом из Москвы, по телефону из Копенгагена, где его перехватили нью-йоркские журналисты. Он рассказывал о Москве и о своих новых советских друзьях на нью-йоркском аэродроме и на приеме у мэра города. «Покоривший русских» техасец сам был, по его словам, навсегда покорен ими. Он говорил, что не встречал таких милейших людей, как русские, что за всю жизнь он нигде не чувствовал себя в такой степени дома, как в Советском Союзе. В нашей стране ему понравилось все, вплоть до снотворных таблеток, которые он вынужден был принимать, когда не мог спать от волнения перед выступлениями на конкурсе. Он сказал, что хотел бы всю жизнь оставаться достойным любви и дружбы, которыми он был окружен во время всего своего пребывания в Советской стране.

Его восхищение русскими так велико, что теперь близкие друзья Клиберна в шутку называют его не «Ван», а «Иван». Он не сказал еще ни одной фразы, чтобы при этом не выразить благодарности за помощь и чуткость советскому дирижеру Кириллу Кондрашину, с которым он выступал в Москве и который дирижировал оркестрами, сопровождавшими концерты Вана Клиберна в Соединенных Штатах.

Вместо интервью я просто пожал руку Вану Клиберну.

Нью-Йорк.

Встреча с родителями.

Ван Клиберн и Кирилл Кондрашин.

СИРЕНЬ-ЧЕРЕМУХА

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

— Сливочное мороженое, эскимо, пломбир!..

Она торгует у станции метро, краснощекая, коренастая, последнее время немного грустная. Торговля идет неплохо круглый год, ведь многим жарко и зимой. Что касается весны и лета, то мороженое покупает, пожалуй, каждый третий прохожий. Если представить себе, сколько москвичи съедают за день мороженого, то это целый сливочный Монблан.

Студентки налетают стайками, расхватывают вафельные стаканчики, шарят у себя по карманам, выручая друг дружку двугривенными, смеются, говорят о своем и никогда не глядят на продавщицу. Им не интересно. Старушки-лакомки берут пломбир и, встав к стенке лицом, потихоньку слизывают с бумажки. Ребятишки просят: «Мама, купи-и!» Молодые люди угощают девушек и не берут сдачу.

Один приметный покупатель, высокий и кудрявый, который сказал Нюре про себя, что он поэт, ест мороженое почти каждый день. В месяц по крайней мере рублей на пятьдесят. Он спросил Нюру, как ее зовут, но больше ни о чем не спрашивает: цену пломбира он знает.

Нюра стоит и думает: «Придет нынче или не придет? Хорошо бы пришел. Или нет, лучше не надо, а то выкинет что-нибудь, как в прошлый раз, когда он облокотился на ящик с товаром и во все горло продекламировал:

Нюра, ты моя услада, ты торгуешь белым хладом,
Только это мне и надо, твой товар беру я на дом...

Прохожие улыбались, а Нюре казалось, что они смеются над ней. От поэта в тот раз пахло вином, и Нюра строго сказала:

— Не озорничайте, а то позову милиционера, и он вам выдаст усладу на пятнадцать суток.

— Ну что вы, Нюрочка,— кротко сказал он.— Наши московские милиционеры исключительно хорошо относятся к поэтам, я в этом много раз убеждался.

...Очень выгодно торговать мороженым у вокзалов. Нюре предлагали, но она не захотела. Мало ли кто приезжает, уезжает, мало ли с кем можно повстречаться... Она сама когда-то приехала с Павелецкого вокзала, и было у нее такое чувство, что хоть и страшновато, но всё впереди. И непременно все самое лучшее. Нет, она предпочитает стоять у этой своей тихой станции метро, где только по утрам и к вечеру бывает многолюдно, когда пассажиры торопятся на работу и с работы. А мороженое все-таки расходится...

Вообще-то говоря, разве плохо быть продавщицей мороженого? Или что, это стыдно, что ли? Никому не придет в голову такая глупость. Многие женщины, домашние хозяйки, с удовольствием берутся за это дело. Самостоятельная работа, как всякая другая. А работать никогда не стыдно. Совестно врать, вот это — да. Но ведь первая наврала не она, Нюра, а тетя Поля...

Полтора года тому назад тетя

Поля приехала в отпуск на две недели в свое родное село. Навезла гостинцев. Дарила всем, как это иногда бывает не по доброте, а из гордости, чтоб похвалиться: вот, дескать, какая щедрая, богатая и насколько я живу лучше вас!

Кое-кто верил, что тетя Поля действительно живет лучше. А те, которые не верили, вежливо помалкивали: как-никак гостья.

— Числюсь я, конечно, дворничихой,— рассказывала тетя Поля, подмигивая, будто она кого-то здорово перехитрила, может быть, даже свою судьбу.— Но мне везде доступ открыт. У нас дом огромный, кого только нет: и артисты, и писатели, и заведующие магазинами. Самые сливки! Запросто спрошу у любого заведующего, когда в ихнем магазине будет что-нибудь эдакое... замшевые лодочки или капроновые перчатки. А то другой раз народная артистка выходит из подъезда: «Здрасте, тетя Поля!» И я ей завсегда: «Здрасте, Вера Петровна, ой, как я вас давно в театре не видала!» А она сейчас же: «Пожалуйста!» И безо всякого могу пойти в театр. Только я сама редко хожу, я телевизор предпочитаю. А писатель, тот даже сам набивается: «Не хочете, тетя Поля, сходить в наш клуб? Там нынче интересно, наша домработница не идет, так, может, вам дать билетик?»

Добродушно смеясь, тетя Поля говорила:

— Я и коров-то забыла, как доить. К нам в дом молоко носят в бутылках, в магазинах мясо расфасованное. Культура, санитария, хихиена!

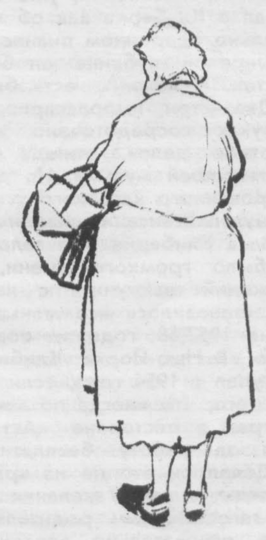
Слушательницы тети Поли ласково и независтливо улыбались. Их не тянуло в писательский клуб, не интересовали замшевые лодочки, молоко в бутылках и расфасованное мясо. И только Нюра слушала тетю Полю, как завороженная. И обижалась на подруг, которые подсмеивались над гостьей: дуры они, дальше своего носа не видят: коровники,- отелы, надои — свет в очах! А тетя Поля знакома с самыми лучшими артистами, даже с теми, которые в кино. И она считает для себя низким доить коров. И хоть кого спроси, конечно, в Москве лучше, чем в деревне. И, главное дело, там народ сплошь культурный, а в деревне — что? Здесь ей, Нюре Копыловой, ни за что не выдвинуться. Верка с Валькой все равно всегда впереди. Так было и в школе и теперь. А почему? Потому что горластые. Ну и ворочают, конечно, этого от них не отнимешь. А она, Нюра, не может так ворочать, не приучена. Ей и мать всегда говорила: «Ты у меня, доченька, одна радость на свете...»

За теплый, родственный прием тетя Поля захотела отплатить добром. Или, может быть, у нее были какие-нибудь другие побуждения, только она сказала:

— Вас, бабочки, я к себе насовсем не зову. У вас мужья, ребятишки, хозяйство. А девочкам нечего рассиживаться в деревне. Уж взять такой вопрос, как ваша хихиена и антисанитария, они у вас на низком уровне.

Девушки — некоторые закончили семилетку, а большая часть десятилетку — смешливо переглядывались, подмечая тети Полины ошибки. Нюра ничего не подмечала, она только глядела на тетю Полю и слушала.

— Вот Нюрочку-то я от вас и заберу! — объявила гостья.—

С ее голосом сопраном в Большой театр прямая дорога. А не то — устроится в палатку торговать пивом. Можно заработать хорошие деньги. А там, глядишь, за какого-нибудь заведующего выскочит замуж и будет кататься, как сыр в масле. Что, разве не бывает? Сколько хотите.

К удивлению, мать Нюры легко дала себя уговорить. Зато подружки-девчата ругались с тетей Полей до последнего дня. Они доказывали, что никакого сопрано у Нюрки нету, один истошный крик, и нечего ее зря сбивать с толку. Говорили, что в город хорошо съездить за высшим образованием, а не затем, чтобы выйти замуж за какого-то заведующего, когда есть свои парни — бригадиры, трактористы, мало ли! Свои парни, бригадиры и трактористы, не отговаривали Нюру, чтоб не получилось, будто они уж очень заинтересованы в том, чтоб она осталась, но о тете Поле высказывались определенно, не глядя, что она гостья: трепло и сводня.

Тетя Поля поджимала губы: вот она, окаянная деревенская некультурность! Но один раз так отляяла девчонок, применяя настолько забористые выражения, что они не дослушали и с визгом разбежались. А проходивший мимо шорник приостановился и тихо сказал:

— Да, вот это заряд, так запущено, что до Луны достигнет без останову.

— Поеду,— сказала Нюра.— Вы меня тут лодырем каким-то считаете, а там я себя покажу, вот увидите!

И только не сказала, что больше всего она мечтает, чтоб ее славу и достижения увидел Сережка Мельников. Но поскольку он пока еще все раздумывает, с кем гулять, с Веркой, с Валюшкой или с Нюрой, то пусть раздумывает, а она всем покажет...

— ...Сливочное мороженое, эскимо, пломбир! Крем-брюле нету, есть абрикосовое...

И вот уже прошло полтора года, а показывать особенно нечего. Впрочем, к тете Поле претензий нет. Она, как обещала, прописала племянницу у себя в комнатенке, а вскоре добилась в домоуправлении комнаты побольше, на двоих. И устроила на работу продавщицей мороженого. И говорила:

— Что может быть лучше! Товар приличный, культурненький, сама себе хозяйка, у всех на виду, как в том же театре.

Вначале Нюре действительно казалось, что все на нее смотрят, и она стеснялась и робела. А потом поняла, что смотрят не на нее, а на мороженое.

— Крем-брюле есть? Нет... да? Вечно у вас одно сливочное...

Из колхоза изредка приходили письма. Верка — заведующая молочной фермой, это надо! Валентина ездила на курсы в район, только на какие, не написала. Вернулась, гуляет с Сережкой. Они хотят строить дом, когда построят, тогда поженятся. В одном письме прислали вырезку из газеты со статьей про девчат. В каждом письме мать спрашивает: «Не думаешь ли вернуться, доченька!»

Можно бы, конечно, вернуться, потому что становится грустно, когда читаешь письма и представляешь себе и дом и все. И даже хорошо бы вернуться, потому что мечты были совсем другие, а как выходило в мечтах, так в жизни не получилось. Но что-то мешало решиться, собрать свои вещички, сказать тете Поле: «Спасибо большое, до свидания». Может быть, мешала гордость? Ведь Валюшка обязательно просмеет: «Ездила пошто? Привезла нет-ништо!» Или сказывалась привычка: «Сливочное мороженое, эскимо!» (Она даже во сне иногда бормотала эти слова.) И опять же комната — три минуты от метро, про нее тетя Поля убежденно говорила:

— Это клад! За такой московской комнатой любая девка хоть за тыщи километров босичищем прибежит!

Нюра теперь отлично знала, что любая не прибежит. Но сама она прибежала, и вроде жаль бросать. И еще одно: Сергей с Валентиной строят себе дом... Ну и пускай, а она еще себя покажет! Как покажет? Вот, может быть, отпуск возьмет и приедет в лаковых лодочках, в капроновом шарфике, с гостинцами для всех и, между прочим, для Сережки с Валюшкой. Не жалко. С новосельем, молодые!

Только возле вокзалов она торговать не хочет. Было уже один раз: Верка с чемоданчиком — уж до того деловая, не говори! — прошла мимо нее с ветеринаром и агрономом и даже не заметила. А Нюра обрадовалась, что осталась незамеченной.

Почему? Опять тот же вопрос. Продавщица мороженого — совсем не плохо. Но Верка, пробегая мимо, сыпанула словами: «пленум», «развивать»... А у нее, у Нюры, развивать особенно нечего, и слов в обиходе мало: «сливочный пломбир», «эскимо». А в колхоз, конечно, можно поехать во время отпуска. Нарядиться как следует, накупить всего и поехать...

Она представляет себе маленькую станцию с ветлами у перрона, попутную машину, а может быть, свою, колхозную. Пока будет ехать, вдоволь наговорится с водителем. Только бы не Сережка сидел за рулем. А проезжая лесом, замолчит: когда уж очень хорошо, разговаривать неохота. Лес, мост через речку, а там уже видать село... По крайней мере есть о чем помечтать, стоя у метро со своим сладким товаром...

А вот и кудрявый поэт идет. Нюра делает вид, что не замечает.

— Здравствуйте и до свидания, Нюрочка,— говорит он.— Последний раз беру у вас мой любимый ореховый пломбир и улетаю.

— Далеко ли?

— Ух, далеко! В Алтайский край. На все лето. Буду писать о девушках, которые встают вместе с солнцем.

— Это про колхозниц, что ли? — спрашивает Нюра.

— Про молодых хозяек земли!—увлеченно повторяет поэт.— Ну, до свидания, счастливо вам торговать.

И ушел, ни разу не оглянувшись. А что ему оглядываться? Съел пломбир, вытер пальцы платочком и ничего возле Нюры не позабыл, не оставил.

Воробьи расчирикались над головой. Какие-то молодые, наверно, муж и жена, везут новую мебель в грузовом такси, поддерживают шкаф с обеих сторон, как уважаемого родственника. Девушки и парни, пробегая мимо витрин, непременно смотрят на свое отражение в стекле. У девушек в руках ветки сирени, пышной, ярко-лиловой, привезенной в столицу с юга. А вот женщина несет нераспустившуюся черемуху.

«У нас, небось, уже цветет»,— думает Нюра, и видит перед собой кусты над оврагом, и как будто даже чувствует, как из оврага тянет холодком и холодок этот сладко пахнет черемухой...

— Нюра, ты чего тут делаешь?

Вот вам. Хоть торгуешь и не у вокзала, а все равно от знакомых никуда не денешься. Мишка Горохов! Если бы не окликнул, она бы не узнала. Ведь был невидный мальчонка, а теперь вымахал парень хоть куда! И светлый плащ и коричневые полуботинки,— Нюра всегда первым делом разглядывает, что на людях надето: это у нее привычка от тети Поли. Только зачем ему понадобилось спрашивать, что она делает? Как будто он сам не видит.

— Да вот тут стою,—небрежно говорит Нюра и неизвестно зачем врет: — Заменяю одну подружку. А вообще-то я на другом месте.

Мишка Горохов усмехается:

— Место другое, а товар тот же? Ну, а как живешь?

— Лучше всех.

— Уж будто? Замуж не вышла?

— А куда торопиться-то? Лишь бы шея была, а хомут найдется.

— Ну-ну, тебе виднее. Дай-ка мне пломбирчика.— И вынимает из толстого бумажника трешницу.

Почему-то Нюре становится обидно, что Мишка сует ей деньги.

— Знакомого могу угостить так.

— Так не нуждаемся,— независимо говорит Мишка.— Если в гости позовешь, тогда дело другое. Ты все у дворничихи живешь?

— У тети Поли,— сухо отвечает Нюра.

— И что ты с ней связалась? У нас ее никто не признает. Самая настоящая спекулянтка.

Нюра хочет заступиться за тетю Полю, но неожиданно для себя говорит:

— Миш, ты дома-то не болтай, что меня тут встретил. Это ведь я только временно. А вообще-то...

— А вообще-то ехала бы домой,— солидно и поучительно говорит Мишка.— Я болтать, конечно, не буду, мне что! Но я так думаю: если б ты работала на заводе, выдвигалась бы, ну тогда, конечно, другой разговор. Или в том же театре, или в институте... А бросить колхоз, чтоб мороженым торговать, это дело бесперспективное.

Слово было как будто бы деликатное, не обидное, но Нюре стало грустно и обидно. Она хотела сказать: «Зато сама себе хозяйка»,— но ведь он непременно ответит: «Вот Верка и Валюшка, те действительно хозяйки в целом колхозе. А это — что!»

Мишка съел два пломбира, поглядел на эскимо:

— Ну, давай уж и на палочке.

Потом сказал, что торопится и что, может быть, зайдет перед отъездом. Конечно, если время позволит. Ему надавали всяких наказов. Завклубом поручил купить фотоаппарат, библиотекарша—книжек (дала целый список) и еще велела сходить в Третьяковскую галерею.

— Где она, эта галерея-то? — спросил Мишка.

Нюра посмотрела на него и сказала неопределенно:

— В метро спустишься, там спросишь. Все знают.

— Ну-ну,— сказал Мишка, доел эскимо и почему-то сплюнул.— А пломбир-то лучше. Значит, я пошел.

Нюра до самого вечера стояла у метро со своим белым ящиком, смотрела на прохожих (что это нынче все, как сговорились, с сиренью, с черемухой) и думала: «А если и вправду взять да и вернуться? Будут смеяться или не будут? Вообще вроде не должны бы...»

— Девушка, сколько раз можно спрашивать, крем-брюле есть?

— Нету! — сердито отвечает Нюра.— Прямо всем: брюле, брюле,— будто ничего лучше и на свете нет!

Другой покупатель мог бы обидеться, но этот седоватый улыбнулся и сказал:

— Это правильно, есть вещи несравненно лучше...

— Ну и вот,— решительно говорит Нюра и снимает ящик с подставки.— А я вообще торговать кончила.

Покупатель не удивился, не нашел в этом ничего особенного. Кончила торговать, значит, подошло время.

Где ж ему было догадаться, какое время пришло для Нюры Копыловой!

Оригинальная постройка

В № 4 «Огонька» за 1955 год рассказывалось об избе, сложенной из поленьев. В деревне Сушки, Калужской области, я увидел дома из дров, в строительстве которых был применен оригинальный прием. Поленья укладывались на глиняном растворе, «диагональным» способом, то есть под углом в 45 градусов к граням стены. Второй ряд укладывался на глиняном растворе крестообразно, поперек уложенных поленьев первого ряда, этим достигнута продольная перевязка всей стены. Угол избы строится единым приемом со всей стеной. Стены, сложенные из поленьев на глиняном растворе, являются огнестойкими.

Архитектор П. РАГУЛИН

Москва.

Воспитанники юношеской спортивной школы города Николаева преподнесли местной команде мастеров «Авангард» мяч с надписью «Играть на «5». Юный футболист Володя Ковалев сказал:

— Примите наш подарок с памятной надписью. Просим, чтобы он был поставлен в центре поля в первой календарной встрече и... первым влетел в ворота противника.

Просьба Володи Ковалева была выполнена. В первой календарной встрече мяч с надписью «Играть на «5» был поставлен на центр и залетел первым в ворота противника — липецкой команды «Трудовые резервы».

Б. АРОВ

Хороши весной цветочки...

Л. КАФАНОВА, О. КНОРРИНГ

О цветах говорят много. Их заботливо выращивают в садах и парках, на площадях и на бульварах. Выводятся новые сорта и время от времени устраиваются выставки цветов.

— А где можно купить цветы? — спросили мы исполняющую обязанности директора Мосцветторга Анну Петровну Пановко.

Перерыв огромную кипу деловых бумаг, договоров и смет, Анна Петровна заявила:

— В этом году с цветами плохо. Весна холодная, и даже на юге нет цветов. Но кое-что вы все-таки сумеете достать в наших магазинах и ларьках. Мы собираемся продать 5 тысяч веток сирени, 20 тысяч тюльпанов, 5 тысяч нарциссов. В продажу поступят левкон, пионы, спаржа, львиный зев, душистый горошек.

Но вот цветочный магазин. Покупатели в нерешительности останавливаются перед пышными корзинами, к которым приколоты маленькие бумажки с трехзначными цифрами.

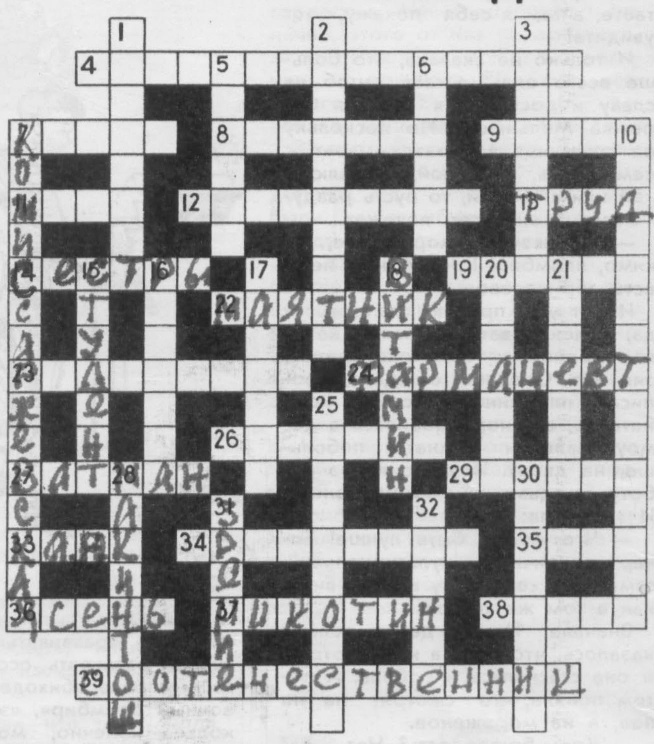

Ларьки Мосцветторга торгуют только искусственными цветами. Торговля, как видите, идет не очень бойко.

А рядом, всего в двух шагах, предприимчивые люди предлагают прохожим настоящие нарциссы, ландыши, сирень, пионы. Где же выращены цветы для продажи? И хотя они непомерно дороги, их покупают. Всем в весенние дни хочется цветов.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Приобретение знаний путем самостоятельных занятий. 7. Лабораторный сосуд. 8. Специальность ученого. 9. Вид переплетения нитей в тканях. 11. Приток Рейна. 12. Порода кур. 13. Название газеты. 14. Часть трилогии А. Толстого. 19. Якутский эпос. 22. Устройство в часах. 23. Прибор для измерения энергии излучения. 24. Работник аптеки. 26. Выдающийся русский механик, конструктор и изобретатель. 27. Сорт бумаги для черчения. 29. Английский ученый XIX века. 33. Легкая кожаная лодка у некоторых северных народов. 34. Соразмерность. 35. Полуостров на юге СССР. 36. Дерево широколиственных лесов. 37. Алкалоид, содержащийся в табачных листьях. 38. Морской моллюск. 39. Земляк.

По вертикали:

1. Соль угольной кислоты. 2. Механическое устройство для запуска самолетов. 3. Текст музыкально-вокального сочинения. 5. Советский физиолог. 6. Направленный прямолинейный отрезок. 7. Русская актриса. 10. Раздел астрономии. 15. Учащийся. 16. Круглая постройка. 17. Шкафчик с судовым компасом. 18. Вещество, необходимое для нормальной деятельности организма. 20. Южный мыс Камчатки. 21. Русский советский писатель. 25. Курорт на Северном Кавказе. 28. Плащ. 30. Вещи, используемые в спектакле. 31. Одно из чувств. 32. Яркий свет.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

3. Горихвостка. 6. «Злоумышленник». 9. Проза. 11. Наряд. 13. Ревун. 14. Анка. 15. Опыт. 16. Плюр. 17. Иссоп. 18. Орша. 19. Дефо. 21. Хром. 23. Жаров. 24. «Враги». 25. Волна. 28. Физкультурник. 29. Азербайджан.

По вертикали:

1. Арбуз. 2. Станс. 3. Гильза. 4. Вишера. 5. Аникет. 7. Архипелаг. 8. Фундамент. 10. Андреев. 11. Нахимов. 12. Доспехи. 13. «Рыболов». 19. Долина. 20. Пальма. 22. Моцион. 26. Октет. 27. Драже.

На вкладках этого номера: репродукции картин И. Крамского «Неутешное горе», «Автопортрет», А. Баптиста «Морской пейзаж», Д. Пэйнтера «Бирманские юноши», С. Роквуда «Автопортрет», Г. Фернандо «Наводнение в Раджарате» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03589. Подписано к печати 4/VI 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 632. Заказ № 1315.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Прогулки под водой

Л. САМОЙЛОВ (Рига)

Подводная лодка.

Неожиданный улов.

— Иди, Васенька, поныряй, но, смотри, не промочи ноги.

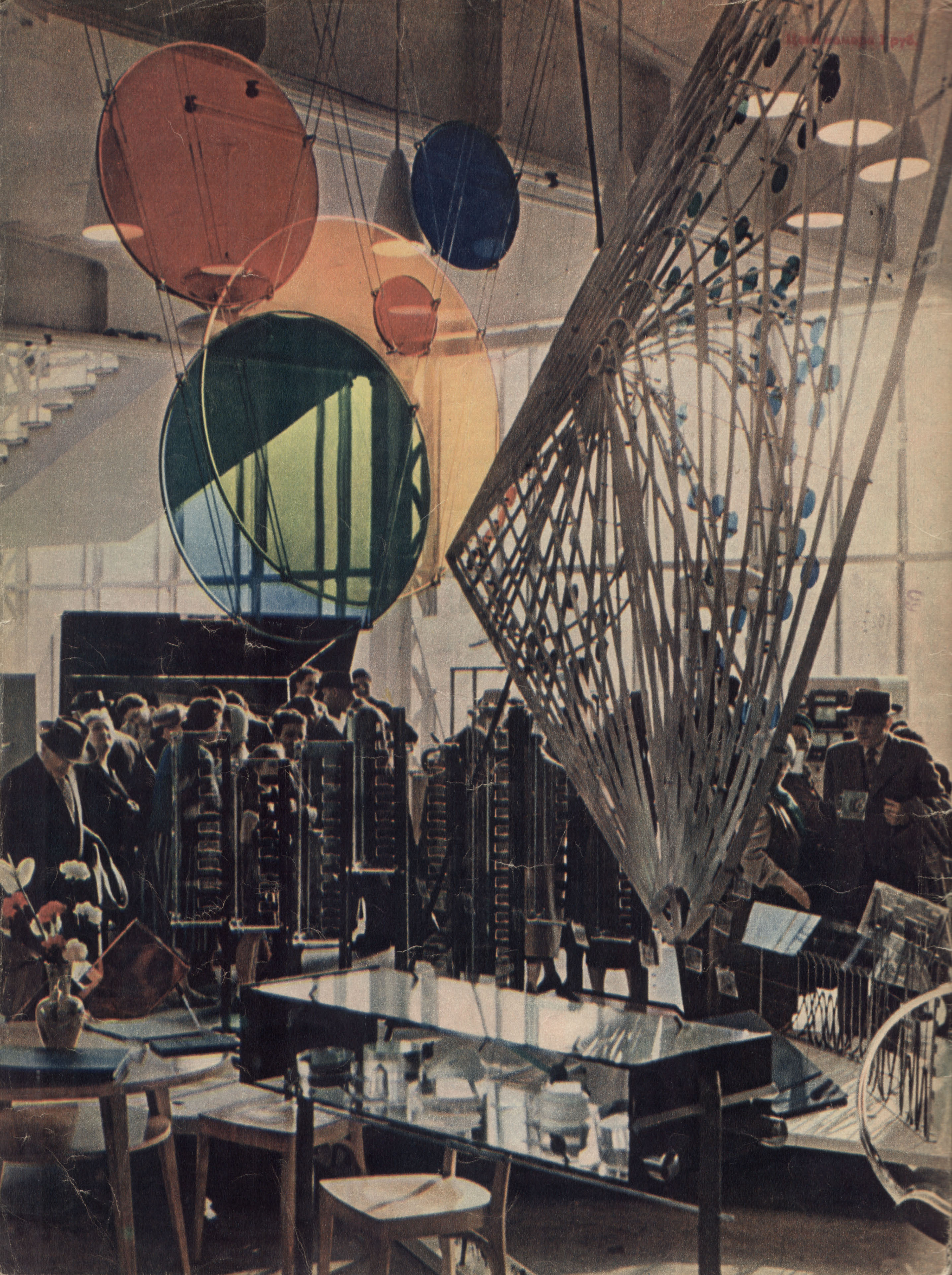
— Поцелуй меня, милый.

Засушили...

Труженица моря.

Браконьер.

— Вот отличное место для натуральных съемок. Только воду придется выкачать.

Цена номера 1 руб.